

[Polaris]

Павел
ОРДЫНСКИЙ

КРОВАВЫЙ
ТРОН

Salamandra P.V.V.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCXV

Salamandra P.V.V.

Павел
ОРДЫНСКИЙ

КРОВАВЫЙ ТРОН

Факсимильное издание

Salamandra P.V.V.

Ордынский П. Л.

Кровавый трон. — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 130 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXV. Факсимильное изд.).

Действие опубликованного сразу после Февральской революции авантюристо-фантастического романа П. Л. Ордынского «Кровавый трон» начинается в 1890-х гг. и доведено до 1917 г. Герой романа, главный инженер угольных копей Вадим Карамов, одновременно возглавляет тайную революционную организацию и изобретает машину «Всевидящая», которая позволяет расправиться с врагами в любой точке земного шара.

КРОВАВЫЙ ТРОН

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынского.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I

Стояли длиные дни начала мая. Кленъ в лице, береза и дубъ буйно развернули свои зеленые листья. Большой цветомъ щѣли яблони и опьяняющимъ ароматомъ благоухали лиловыя спрени, окружая собою небольшую дачу главнаго инженера угольныхъ копей Вадима Викентьевича Карамова.

Сквозь ажурный узоръ вѣтвей проникали золотые лучи солнца и на песчаныхъ дорожкахъ аллей сверкали искристыми пятнами. Высокія мачтовыя сосны купали свои вершины въ солнечномъ зноѣ.

Киримовъ, стройный господинъ, лѣтъ 40 съ подстриженными по англійской модѣ усами, въ бѣломъ чесучевомъ пиджакѣ, вышелъ на террасу, гдѣ быть предусмотрительно поданъ кофе въ серебряномъ кофейнике и лежали свѣжіе номера газетъ.

Инженеръ только что усѣлся за столикъ и развернула газету, какъ около дачной рѣшетки послышался топотъ лошадиныхъ копытъ.

На вѣмыленномъ сѣромъ конѣ у дачи остановился шахтерскій курьеръ Степановъ.

Онъ быстро сообочилъ ехѣдла, и, накоро привязавъ коня за рѣшетку, поспѣшилъ къ инженеру.

— Вадимъ Викентьевичъ, директоръ вѣсъ просить немедленно показовать въ контору.

— Что же тамъ случилось?—осведомился Карамовъ.

— На коня забастовка. Войско попадало. Рабочихъ скучуя нагайками. Казаки. Страсти Господни...

— Проклятие,—сквозь стиснутые зубы буркнулъ инженеръ.

И курьеръ даже не понялъ въ кому относилось это восклицаніе: къ рабочимъ ли, каторжникамъ скучуя, или къ казакамъ.

О томъ, что забастовка изрѣзала давно, инженеръ зналъ, но сильнее не предвидѣлъ, чтобы съ рабочими послѣдовала такая скрутая расправа.

Правда была на ихъ сторонѣ.

Они только и просились въ томъ, что наставили на оплатѣ заработка по старымъ нормамъ, упраздненнымъ вновь назначеннымъ директоромъ.

— Есть убитые?—спросилъ Карамовъ у курьера.

— Много. Еще больше изувѣченныхъ. Эти башубузуки бьютъ безъ всякоаго милосердія. Сколько однихъ череповъ проломлено.

«Какая несправедливость»,—думалъ инженеръ облачаясь въ дорожный костюмъ и приказывая осѣдлать для себя лошадь, чтобыѣхать въ контору. «Какая несправедливость»—бьютъ людей за то, что они хотятъ жить. Ничѣмъ неострандываемая жестокость.

Инженеръ всегда думалъ, что виной всему этому тотъ иподлый строй, который по наследству наследуетъ Александръ.

Этот строй безбожно угнетает массы, обезличивает ихъ, всячески угнетаетъ и заставляетъ и даетъ просторъ только бояться, придворной склонъ и разныемъ темныемъ проходящимъ, умѣющимъ ладить съ кѣмъ нужно.

«Пройдягъ строй», — скрипнула зубами инженеръ. Подожди же...

Онъ скакъ вужани, какъ бы готовый броситься на своего аѣшшаго врага...

Глаза его сверкнули иѣвомъ. Это были искры нокрепшаго тѣла сильнаго человѣка, могущаго постоять за себя.

— Лошадь готова, — доложилъ турьеръ.

Инженеръ Караванъ взялъ хлыстъ и взобрался на статнаго тѣлѣдого жеребца.

День разгорался радостный, и ничто какъ бы не говорило о томъ, что пѣ-то бывать и калѣчить людей темные слуги произвола и насилия. Ничто, казалось, же предвѣщало какого-либо измѣненія.

Ослѣдѣтельно сверкала сухая пыльная дорога... Вдали, надъ сѣрымъ сизуатомъ города трепыхалось знойное марево, точно полубой дымокъ надъ аспиляцией котломъ.

Дорога знакомая, окрестности давно изучены и, конечно, мало интересны. И если въ дальнѣйшемъ, что начало интересовать инженера, такъ это появляющіяся на горизонте туманныя пятна облачковъ. Будто какой-то невидимый колосъ, спрятавшійся за чертой земли, выбрасывалъ изъ своей исполнитѣйской ладони кусочки ваты сѣроватаго цвѣта. Кусочки эти постепенно соединялись въ лохмотья пучинъ, пучинъ въ охапки и постепенно сокнулись въ сплошную завѣсу, охватившую полнеба и вставшую, какъ угроза майскому дню.

Лицъ солнца инезапно потускнѣло и вскорѣ исчезъ, точно спрятался въ необычайный карманъ колосса.

— Будетъ гроза безпремѣнно, — замѣтилъ Степановъ.

— Да, — согласился инженеръ, — и врядъ ли мы успѣмъ добраться до города?

Между тѣмъ, туча, заслонившая солнце темнѣла, наливалась чернотою, какъ желатиновый шузырь чернилами и стала вхождѣй на огромную грифельную доску съ мѣдно-краснымъ обводомъ по краямъ.

Издалека доносится гулъ, напоминающій ветерное рыканье львовъ въ пустынѣ.

Еще моментъ и по черной грифельной доскѣ молниеносно черкнулась изломанная линія бѣлыя. Черная доска треснула сверху до низу и, въ образовавшуюся щель на мгновеніе хлынула ослѣпительный свѣтъ серебряныхъ букетовъ.

Далекіе дома города, вкрапленные до того во тьму, какъ-то вытянулись, потомъ пристали, точно мальчишки въ дракѣ! Всѣдѣла эта гроза, казалось небывалый отъ сотворенія міра ударъ прогромыхалъ въ небѣ ужасающе и долго.

Притѣкшій къ обобиеніямъ инженеръ Караванъ сравнилъ этотъ ударъ съ грохотомъ миллиона разбитыхъ телъ, катящихся въ безшу по неровнымъ кампьямъ.

Инженеръ вмѣстѣ со своимъ спутникомъ выѣхали въ предмѣстье города. Здѣсь ураганъ былъ уже въполномъ разгарѣ: Съ швѣчимъ звономъ летѣли вывѣсоки, буйно вихрилась солома, носились какія-то тряпки. Толстыя деревья садовъ, ломались подъ кипоромъ вѣтра, какъ тонкіе карандашки.

(Продолженіе слѣдуетъ),

КРОВАВЫЙ ТРОНЬ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1.

Изъ темныхъ нѣдръ неба, пронизываемыхъ зигзагами молний, хлестали водопады воды.

Инженеру и его спутнику пришлось искать убежища подъ крышей какого-то кавъса.

Черезъ нѣсколько минутъ ураганъ пронесло.

Карамовъ съ удовольствиемъ увидѣлъ, какъ снова весело за- сверкало золотое солнце, освѣщающее вымытый хаосъ разрушений. По мостовымъ катились рѣки воды, отражая чистый блескъ солнца и прояснившуюся, какъ бы вымытую синеву неба, унося обломки деревьевъ, испорченное жѣзо и прочій ненужный мусоръ и хламъ. Восстанавливавшійся нарушенный ходъ жизни. Какъ

— Такъ я во всѣогдѣ,—думалъ инженеръ Карамовъ. Сначала будто ничего не случилось.

хаосъ и разрушеніе,—всѣдѣ за нимъ муравьиное созиданіе. Вѣчный замкнутый кругъ..

И онъ улыбнулся какой-то своей затаенной мыслью, словно вызванной грозою.

Кони остановились у городской конторы юдей...

Эта улыбка какъ бы говорила:

— Подождите вы, всѣ учнегатели народа, придетъ и для вѣасть ураганъ, который размечеть всѣ ваши хитроумныя сооруженія, поддерживающія насилие и рабство.

Подождите, часъ близокъ...

2.

Въ то же утро новый директоръ угольныхъ юдей Платонъ Сергеевичъ Ропотовъ вновь переживалъ большое волненіе.

По обыкновенію, прия въ контору, онъ въ свое кабинетъ, на буру увидѣлъ большой ненавистный ему бѣлый конвертъ, перевязанный зеленою лентой.

На конвертѣ было отстукано на пишущей машинкѣ:

«Директору угольныхъ юдей Ропотову, срочно».

За короткое время это былъ третій пакетъ.

— Чортъ возьми! Опять!—испуганно воскликнулъ директоръ,—для простой шутки это слишкомъ часто.

— Семенъ, кто приноситъ этотъ пакетъ?

— Не могу знать, господинъ директоръ.

— Посмотрите, есть ли на немъ почтовый штемпель?

— Никакого штемпеля вѣтъ, господинъ директоръ,—отвѣтилъ служитель, осмотрѣвъ пакетъ тщательно со всѣхъ сторонъ.

— Такъ. Кто-нибудь входилъ въ мой кабинетъ?..

— Никого же было, господинъ директоръ. Я все время находился у дверей и никуда не отлучался ни на минуту, какъ было вами приказано.

— Чортъ знаетъ что такое. Самъ что ли онъ прилетѣлъ сюда. А окно было закрыто?

— Такъ точно. Закрыто.

— Разпечатай пакетъ.

Служитель вскрылъ конвертъ и, извлекши изъ него письмо, передалъ посланіе директору.

Платонъ Сергеевичъ осторожно, точно оно было отравлено, кончиками пальцевъ взялъ письмо, вскинулъ на носъ ленсю и прочиталъ:

«Милостивый государь! Напоминаемъ вамъ въ третій разъ, что если вы не возстановите на вашихъ копьяхъ прежнюю расцѣновку, то рискуете павлечь на себя дашь оправедливый гнѣвъ. Да же въ 24 часа на размышеніе. Кстати присовокупляемъ, что письмо это исходить не отъ рабочихъ, а отъ болѣе сильныхъ людей».

Внизу стояла подпись «Партия предостерегающихъ».

— Какая романтика,—злобно буркнулъ Репотовъ, опускаясь въ кресло и перво закуривая сигару.

Задумался.

Медленно текли минуты. Весеннее солнце золотой лавиной вливалось въ окно кабинета. Доносился грохотъ и шумъ города.

Два противоположныхъ чувства боролись въ душѣ директора: страхъ за жизнь, которой угрожали неизвѣстные люди, возможно, вѣдущіе его шантажировать и нежеланіе пойти на уступки, ибо эти уступки грозили копьямъ многотысячныхъ расходовъ. А это не шутка. Добиваясь положенія директора, онъ преслѣдилъ всего быть на экономію. Зная о безбрежности покровительствъ золотоататоровъ со стороны правительства, Репотовъ и мысли не допускалъ о какихъ-либо эксцессахъ. Рабочіе могутъ взбунтоваться, перестать работать, но правительство немедленно пришлетъ какого-либо бурбана-спирожника, или браваго ротмистра, который во глагъ юной банды казаковъ или жандармовъ, быстро возстановить порядокъ.

Платонъ Сергеевичъ поднялся съ кресла и нѣсколько разъ прошелся по кабинету.

Снова вызвалъ служителя.

— Главный инженеръ приѣхалъ?

— Да, господинъ директоръ.

— Попроси его ко мнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошелъ Карамовъ.

— Посмотрите, посмотрите, Вадимъ Викентьевичъ, — заинтересовался директоръ, сунувъ руки Карамову только что получившее письмо.—Осада продолжается. Мое положеніе становится совсѣмъ инымъ. Чѣмъ дѣлать?

Главный инженеръ разинуло пробѣжалъ посланіе, сложилъ его и вскинулъ въ кинвертъ.

— Ничего не могу сказать,—заговорилъ онъ.

— И, помолчать, добавилъ:

— По существу они правы. Наша расцѣнка работъ и прежде были низки, а теперь, когда ихъ уѣзали...

Репотовъ замахалъ руками:

— И вы туда же, Вадимъ Викентьевичъ!.. Я вѣдь не обѣ этомъ спрашиваю. Вы посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать. Эти письма вымотали мои нерви. Они меня сума сводутъ. Появляются какимъ-то гениальнѣмъ образомъ, точно растуть на моемъ бюро...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Главный инженеръ улыбнулся. Онъ хотѣлъ напомнить изрѣчение Маймонида, сказавшаго: «Если ты получаешь доходъ не зарабатывая его, то кто-нибудь другой зарабатываетъ его, не получая»,—но промолчалъ.

— Что-жъ,—развелъ онъ руками,—тутъ, разумѣется, умѣстно вѣшательство лицъ, специально на этотъ счетъ поставленныхъ. Пригласите какого-либо новаго всевѣда.

Соѣтъ былъ высказанъ почти иронически, но Платонъ Сергеевичъ не уловилъ ироніи и ухватился за него, какъ за икорь спасенія.

— Въ самомъ дѣлѣ это мысль,—воскликнулъ онъ.—У меня есть знакомый. Пусть-ка онъ понюхаетъ. Пусть пощупаетъ кого пущено.

Инженеръ улыбнулся въ усы.

— Разумѣется, это дѣло для него подходящее,—замѣтилъ онъ, выходя изъ кабинета.

Онъ приказалъ подать коня и отправился за копіе.

III.

Знакомый чинъ Ропотова «всевѣдъ» или начальникъ охраны Лѣпидѣловъ, находясь въ своемъ служебномъ кабинетѣ, былъ занятъ довольно серьезнымъ дѣломъ.

Онъ накалывалъ на будавки засушенныхъ жучковъ и раскладывалъ ихъ въ коробочки. Надписывалъ на коробкахъ номера и дѣлалъ замѣтки о разностоіяхъ насѣкомыхъ въ особой тетрадкѣ. Вѣроятно, онъ такъ же сортировалъ и людей, имѣвшихъ несчастье попасть въ его распоряженіе по известнымъ дѣламъ.

Это былъ толстый, малоподвижной человѣкъ, съ круглой, какъ у нѣмца, лысой головой и широкими бровями, напоминающими крылья страго майскаго жука. Въ сущности онъ былъ субъектомъ очень добродушнаго свойства и лишь его профессія застѣгнула изъ лицъ его черты ехидной суроности и шодозрительной дальности, что присуще людямъ его поприща.

Лѣпидѣлову доложили о пріѣздѣ директора угольныхъ копей.

— Проси,—сказалъ онъ,—быстро спрятавъ коробки съ своими насѣкомыми и такъ же быстро обложилъ различными бумагами, придавъ себѣ видъ солидности и работоспособности занятаго человѣка.

— Здравствуйте, Платонъ Сергеевичъ.

Лѣпидѣловъ пожалъ руку директора.

— Чѣмъ могу служить? И очень радъ виѣть...

Ропотовъ въ краткихъ словахъ рассказалъ суть дѣла, представивъ при этомъ весь полученный письма.

— Посовѣтуйте, что же мнѣ дѣлать?

Лѣпидѣловъ откашлялся, склонивъ пѣсколька разъ своими жучинными бровями. Побарабанилъ толстыми пальцами по столу.

— Вы очень хорошо сдѣлали, что обратились къ

минъ,—произнесъ онъ съ аппломбомъ. И я, конечно, приму всѣ мѣры, чтобы изловить этихъ негодяевъ... Дѣло, разумѣется, несложное. Я икъ сумѣю выслѣдить. Такія дѣла у меня бывали и я всегда выходилъ изъ нихъ съ честью. Не волнуйтесь...

Говорилъ Лѣподѣловъ спокойно, какъ человѣкъ вполнѣ увѣренный въ своихъ силахъ и своей талантливости по уловленію человѣковъ и опытахъ въ преслѣдованіи ала съ государственной точки зренія.

— Я очень вамъ благодаренъ,—произнесъ директоръ и сердечно шокалъ руку Лѣподѣлова.

Онъ преисполнился надеждой.

Въ толь же мгновеніе въ дверь кабинета постучались.

— Войдите.

Въ кабинетъ вошелъ дежурный и подалъ телеграмму.

Лѣподѣловъ прочиталъ:

— Порекомендуйте директору уголовныхъ копей немедленно исполнить требование партии «предостерегающей». Сейчасъ онъ сидитъ у васъ и, конечно, его легко убѣдить.

Лѣподѣловъ прочиталъ телеграмму вслухъ.

Лицо директора покрылось блѣдностью.

— Дѣло, какъ видите, принимаетъ серьезный оборотъ,— глухо замѣтилъ онъ, нервно закуривая сигару?

Вспыхнувшая надежда отлетѣла, какъ дымъ.

Лѣподѣловъ взялъ успокоительный тонъ.

— Вы волнуетесь? Бросьте. Отъ угрозъ къ исполненію, дистанція огромнаго размѣра. Повѣрте, что въ моихъ рукахъ слишкомъ много средствъ, чтобы помѣшать ихъ дѣятельности.

— Но что мнѣ дѣлать?—съ тоской пролепеталъ директоръ... Откуда они знаютъ, что я въ данный моментъ находусь у васъ? Поймите, что я никому не говорилъ о вашемъ къ вамъ.

Лѣподѣловъ нѣсколько секундъ находился въ раздумьи. И выпесъ безаппеляціонное рѣшеніе:

— Несомнѣнно, это дѣло рукъ вашихъ рабочихъ. Иной догадки быть не можетъ. Вотъ я ихъ подтяну. Да такъ, что небу будетъ жарко...

— Что вы, что вы?—загротестовалъ директоръ... Ихъ и такъ подтянули.

Лѣподѣловъ перемѣнилъ тонъ.

— Если вы боитесь,—то я бы порекомендовалъ вамъ на нѣкоторое время покинуть копи. Ну, хотя бы подъ предлогомъ переговоровъ съ главнымъ правленіемъ...

— Вы полагаете, что мое мѣстопребываніе не будетъ открыто?

— О, конечно, нѣтъ. Мои люди будутъ сгѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ.

— Ну, эта перспектива не изъ пріятныхъ... Быть объектомъ полицейского надзора,—усмѣхнулся директоръ, рисуя себя въ положеніи охраняемой особы.

— Успокойтесь. Вы даже не замѣтите ихъ присутствія. А этихъ таинственныхъ дьяволовъ я выведу на свѣжую воду... Ужъ, повѣрте.

И Лѣподѣловъ даже ударилъ кулакомъ по столу для большей убѣдительности своихъ словъ...—Чортъ возьми, развѣ у него не было такихъ дѣлъ?

— Н-да,—размышилъ директоръ, выходя изъ кабинета Лѣподѣлова,—я дѣлаюсь героемъ какого-то бульварного романа. Становится все-таки противно.

(Продолжаніе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IV.

Въ шахтерскомъ поселкѣ происходило необычайное волненіе. Весь поселокъ представлялъ, какъ осажденный лагерь. Тутъ и тамъ кучками собирались рабочіе, обсуждая создавшееся положеніе. То и дѣло проносили убитыхъ и раненыхъ съ коней. Слышались истерическія проповѣдія бабъ по своимъ близкимъ. Всюду гарцевали казаки, съ винтовками за спиной и нагайками въ рукахъ. Какъ ураганъ, они врѣзались въ болѣе или менѣе многолюдныя группы, разгоняя собравшихся, щедро разыпая удары нагайками, систѣ и гикая, какъ разбойники.

— Кровопийцы, кровопѣщи, будьте вы прохладты отнынѣ и за вѣки—пронзительно воила какая-то растрепанная сѣдоволосая старуха, съ глазами, горящими безумнымъ огнемъ, и грозила костяжнымъ кулакомъ.—Дьяволы...

— Замолчи, вѣдьма,—таркнула на нее проѣжающей мимо казакъ, въ заломленной на затылокъ фуражкѣ.—Онъ привсталъ на стременахъ и ловко вытянула старуху нагайкой вдоль спины.

Старуха взизгнула, ушла въ пыль улицы и продолжала волить, цѣркя проѣлять по адресу варваровъ.

Наблюдающій эту картину инженеръ Карамозъ, подѣхалъ къ казаку и гнѣвою сказалъ:

— Какъ тебѣ не стыдно бить беззащитную?

Казакъ хмуро покосился на инженера и, ничего не отвѣтивъ, отѣхалъ въ сторону.

Гладный инженеръ думалъ:

— Вотъ плоды гнуснаго строя. Этотъ строй распинаетъ своего Христа въ лицѣ бѣдной, темной массы и возвеличиваетъ разбойниковъ... Какой-то желтый домъ, гдѣ люди не вѣдаютъ, что творятъ... О, нѣтъ, это не должно таѣть продолжаться. Кровь землѣнныхъ созошить къ небу. Должна же быть на землѣ справедливость. И всѣ тѣ, кто насаждаетъ произволъ и насилие, понесутъ возмездіе.

Карамозъ далъ широки коню и направился къ конямъ.

Не успѣлъ онъ отѣхнуть нѣсколько шаговъ, какъ сзади его окликнули:

— Вадимъ Евгентьевичъ, вы куда?

Спрашивавшій младшій помощникъ инженера, молодой человѣкъ въ студійской фуражкѣ, запыленный съ головы.—На коня?

— Да,— отвѣтилъ Карамовъ, пріостанавливаясь.

— Не совсѣю..

— Почему же?

— Васъ могутъ случайно подстрѣлить,—тамъ происходитъ настоящее сраженіе... Ужасъ...

— Ничего..

Карамовъ былъ фаталистомъ. Несколько не боялся смерти и привыкъ смотрѣть любой опасности прямо въ глаза, разсуждая, что если ему суждено умереть отъ шули, то никакія предосторожности не могутъ спасти его отъ встрѣчи съ нею.

Онъ зналъ, что его присутствіе на коняхъ необходимо. Знать о той искренней любви, которую питали къ нему рабочіе. Одно его появление могло внести успокоеніе въ ихъ настроеніе.

— Такъ, значитъ, ёдетѣ?—спросилъ помощникъ?

— Конечно,—отвѣтилъ Карамовъ, ударилъ хлыстомъ по шею своего коня и быстро скрылся въ клубахъ пыли.

На встрѣчу попадались носилки съ ранеными. Тогда инженеръ остановился и распрашивалъ о положеніи дѣлъ.

Рабочіе со слезами на глазахъ жаловались, что виной кровопролитія является жандармскій ротмистръ, который первый отдалъ приказъ разстрѣливать, въ началѣ мирно настроенну толку.

— Разумѣется, изъ юношескаго здѣшня не выдержала—разокасы-
вавъ старый шахтеръ, съ густо нахмуренными бровями—и пустили
въ ходъ камни юзки и куски руды.—Тогда жандармы и казаки
озвѣрѣли и начали поголовное избіеніе.

Сердце Карамова обливалось кровью, когда онъ выслушивалъ эти жалобы бѣдныхъ людей, подвергшихся жестокой 'экзекуціи' шельмо изъ то, 'что' они не могли нести 'тяжелый трудъ за тѣ' кроши, которые швыряла имъ богатѣйшая 'компанія' угольныхъ коней.

Главный инженеръ приближался къ бравому жандармскому ротмистру, съ блѣдными аксельбантами, находящемуся во главѣ отряда.

— Господинъ ротмистръ, — обратился Карамовъ—отдайте распоряженіе немедленно прекратить избіеніе.

— Съ кѣмъ имѣю честь?—сухо спросилъ ротмистръ.

— Я—главный инженеръ этихъ коней, Карамовъ.

— Очень приятно. Но я дѣйствую согласно инструкціи.

— Ни времія прекратить ея дальнѣйшее выполненіе. Не будьте 'формалистомъ'. Поймите, что на нашей сторонѣ всѣ средства, а изъ сторонъ рабочихъ только синты, предназначенные для нагаекъ. Разрешите мнѣ переговорить съ рабочими лично.

— Пожалуйста—пожалъ плечами ротмистръ. — Ничего не имѣю.

Онъ отдалъ соответствующую команду.

Карамовъ слѣзъ съ лошади, передѣль поводья жандарму и вѣшкомъ направился къ шахтамъ, откуда доносился шумъ многихъ голосовъ.

(Продолженіе слѣду)

КРОВАВЫЙ ТРОНЬ.

П. Ордынского.

—

Замътиль жившагося главного инженера, толпа шахтеровъ, загнанная жандармами въ районъ копей, пріумошка. Раздѣль привѣтствія и возгласы:

- Здравствуйте, Вадимъ Викентьевичъ.
- Заступитесь за насъ!
- Будьте отцомъ роднымъ.

Даже изъ откъ возгласовъ Карамовъ вывелъ заключеніе, что шахтеры застроены совсѣмъ не воинственно. И, конечно, никакой надобности въ кровавой расправѣ съ ними не было.

Онъ съ грустью разматривалъ потные, покрытыя высыпшися угольной пылью, лица изможденныхъ рабовъ труда.

Думалъ:

— О, бѣдность, ты единственное бремя, которое тѣмъ тяжесть, чѣмъ больше людей тебя носятъ. Но почему же такъ? На огромныхъ пространствахъ Россіи, на ея заводахъ, рудникахъ и фабрикахъ, въ шомбѣщихъ экономіяхъ, тяжко гнуть спину вотъ эти люди за кусокъ чернаго хлѣба. Неужели у нихъ никото не являлось мысли самостоятельно выпрямить спину и осознать все ничтожество тѣхъ, кто ими повелѣваетъ? Неужели они должны ждать помощи отъ чѣго-то другого? Да, видимо такъ. И не онъ ли, инженеръ Карамовъ, призванъ вывести ихъ изъ дорогу свѣта?

Всѣ эти мысли промелькнули въ головѣ главного инженера съ быстротою молнии, прежде, чѣмъ онъ обратился къ шахтерамъ съ словами успокоенія.

— Друзья мои, — говорилъ онъ, — на вашу долю выпалъ тяжкій крестъ.

Эти слова хлестнули шахтеровъ, точно скручивъ бичемъ. Точно раскаленные угли коснулись ихъ душевныхъ ранъ.

— Вѣрно, вѣрно, — загудѣла толпа. — Потибземъ!.. А за что?..

— Согласно существующимъ законамъ... — продолжалъ Карамовъ, но его перебилъ гибній голосъ.

— Какіе это законы. Это—разбой...

— Да, я согласенъ, — покачавъ плечами инженеръ. — Но они существуютъ. Вотъ я и говорю, что согласно этимъ законамъ, къ вамъ прислали жандармовъ, которые произвели кровавую расправу съ вами.

— Мы ихъ не трогали, — прогремѣлъ тотъ же гибній голосъ шахтера, повысивъ до визгливыхъ чотъ. — Мы хотѣли празды. Не такъ ли, товарищи?

— Такъ, правильно, — отозвалась толпа.

Давъ толпѣ успокоиться, инженеръ продолжалъ, при чѣмъ въ интонацію своего голоса старался вложить всю силу присущей ему убѣдительности:

— Друзья мои, правда въ этомъ сирѣ подумается различно, а преимущественно отсутствуетъ. Въ большинствѣ случаевъ не правый властвуетъ, а правый подчиняется и терпитъ всяческихъ униженій и лишеній.

— Вѣрно, вѣрно... — ухала толпа шахтеровъ.

— Вашей задачей должно быть упраздненіе подобнаго положенія. Но какъ? Если вы будете дѣйствовать, какъ дѣйствуете теперь, т.-е. въ одиночку—всѣ ваши страданія останутся при васъ. Поэтому, я призываю васъ, друзья мои, продолжать работу...

Услыхав этот призыв толпа шахтеров снова заволновалась. Кто-то крикнул:

— Пусть там не уменьшают платы. Мы же можем жить на этот заработок.

— Если это главное препятствие к возобновлению работы, — спокойно сказал инженер, — то я беру на себя обязанность отстоять ваше требование.

— Больше мы ничего не жалеем, — раздались голоса. — Мы голодаем. И пусть уберут жандармов.

«О, дёти, — думал инженер, — вы требуете только хлеба, тогда, какъ въ вашей власти потребовать свержения всего того, что въ васъ давитъ и тягнетъ».

Горькая усмѣшка скользнула по красивымъ чертамъ его лица.

«Взять дацуть, конечно, хлеба, но не слишкомъ много. Для угрозы же вашему аппетиту будуть преподнесены тарцовати сине «герои» во главѣ съ брачимъ ротмистромъ въ бѣлыхъ аксель-бантахъ. Почему они въ бѣлыхъ? Красные были бы больше символичны для исполнителя кровавыхъ преданчертаній. Но красный дѣлть — символъ свободы... Все наоборотъ...

— Для васъ, друзья мои, я сдѣлалъ все, — сказалъ онъ на прощанье.

И, напутствуемый благодарностями, главный инженеръ покинулъ шахты.

День склонялся къ вечеру. Отъ заходящаго солнца горизонтъ былъ занятъ краснымъ свѣтомъ. И Карамову казалось, что это кровь невинныхъ жертвъ окрасила собою безстрастное небо и висѣла скорбной угрозой всѣмъ насильникамъ и угнетателямъ народа.

Инженеръ подошелъ къ начальнику отряда.

— Господинъ ротмистръ, рабоче немедленно приступить къ работамъ, если вы уведете отсюда вашихъ людей.

Ротмистръ вѣжливо приложилъ руку къ фуражкѣ.

— Слушаю.

— Но, конечно, этого района мы же покинемъ и явимся при первой же тревогѣ.

Главный инженеръ сѣлъ на своего коня и мелкой рысью, въ клубахъ розовой пыли, шарахнулся въ городъ.

Новые мысли овладѣвали инженеромъ. Какая-то светлая надежда захоронялась въ душѣ. Конечно, не вѣчно рабство. Не вѣчно будетъ продолжаться угнетеніе человѣка человѣкомъ. Однажды откроются глаза и увидятъ всю бездну ужаса, въ которой жили, умирали и живутъ люди.

Вѣдь, свобода и справедливость прѣтуть и прѣтутъ въ душѣ каждого человѣка: Но находятъ они подъ паномъ страха, обмана и запугиванія. Въ концѣ концовъ все это отпадетъ, какъ листья въ пору осени. Во весь ростъ встанетъ свободный человѣкъ... Да, онъ, конечно, встанетъ. И могучий гимнъ свободы хоромъ миллионы голосовъ прозвучитъ по всему земному шару.

Начинало темнѣть. И ночь, предтеча нового дня, опускала свое крыло надъ міромъ.

Вспоминались слова испанца Сальвадоры, воина революціонеровъ: Тамъ, за полями, находятся города, великия скопленія современной цивилизации и въ нихъ тоже живутъ толпы обездѣденныхъ и несчастныхъ. Ихъ души уже жалятся въ лучахъ зари нового дня, они видятъ надъ своими головами первые лучи солнца, между тѣмъ, какъ остальной міръ погруженъ во тьму. Они будутъ избранными, и пока крестьянинъ остается въ полѣ, работая съ угремой покорностью быка, пролетарій въ городѣ просыпается и поднимается на ноги, чтобы идти по дорогѣ свободы и свѣта...

Мысль инженера летѣла еще дальше. За гранью тьмы ему уже рисовалась тѣль радостный день, въ который освобожденное человѣчество пойметъ свое истинное назначение. Въ «свѣтлыхъ» зоряхъ грядущаго сѣлъ видѣть, какъ рушились троны — эти оплоты насилия и рабства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЬ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VI.

Двухъэтажный барский особнякъ въ одномъ изъ тихихъ переулковъ города, въ сущности, не привлекалъ ничьего особенного вниманія. Быть онъ, какъ и всѣ зданія подобнаго рода, въ которыхъ обитали люди занятыхъ классовъ, привилегированныхъ сословій, или барствующіе рантье.

Днемъ верхнія окна блестѣли своими зеркальными стеклами, а по вечерамъ закрывались плотными темными шторами. Окна нижняго этажа всегда были закрыты отъ случайныхъ или любопытствующихъ взоровъ.

На массивныхъ дверяхъ параднаго подъѣзда висѣла прекрасно вычищенная мѣдная донечка, гласившая своей надписью, что хозяинъ квартиры является торный инженеръ Вадимъ Евгеньевичъ Карамовъ.

Верхъ особняка занималъ самъ инженеръ, а низъ былъ отведенъ подъ лабораторію для различныхъ опытовъ. Весь особнякъ обслуживался только тремя слугами: дворникомъ, лакеемъ и кухоньмъ, помѣщающимися въ особомъ зданіи внутри двора.

Квартиру свою инженеръ обычно отпиралъ английскимъ ключомъ. Когда же требовалась какая-либо услуга, звонкомъ вызывалъ лакея. Чанде всего обходится безъ усугубъ, предложивъ все сѣять лично.

Въ лабораторіи работали два помощника инженера, оба молодые люди, удивительно похожіе другъ на друга, какъ близнецы. Они занимались только въ части лабораторіи; другая же часть была заперта. Сюда входилъ только Карамовъ. И даже для помощниковъ было загадкой, что онъ тамъ дѣлалъ. На своихъ помощниковъ Карамовъ производилъ впечатлѣніе какого-то замкнутаго хранилища съ драгоцѣнными дарами духа. Они предъ нимъ положительно благоговѣли...

Возвратившись съ коней уже ночью, инженеръ прошелъ въ свой кабинетъ, замкнулъ электричество, закурилъ сигару и устало опустился въ мягкое кожаное кресло, съ видомъ очень утомленаго человека.

Выпуская клубы едкаго дыма, онъ нѣсколько минутъ сидѣлъ неподвижно, рассматривая портретъ молодой, красивой женщины, находящейся на письменномъ столѣ.

Затѣмъ досталъ бюваръ въ желтомъ сафьянѣ, раскрылъ его и, взиръ широ, началъ медленно писать:

— Итакъ продолжаю. Прежде люди слялись на мечахъ и на крови. То были рыцарія времена. И рыцари были вѣрны своимъ клятвамъ въ обѣданіи. Но настали другія времена и нарасы измѣнились къ худшему. Не стало людей, которыхъ можно было бы зѣрить... Это ужасно, но это такъ.

Только послѣ долгихъ, тщетныхъ и усиленныхъ поисковъ мѣр удалось найти двухъ вѣрныхъ помощниковъ...

Онъ оторвался отъ писанія, затянулся сигарой и снова началъ водить перомъ по бумагѣ:

— Ты знаешь, Анна, что на нашей грѣшной землѣ накопилось слишкомъ много зла. Жизнь превратилась въ хаосъ. Люди

брішої скромности и общепринятой честности терпятъ лишенія, ущербъ и незаслуженные обиды.

Все это такъ было, такъ есть, но этого не должно быть.

Въ моихъ рукахъ слишкомъ сильное средство, чтобы сокро-
и рѣшительно выступить на борьбу. Царятъ владыки на своихъ
тронахъ, даютъ потоки драгоценной человѣческой крови и ореолъ
своей власти поддерживаютъ насилие и рабство. Но не
знаютъ они того, что идѣ-то находящаяся человѣкъ, который зритъ
ихъ подлости, считаетъ ихъ грѣхами и преступлѣнія, и работаетъ,
работаетъ надъ ихъ упраздненіемъ...

— Да, Анна, мое изображеніе перевернетъ весь строй человѣ-
ческой жизни, мои мысли и дѣйствія, какъ ураганъ, выры-
вающій вѣковыя деревья съ корнями, пройдутъ по городамъ и
селамъ вселенной, и мощнымъ порывомъ сметутъ и уничтожатъ
все то, что гнететъ и давитъ человѣчество земного шара.
Откроютъ ему глаза, и увидитъ оно иные правды... Да, тѣль.

Карамовъ поставилъ точку. Закрылъ бюваръ и спряталъ
его въ столъ.

На каминѣ четко тикали часы. Равномерно текли минуты,
упося миги жизни въ бездну вѣчности.

Инженеръ поднялся съ кресла. Заложивъ руки за спину,
онъ сталъ прохаживаться по мягкимъ коврамъ кабинета.

Остановившись около письменного стола, онъ нашупалъ
незамѣтную для посторонняго глаза кнопочку и надавилъ ее
три раза. Электрическая лампочка, стоящая на письменномъ столѣ,
минула, какъ бы въ отвѣтъ, тоже три раза, и продолжала затѣмъ
горѣть ровнымъ свѣтомъ подъ синимъ абажуромъ.

Пройдясь еще нѣсколько разъ по кабинету, инженеръ снова
спустился въ кресло.

Въ мягкой тишинѣ огромнаго кабинета яркая фигура
инженера казалась загадочной и странной. Что-то таинственное и
въ то же время любяще-нѣкое замѣтилось въ красныхъ
смѣлкахъ его губъ.

Въ глубокой задумчивости и неподвижности онъ сидѣлъ
передъ портретомъ молодой женщины, забывъ раскурить потух-
шую сигару.

Въ дверь постучались.

— Войдите, Милічъ,—встречнувшись произнесъ инженеръ.
Вошелъ помощникъ-лаборантъ, съ шиной шевелюрой и
демчатыхъ стеклахъ пенснѣ.

Пожаръ руку хозяина, онъ опустился въ кресло.

— Я васъ слушаю, Милічъ,—сказалъ Карамовъ.

— Онъ получилъ наше третье письмо,—началъ лаборантъ.

— Знаю,—мягко отозвался Карамовъ.

— Завтра онъ уѣзжаетъ съ курьерскимъ поѣздомъ. Нагор-
скій ждетъ новыхъ распоряженій. Онъ очень пылкій человѣкъ и
просить спросить: не покончить ли съ нимъ разомъ?

— Это лишнее,—замѣтилъ инженеръ.—Развѣ мы задались
цѣлью переселять въ иной міръ людей, въ сущности, не дур-
ныхъ, но заслуживающихъ?

— Конечно, нѣть,—согласился Милічъ.

— То-то же,—продолжалъ Карамовъ спокойнымъ, ровнымъ
голосомъ, льющимся какъ свѣтъ его лампочки.—Къ сожалѣнію,
онъ не вѣритъ въ могущество нашей организаціи. Значитъ,
нужно заставить его поверить. И когда онъ уѣдется, что мы
не бросаемъ словъ на вѣтеръ—тотчасъ же исполнить нашу волю...
Черезъ часъ Нагорскій получить мои дальнѣйшія указанія.
Кстати, замѣчу, что съ этимъ дѣломъ мы будемъ спѣшить, ибо
насъ ожидаетъ работа болѣе важная, болѣе необходимая...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЬ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

— Можно ли интересоваться, какая? — спросилъ молодой лаборантъ, глаза котораго вспыхнули огнемъ страсти любопытства.

— Вы, конечно, другъ мой, знаете, — заговорилъ инженеръ; — что вся та безбожная эксплоатация, въ кровавыхъ расправахъ съ прудящимися, все безобразіе, происходящее на землѣ, зависитъ не отъ богатыхъ, не отъ жандармовъ, или поміщіи. Первопричина эта заключается въ царинку тронахъ, этихъ охотахъ кроваваго царства и рабства. И вотъ на мѣрѣ предстоитъ задача уничтожить именно эту первопричину.

— Но какъ? — встрѣтился Маничъ и въ голосѣ его даже послышалася испугъ, точно на своей шеѣ онъ почувствовалъ шипы...

Главный инженеръ загадочно улыбнулся. Этимъ продолжалъ спокойнымъ тономъ:

— Другъ мой, какимъ способомъ это будетъ осуществлено, я пока умолчу. Но вѣрте, что такъ будетъ. Можетъ быть, пройдутъ долгіе годы, но все же мы съ вами доживемъ до того счастливаго момента, когда надъ всѣмъ человѣчествомъ вспыхнетъ золотая заря свободы. Согласитесь, что для этого стоитъ жить и не покладая руки работать... А пока мы исполнимъ нашу маленькую задачу. Она будетъ какъ бы опытъ, но отъ этого опыта, вы увидите, будетъ интереснее.

Силой огромной увѣренности, гигантской монти звучали слова Карамова, и молодой лаборантъ, какъ заинтигированый, былъ вполнѣ убѣжденъ, что все будетъ именно такъ, какъ говорилъ его патронъ.

Онъ поднялся съ кресла, горячо поклонъ руку Карамова и вышелъ изъ кабинета, благоговѣйно притворивъ за собою дверь.

VII.

Согласно расписанію, курьерскій поѣздъ отправлялся въ двѣнадцать часовъ ночи. За десять минутъ до отхода директоръ угольныхъ копей, Платонъ Сергеевичъ Ропотовъ, явился на вокзалъ и прямо пропелъ въ вагонъ первого класса, занявъ отдѣльное купе. Ольдомъ за него въ тотъ же вагонъ прослѣдовалъ старый священникъ въ лиловой рясѣ, съ длинной сѣдой бородой и очень франтовато одѣтый господинъ, смахивающій на коммивояжера отъ крупной фирмы, съ небольшимъ краснымъ саквояжемъ въ рукахъ.

Въ вагонѣ публики было немногого. Двѣ-три дамы, офицеръ и молодой, представительный господинъ въ сѣромъ охотничемъ костюмѣ, похожій на богатаго помѣщика, ѣдущаго на отдыхъ въ имѣніе. Онъ измѣжалъ на диванчикѣ, погруженный въ чтеніе вечерней газеты.

Вояжеръ бросилъ свой саквояжъ въ сѣтку, вдохнулъ, какъ запиная лошадь, и устало опустился на диванъ, противъ помѣщика.

— Скажите пожалуйста, милостивый государь, — вкрадчиво обратился вояжеръ къ сѣду по кушѣ, — извините, я кое-что слышалъ по этому поводу, но не знаю подробностей.

Онъ указалъ на кручный заголовокъ въ газетѣ, кричавшій о «загадочномъ письмахъ» и о «партии предостерегающихъ».

— Будьте столь любезны сообщить, что такое случилось потрясающее?

Помѣщикъ улыбнулся. Двумя пальцами оправилъ пиджакъ.

— Н-да, знаете, история очень любопытная, — медленно и солидно заговорилъ онъ.

Глаза вояжера какъ-то странно засияли по лицу спутника, точно хотѣли снять черепъ..

— Такъ, такъ.. Расскажите, пожалуйста.

— Началось съ того, что изъ угодныхъ копіяхъ было изъяснено заработка шата, ввиду кризиса, что ли. Рабочіе, конечно, исполновались. Разумѣется, были присланы жандармы, устроившіе проволоки. Въ то же время директоръ копей началь получать угрожающія письма отъ какой-то невѣдомой партии.. Вотъ объ этихъ письмахъ здѣсь и здѣсь безконечные разсказы. Посмотрите..

Помѣщикъ зѣвнулъ и передалъ газетный листъ вояжеру.

— Благодарю васъ, — преувеличенно вѣжливо поклонился вояжеръ. И затѣмъ, какъ бы сидя на своей профессиональной склонности и любви къ путевымъ знакомствамъ, спросилъ:

— Далеко изволитеѣхать, милостивый государь?

— До Пропадинска, не дальше..

Удовлетворивъ свое любопытство, вояжеръ погрузился въ газету, но пробѣжалъ нѣсколько строкъ, снова обратился съ вопросомъ:

— Какъ вы полагаете, можетъ наша полиція выловить этихъ таинственныхъ личностей?

Молодой помѣщикъ равнодушно пожалъ плечами, съ видомъ человека, очень мало заинтересованного въ дѣятельности ищеекъ.

— Пожалуй, что нѣтъ, — отвѣтилъ самъ себѣ вояжеръ. — Какая, въ сущности говоря, у насъ толиція?

— А что? Развѣ ужъ такъ члоха? — такъ же равнодушно заинтересовался молодой помѣщикъ.

— Конечно, слушать въ ней всякий сбродъ. Порядочный человѣкъ ея оторонится, какъ чумы. Само собой, какого-нибудь мелкаго воришку быстро изолируютъ. Что же касается птицы кручнаго полета, то въ большинствѣ случаевъ—шась.

— Почему же вы думаете, что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны птицы кручнаго полета?

— Ну, какъ же не кручнаго? Вѣдь тогда не писали бы о нихъ таѣль много въ газетахъ..

Молодой помѣщикъ иронически зѣвнулъ, потомъ зѣвнулъ въ началѣ разбирать свой пиджакъ, какъ бы приготовляясь ко сну. Казалось, болтовня вояжера ему торжочно надѣла.

— Бай, бай? — спросилъ неотвязчивый вояжеръ.

— Да, знаете, люблю подрематъ подъ качку вагона. Моя слабость.

— Спокойной ночи, милостивый государь..

— Спокойной ночи..

Но ночь эта не была спокойной.

Пронзло не болѣе часа. Повадъ летѣлъ, пожирая пространство полей и лѣсовъ.

Молодой помѣщикъ осторожно пріоткрылъ одинъ глазъ и взглянула на своего спутника вояжера. Тотъ сидѣлъ въ насторожившейся позѣ, точно тигренокъ, готовый сдѣлать быстрый прыжокъ.

(Продолженіе сдѣлаетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОЙ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VIII.

Молодой помѣщикъ, наблюдавшій за вояжеромъ, закрылъ глазъ. Поѣздъ, плавно покачивался на мягкихъ рессорахъ. Свѣчи слабо мерцали въ фонаряхъ, наполовину задернутыхъ чехлами. Пассажиры крѣпко спали.

Прошло еще съ полчаса. Глазъ «помѣщика» снова ошарилъ фигуру «вояжера», который теперь храпѣлъ, видимо, не выдержавъ борьбы съ дремотой и качкой вагона.

Помѣщикъ осторожно извлекъ изъ кармана маленький, граненый флакончикъ съ небольшимъ пульверизаторомъ. Приблизилъ флаконъ къ лицу вояжера и надавилъ пульверизаторъ.

Чрезъ минуту, голова вояжера рѣзкимъ движениемъ сѣсилась на грудь, точно тыква на подрѣзанномъ стеблѣ.

Покончивъ съ этой операцией, обладатель флакона тихо проѣхалъ къ сосѣднее купѣ, въ которомъ спалъ старый священникъ. То же самое было продѣлано и съ «духовной особой».

— Теперь ты будешь спать долго,—прошепталъ «помѣщикъ» и выбрался изъ площадку. Послѣ духоты вагона, онъ съ наслажденiemъ вдыхалъ свѣжій, ночной воздухъ, насыщенный ароматомъ росы и травъ. Вдали виднѣлся огонекъ семафора, точно чей-то зеленый глазъ, пронизывающій молочный туманъ предутра.

Поѣздъ подходилъ къ станціи.

На станціи было совсѣмъ пусто. Одиночко стоялъ на перронѣ помощникъ начальника, въ красной фуражкѣ. Какъ сонная муха, бродилъ станціонный сторожъ съ мѣдной бляхой на груди. Около станціи стояли кареты, запряженныя парой лошадей.

— Поѣздъ стоять десять минутъ,—возвѣстилъ проходившій кондукторъ.

Стоявшій на площадкѣ, вошелъ въ вагонъ и постучалъ въ дверь купѣ, въ которомъ находился директоръ угольныхъ коней.

Платочъ Сергеевичъ, видимо не спалъ. Въ ту же секунду онъ отозвался изволнованнымъ голосомъ:

— Кто тамъ?

— Свѣн. Господинъ Ропотовъ, будьте добры открыть.

Дверь купѣ распахнулась.

— Прошу вѣсъ господинъ Ропотовъ, не пугайтесь. Я только что получилъ телеграмму отъ Липодѣлова, касательно вѣсъ.

— Вы агентъ?—спросилъ директоръ, облегченно вздыхая.

— О, да...

— Въ чёмъ же дѣло? Есть, что-нибудь...

— И очень важное. Давайте ваши вещи. Здѣсь вѣсъ ожидаетъ карета. По дорогѣ я вамъ все разскажу. Нужно спѣшить.

Директоръ передалъ «агенту» свой дорожный несессеръ. Оба вышли на платформу.

«Черть знаетъ, что такое, думалъ директоръ;—я становлюсь участникомъ какихъ-то таинственныхъ приключений. Забавнаго мало».

— Въ чёмъ же въ конѣ концовъ дѣло?—спросилъ онъ

всухъ, сгорая отъ любопытства.

— Лѣподѣловъ просилъ вѣсъ провести денекъ въ его имѣніи. Это необходимо для вашей безопасности, любезно откликнѣши спутникъ, подсаживая директора въ карету.

Кучеръ тронулъ лошадей и карета быстро покатила отъ станціи. И когда станція скрылась изъ виду, спутники Ропотова вдругъ шеремѣнѣли тонъ:

— Итакъ, господинъ директоръ, вы все-таки неизѣжали своей участіи.

— Какъ?!

Голосъ Ропотова дрогнулъ, точно сорвался, какъ у женщины въ шуму сооры.—Вы, конечно, шутите; господинъ агентъ?

— Къ вашему сожалѣнію, нѣтъ. Во-первыхъ, я не агентъ.

А во-вторыхъ, вы находитесь въ рукахъ «партии предстѣрегающихъ». Вы намъ не пожелали вѣрить. Въ данный моментъ, можете убѣдиться, что наши письма не были беспочвенной угрозой. «Согласитесь, что мы работаемъ талантливѣе Лѣподѣлова.

— О, да,—безпомощно проламываясь директоръ. И вдругъ почувствовалъ себя маленькимъ и ничтожнымъ, точно съ него сняли одежду и нагимъ вывели на лѣдную улицу.

А спутникъ безжалостно наносилъ новый словесный ударъ:

— Такимъ образомъ, вы признаете то, что посыпали.

Директоръ побѣлѣлъ, какъ полотно. Глаза отъ ужаса расширились; точно онъ видѣлъ предъ себѣ смерть.

— Вы меня убьете? дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Н-не знаю,—медленно и спокойно отвѣтилъ назвавшійся членомъ партіи—можетъ быть: да, а можетъ быть и, нѣтъ. Все зависитъ отъ обстоятельствъ. Вѣдь, обстоятельства играютъ жизнью каждого человека. Не такъ ли?

«О, негодяй! Онъ еще философствуетъ»—подумалъ директоръ! Но вслухъ взмолился.

— Я прошу пощадить меня. Я безотлагательно исполню все что вы потребуете. Даю честное слово...

— Это очень хорошо, что вы идете на уступки.

Возможно, что нашъ советъ точно такъ же пойдетъ на уступки и сохранитъ вамъ жизнь. Во всякомъ случаѣ вамъ все же придется пробыть нѣкоторое время въ нашемъ изѣнѣ... Боясь, что вы расскажете слишкомъ поздно...

Между тѣмъ, карета выѣхала въ лѣсъ и покатилась по узкой лѣсной дорогѣ, затопленной зеленою мглой.

Начинало светать.

Дорога показалась директору безконечно давнѣй.

Наконецъ, лошади остановились среди небольшой полянки, около небольшого охоничьяго домика.

— Пожалуйте.

— Все еще дрожащій первой дрожью, Платонъ Сергеевичъ выѣхѣлъ изъ кареты и пугливо осмотрѣлся вокругъ.

Высокія мачтовыя сосны, стоящія около домика, важно показывались, купая свои вершины въ лучахъ золотого солнца. Безъ умолку звенѣли птицы, справляя свой весенний праздникъ.

«О, какъ здѣсь хорошо,—подумалъ Ропотовъ;—а меня ожидаетъ смерть». Смерть... И ему безумно сдѣлалось жалко себя.

Попытавшись, онъ побѣрѣть за свою таинственную погнителемъ, въ домикъ; думая:

— Вотъ, гдѣ ожидаетъ невѣдомое...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЬ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IX.

Лѣподѣловъ совершенно разстроился. Онъ лишился сна и аппетита. Забывъ о своихъ жучинныхъ коллекціяхъ, онъ отдался лихорадочной дѣятельности по розыску таинственной и недовѣримой организаціи. Для его хлопотъ, материалу было вполнѣ достаточно.

Во-первыхъ, повѣрившій ему директоръ угольныхъ концерній Ропотовъ, исчезъ безслѣдно. Во-вторыхъ, два его лучшихъ агента, сопровождавшихъ Платона Сергеевича въ курьерскомъ поездѣ, вернулись къ своему начальнику въ крайне смущенномъ видѣ, объяснивъ, что они заснули самымъ таинственнымъ образомъ и проспали даже ставшю назначенія.

— Вонъ, шегоды,—гримѣль на нихъ, Лѣподѣловъ.—Вы роты и дармы... Подъ судъ!..

Отъ начальства Лѣподѣлова летѣли безчисленные циркуляры, съ предписаніями разслѣдовать дѣло въ сѣшномъ порядкѣ. И Лѣподѣловъ метался по своему кабинету, точно шантера въ клѣткѣ, давалъ распоряженія, отмѣнялъ ихъ, разсыпалъ шифрованные депеши, звонилъ по телефонамъ, словомъ, былъ занятъ сутра до вечера.

Въ довершеніе всѣхъ беспокойствъ, ему таинственнымъ образомъ подкинули большой пакетъ, перевязанный зеленою лентой, точь-въ-точь такой же, какъ когда-то директору угольныхъ концерній, письмо гласило слѣдующее:

«Лѣподѣль! Мы находимъ, что Вы взялись, совершенно не за свое дѣло. Раскрыть нашу организацію, вамъ никогда не удастся. Мы не трабители, не мошенники, о чёмъ мы гордо вами и заявляемъ. Мы только стражники правды. Въ понижениіи заработной платы шахтерамъ на коняхъ, мы видимъ яркую несправедливость, а поэтому рѣшили возстановить нагло попрание право рабочихъ... Присовокупляемъ, что Ропотовъ находится въ нашихъ рукахъ. Ваше дѣло—сторона. Совѣтуемъ направить вашу энергию на собирание жучинныхъ коллекцій.—Накалывайте беззащитныхъ жучковъ на булочки и раскладывайте ихъ по коробочкамъ, но подобной манипуляціи не производите съ невинными людьми.

— О, мерзавцы!—воскликнулъ Лѣподѣловъ, удѣряя кулакомъ по столу.—Онъ еще живы! Скоты!..

Онъ продолжалъ прерванное чтеніе:

«Намъ неѣтно, что вы арестовали нѣсколькихъ шахтеровъ, держите ихъ въ ужасныхъ условіяхъ, бьете, истязаете, вырывая признаніе въ «грѣхѣ» ими не содѣянномъ. Берегитесь, Лѣподѣловъ! «Честью джентльменовъ, увѣряемъ васъ, что ни одинъ рабочій въ нашей организаціи не участвуетъ... Мы требуемъ немедленнаго освобожденія этихъ несчастныхъ людей.

Въ противномъ случаѣ, вѣдь постигнетъ участъ директора. Вотъ все, что мы хотимъ сказать вамъ»...

Прочитавъ это посланіе, Лѣподѣловъ рванулъ себѣ за оставшуюся волосъ такъ сильно, что часть ихъ осталась въ скатыхъ пальцахъ.

Жучинные его брови грозно задвигались и онъ въ ярости забѣгалъ по кабинету.

— Ну, мы еще посмотримъ, кто кого,—бороться онъ, брызжа слюною,—поглядимъ, поглядимъ. О, подлецы, я вамъ покажу участъ директора... Не будь—я...

Въ этотъ моментъ раздался звонокъ по секретному телефону. Лыподѣловъ снялъ трубку, подаяя услышать новый налогий отъ начальства.

— Алло!.. Да я...

И отвѣтивъ, онъ подпрыгнулъ изъ мѣстъ, какъ ужаленный злымъ пчелемъ, въ самое чувствительное мѣсто.

Дерзновеніе членовъ, таинственной организации, дошло до того, что они разговаривали съ самимъ Лыподѣловымъ, по его секретному телефону! Это ужъ слишкомъ.

Мужской голосъ спрашивалъ:

— Лыподѣловъ, вы получили нашъ пакетъ?

— Получилъ,—отвѣтилъ Лыподѣловъ, сжимая кулакъ. — И скоро заполучу въсъ,—бросилъ онъ угрожающую фразу.

Но голосъ телефонного собесѣдника, звучалъ ровно, съ коварной ужимочкой человѣка, недосыгаемаго для такого-либо воздействія, какъ бы говоря:

— Посмотримъ.

— Если ваша наивность граничить съ вашей глупостью, то успѣхъ нашего дѣла вполнѣ обеспеченъ. Итакъ, что вы скажете?— Язвилъ неизвѣстный по телефону.

Лыподѣловъ терялъ хладнокровіе, выходилъ изъ себя:

— Скажу, что я открою вашу подлую организацію.

— Почему же подлую?—насмѣшилъ спрашивать телефонный собесѣдникъ.—Потрудитесь, милостивый государь, объяснить.

— Потому что вы дѣйствуете противозаконно.

— Да, шеужели? Я думаю, иначе. Мне кажется, что вы дѣйствуете неправильно, вмѣшиваясь же въ свое дѣло. Мы ваши, такъ называемыѣ законовъ, не нарушаемъ. Хотя всю вашу законность, собственно говоря, давно бы слѣдовало сдать въ архивъ, какъ югодный хламъ... Но къ дѣлу. Вы исполните то, что мы требуемъ?

— Нѣть.

— Почему же?

— Это мое дѣло. Моя единственная задача, добраться до васъ. И проучить, конечно, за дерзость.

— Пороху не хватить, милый.

— Хватить.

Въ телефонной трубкѣ раздался насмѣшливый смѣсть, и вслѣдъ за нимъ вопросъ:

— Это ваше послѣднее слово, господинъ Лыподѣловъ?

— Послѣднее съ...

— Итакъ, борьба, значить? Кто кого?—издѣвался телефонный собесѣдникъ. — Забавно въсъ видѣть въ роли сѣдопыта... Воображаю ваши традиціи юстиціи.

— Убирайтесь къ дьяволу!—Заоралъ Лыподѣловъ—бросая трубку.

Онъ снова изволнованно забѣгалъ по кабинету, грозя кулаками невѣдомому врачу.

Дѣло принимало для него совершенно неожиданный и темный оборотъ. Никакихъ нитей въ рукахъ не было.

Вдругъ какая-то мысль остынила его голову.

Вызвать дежурного и приказалъ:

— Приведите сюда шахтера Петрова

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЬ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Х.

Инженеръ Карамовъ, въ задумчивой позѣ, сидѣлъ передъ портретомъ молодой женщины. Тихо было въ кабинетѣ. Только тикали часы на каминѣ, отсчитывая терпніе и секунды, изъ которыхъ состоялось время.

Власть воспоминаний захватили Карамова и засага его на своихъ волшебныхъ крыльяхъ въ недалекое прошлое. Смотря на прекрасныя черты любимой, онъ шепталъ:

— О, Анна! Ты дала мнѣ силу и остроту мысли. И тебѣ единственной посвящается моя жизнь. И вотъ теперь ялянусь исполнить все предначертанное...

Инженеръ закрылъ глаза. И снова, какъ раньше, какъ прежде, во весь ростъ всталъ передъ нимъ образъ любимой. Золотое видѣніе прѣгущей весны. Тихій свѣтъ лѣтнаго заката надъ хрустальнымъ озеромъ, скользнувшій по спраницамъ его жизни. Какъ живая предстала предъ нимъ молодая женщина съ тонкими чертами лица, съ одухотвореннымъ взглядомъ большихъ лукистыхъ глазъ. О, непокорный попельный локонъ, буйно вьющійся надъ розовой раковиной уха...

Карамовъ напомнилъ послѣдній разговоръ съ нею. И, разбралась критически, только теперь постигъ всю ея правоту, и, можетъ быть, дистинкную любовь. Но какъ это было?

Вспомнилъ. Она говорила:

— Вадимъ, я знаю: ты любишь меня. Но помни: если все время лить одинъ напитокъ, онъ можетъ опротивѣтъ. Пожалуйста не протестуй, не говори: нѣтъ. Повѣрь, что въ концѣ концовъ наша совмѣстная жизнь пресратится въ неплодность, несмотря на всю ея прѣгущую красочность. Нужно найти красоту вънутреннюю. Ты, Вадимъ, человѣкъ, незаурядный. Тебѣ нужно работать, изобрѣтать, творить. И я чувствую, что во всемъ этомъ буду тебѣ помѣхой.

Она перебивала ее. Убѣждать въ томъ, что только одна—источникъ его вдохновенія.

— Ты моя путеводная звѣзда, мой свѣтъ,—говорилъ Карамовъ.

И влюблено дрожалъ изъмножанный голосъ, точно тысячи головокъ струнъ арфы. Но она осталась испреклонной. Какъ бы инспирированной любящей подруги чувствовала свою правоту, предсказывая будущее. И глаза ея, эти живыя окна души—горѣли огнемъ рѣзкимости:

— Я должна принести эту жертву, Вадимъ. Я возьму сына и уѣду съ тобя. Вернусь только тогда, когда ты станешь великимъ. А ты не станешь, потому что любишь. Любовь же разбиваетъ все прелесты. Я уѣду... Пусть это жестоко, но знай, Вадимъ, что ты не увидишь до тѣхъ поръ, пока мы трое не заслѣгъ

таким же светомъ, какъ имена: Христа, Буды, Конфуція, Магомета, словомъ есть великихъ людей, когда-либо жившихъ на землѣ... Я знаю, ты любишь народъ. И народъ дадь тебѣ образованіе. Такъ сдѣлай уже для этого народа все, что бы онъ былъ счастливъ. Вѣдь, эти люди живутъ и умираютъ безъ прослѣска надежды на лучшее будущее. Холодная тьма обложила ихъ жизнь. Ихъ воины и стоны не достичутъ небесъ. Будь наль воідемъ, сокруши прѣятствія, стоящія на дорогѣ свѣта...

Ахъ, она, какъ-будто вслухъ произнесла его затаенный мысль. Съ юныхъ лѣтъ думалъ Карамовъ надъ проклятыми вопросами жизни. Многихъ безсонныхъ ночей стояло разрушеніе запутанныхъ соціальныхъ условій и поискъ первопричины зла.

А она между тѣмъ, прородила:

— Только смигнешь и дерзновенныхъ люблю я. Иль безглазычного ирака, изъ темныхъ глубинъ, какъ хрустальные рудники, пробивая гранитныя тѣлы, выходятъ они изъ сѣть... Стоятъ, шерѣдко шадятъ, ио снова поднимаются и снова идутъ изъ разъ намѣченной цѣли. Сметаютъ прѣятствія и побѣждаютъ. Ихъ творческая мысль создаетъ чудеса... И ты, Вадимъ, должна ити по этому пути.

Какимъ неземнымъ светомъ горѣли глаза Аини. Въ коралловомъ изломѣ тубъ сосредоточена была титаническая сила золи. Точно упругость стали и твердость мрамора заключающіе въ этомъ хрупкость существъ.

— Я такъ хочу!

Какъ она топнула кромпичной ножкой! Какъ буйно взметнулся тепокорый локонъ надъ коралловой раковиной уха.

— Сдѣлайся великимъ, Вадимъ, и вотъ изъ этихъ прекрасныхъ ручъ ты получишь волшебный цѣпточъ счастья...

И она уѣхала...

Карамовъ блуждалъ по заграницамъ, изучая взаимоотношенія различныхъ правительствъ къ своимъ народамъ. Иль съ своихъ наблюдений онъ вывелъ заключеніе, что никогда во всемъ мірѣ не имѣется рабочему классу такъ сибирь, какъ въ Россіи подъ необузданной пятой неученаго самодура и деспота Александра III. Въ заграничной печати проскальзывали скѣдкія о томъ, какими недостойными и развращенными людьми окружилъ себѣ отъ самодержаця. Кучка нагныхъ лизоблюдовъ окружила тронъ и почтобоястрѣко оплодноровала всѣмъ шагомъ императора, направляемымъ ею сторону угнетенія народа. Душація всякихъ прѣблескъ мысли. Насаждалось плюнство не только въ предѣлахъ Россіи, но и за границей. Невидимые глаза и уши слѣдили за каждымъ опаснымъ, съ деспотической точки зренія, человѣкомъ.

О наследнику Николаѣ писалось, какъ о тушоголовъ субъектѣ, никемъ какои-либо иніціативы. Предсказывалось, между прочимъ, что если при Александрѣ русскій народъ видѣть прѣтчики, то при Николаѣ увидитъ—кгодни.

Читалъ все это Карамовъ, негодовавъ, болѣль за родной народъ и великой своей любовью къ Аинѣ и сыну имѣлъ отдать все силы свои на разрушеніе и исчорченіе того зла, въ которомъ находился добрый русскій народъ. Это было изъ тѣ темные дни Россіи дни, когда ея самодержавный извѣшатель, отъ чрезмѣрнаго поклоненія Бахусу, серьезно заболѣлъ...

Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЬ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XI.

— Послѣднее мое открытие,—писалъ Карамовъ,—имѣеть несомнѣнно огромное значеніе. Но я никому не спордамъ его. Ты, Анна, знаешь мою фѣшнѣсть. Я увѣренъ, что въ рукахъ добрыхъ оно принесетъ пользу всему человѣчеству.

Мой пласти оздоровленія вселенной должна быть проведена только мною. Если же это не удастся, то моя тайна сойдетъ со мною въ могилу. Ты можешь быть въ этомъ увѣрена. Да тѣль должно быть и такъ, разумѣется, будеть.

Въ настоящеѣ времи я работаю надъ изобрѣтеніемъ такого аппарата, при помощи котораго можно видѣть и слышать все, что происходитъ на безконечно далекомъ разстояніи. Первые опыты меня удовлетворяютъ. Скоро и тебя увижу съ сыномъ, будь ты отъ меня отдалена хотя на тысячи верстъ. Мое изобрѣтеніе, какъ ты увидишь потомъ, перевернетъ всѣ человѣческія отношенія. Временами меня охватываетъ жуткій и сидѣкій трепетъ, когда я представляю себѣ картину будущаго. Но обѣ этомъ послѣ. Въ данный моментъ я рѣшилъ, чисто принципіальный вопросъ...

Инженеръ Карамовъ отложилъ перо въ сторону, раскурить сигару, нѣсколько разъ затянулся и снова продолжать прерванное писаніе:

— И вотъ отъѣ вопросъ: въ правѣ ли я устранить изъ жизни людей, на какой бы ступени своего положенія они ни стояли, мѣшающихъ общему благу?

Я, человѣкъ—не могущій видѣть крови. Страданія другихъ для меня причиняютъ непередаваемое горе... Но послѣ долгихъ и упорныхъ размышлений, я пришелъ къ выводу, что это право диктуется законами Ѣбчной справедливости... Не улыбайся, Анна, ты поймешь меня. Ты чуткая. Ты единственная, которая не сочтешь меня сумасшедшемъ. Въ концѣ-концовъ я пришелъ къ мысли, что упраздненіе людей вредныхъ съ общечеловѣческой точки зорѣ—не есть преступленіе, а великай заслуга передъ настоящими и будущими временами, ибо для яда, разносящаго заразу, необходимо искать еротивоядіе.

Принято говорить, что какое бы преступленіе ни совершилъ человѣкъ, сно будетъ лежать тижесть камнемъ на его сорѣ. Какой вадоръ. Вѣдь, это происходитъ потому, что люди смотрятъ на подобныи истины совершение не съ той точки зорїя. Я замѣтѣ съ Сафиромъ чтоаго, что истина—крапива: что слегка дотронется до нея—обожжется, тому же, кто сѣло къ ней подходить она не причиняетъ ни малѣйшаго вреда.

Къ этой истинѣ я подхожу прямо. И если уничтожу тысячу зловредныхъ экземпляровъ человѣческой породы—буду себя чувствовать таъ же спокойно, какъ спокойно выкурю сигару. Я только—мечь справедливости, караюшая Немезида, да это такъ.

Я вижу, какъ зло сминою сильно вѣльось въ жизнь, слишкомъ глубокіе корни спустило оно. И темные люди нашего времена не знаютъ, гдѣ кончается правда и начинается ложь. Кашь безумы, они находятся на пути ложномъ. И неудивительно. Въ теченіе тьмы вѣковъ они были игрушками въ рукахъ кучки, взявшей надъ ними власть. Ими творились, несколько не считаясь съ ней надъ ними власть. Ими творились, несколько не считаясь съ

ихъ желаниями, слезами, крошию и страданиями. Ихъ тѣлами утолялся голодъ кровожадный змѣй въ римскихъ циркахъ, подъ апплодисменты «избранной» шучки насильниковъ и угнетателей. По прихоти своихъ властелиновъ они безропотно складывали свои головы на плахъ сраженій, ихъ посыпали истреблять другъ друга ради невѣдомыхъ для нихъ цѣлей. И теперь, какъ и во времена прошлыхъ, они таѣ же работы. Какъ тѣ строили пирамиды для египетскихъ фараоновъ, такъ и эти строятъ пирамиды благополучія для своихъ царей и ихъ клики.

Долго еще лингалъ инженеръ Карамовъ на эту тему. Засѣть на своего любимаго конька—философію въ соціальномъ неустройстве онъ тщательно листовъ бумаги.

И когда кончилъ, вспомнилъ на часы, было половина одиннадцатаго вечера.

Инженеръ спѣшилъ облачиться во фракъ и рѣшилъ пойти въ клубъ. Надо же было узнать, что говорятъ въ обществѣ. Карамовъ любилъ прислушиваться къ этимъ разговорамъ и на основаніи тѣхъ соразмѣрять свои шаги. Матеріалу для разговоровъ, конечно, достаточно:

И онъ не ошибся.

Въ клубѣ царило необычайное оживленіе. Большій царя интересовала немногихъ. Большинство было занято сенсационной вѣдомъ: загадочнѣйшими исчезновеніемъ директора угольныхъ шахтъ, усыпленіемъ агентовъ и забавнымъ приключеніемъ съ Лѣпѣдовымъ.

Инженеръ Карамовъ опустился въ кресло и съ большими интересомъ прислушивался къ разговорамъ публики.

— Удивительные настали времена,—хестинулировалъ какой-то тучный господинъ въ пиджакѣ, окруженный тѣснымъ кольцомъ слушателей—мы тратимъ огромныя суммы на полицію, но она не въ состояніи не только оградить обывателя, но даже и себя отъ опасности.

— Да, да,—сокрушеніемъ покорилъ одинъ изъ слушателей, человѣкъ высокаго роста съ огромной лысиной на квадратной головѣ, которой покачивалъ въ тактъ своимъ словамъ, точно китайской бомбочкѣ.

— Что же это такое,—продолжалъ ораторствовать господинъ въ пиджакѣ.—Мы, значитъ, должны констатировать полнѣйшее безсиліе нашей власти? Вѣдь, это, значитъ, никою изъ настъ не гарантированъ отъ нападенія какихъ-либо темныхъ личностей!

— Помилуйте—сакишился ораторъ—эти люди не только дѣлаютъ, что хотятъ, но еще настѣхаются надъ тѣми, кѣо старается пресѣчь ихъ пресущую дѣятельность. Сышили, какъ они трунили надъ Лѣпѣдовымъ...

— Да, да—вздыхалъ квадратноголовый субъектъ, — я думалъ, что на такое дѣло способны только анархисты,—добавилъ онъ съ апплодисментомъ.

— Кто бы они ни были,—пыталъ господинъ въ пиджакѣ,—но жизнь обывателя, милостивые государи, находится въ опасности. Развѣ это не ужасъ, милостивые государи?

Всѣ соглашались съ мнѣніемъ оратора. Каждый старался высказать свое мнѣніе и обрисовать положеніе въ возможно ярчайшихъ краскахъ. Только инженеръ сидѣлъ молча, не вступая въ разговоры, и лишь незамѣтно усмѣхаясь надъ этими людьми, не знающими гравады и тяганиеми слухами и спрахами.

— Вадимъ Викторовичъ, вы здѣсь?—раздался около него голосъ.

Передъ Карамовымъ остановился синий профессоръ Григорьевъ и протягивалъ руку...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ХII.

Карамовъ не долюбливъ профессора. Это былъ фаловатый многорѣчный субъектъ съ разнознными манерами высокочинъ. Служилъ онъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія и кафедру получилъ по назначению свыше, вопреки желанію профессуры. Онъ яростно поддерживалъ реакціонную политику Александра III, пресмыкался передъ сильными міра сего и даже поговаривали въ обществѣ, что онъ не безгрѣшъ въ смыслѣ споненія съ тайной полиціей. Прямыхъ доказательствъ этому не было, но все же за время его пребыванія на кафедрѣ нѣсколько выдающихся педагоговъ вполнѣ познакомились съ климатическими условіями Нарымскаго края.

Все это давало поводъ инженеру Карамову сторониться Горизонтова. Даже болѣе: при встречахъ съ этимъ профессоромъ у Карамова зарождался въ душѣ какой-то суевѣрный страхъ, или предчувствіе дурныхъ послѣдствій.

Пожавъ руку, Горизонтовъ опустился въ кресло рядомъ съ Карамовымъ. Снялъ пленсю, протеръ ихъ бѣлымъ своимъ платкомъ, снова вскинулъ ихъ на носъ и сказалъ, улыбаясь:

— А я васъ могу порадовать, Вадимъ Викторовичъ.

— Чѣмъ же?..—Холодно поинтересовался Карамовъ.

— Могу вамъ передать низкій поклонъ отъ Анны Игнатьевны.

Карамовъ встрепенулся, точно пронизанный электрическимъ токомъ. Совершенно не расположенный поддерживать разговоръ съ профессоромъ, онъ все же спросилъ:

— Вы ее видѣли?

— О, да. Я только что вернулся изъ Евпаторіи, гдѣ имѣлъ честь прожить въ однокъ съ нею пансионѣ недѣлю.

— Она здорова?

— Вполнѣ. Шлетъ вамъ наилучшія привѣтствія и пожеланія успѣховъ въ вашей работе.

— Благодарю васъ,—поклонился Карамовъ и хотѣлъ было уйти, но профессоръ остановилъ его:

— Куда же вы, Вадимъ Викторовичъ? Менѣ, какъ разъ хотѣлось побесѣдовать съ вами.

— О чѣмъ же?—сухо спросилъ инженеръ.

— Помилуйте, мало ли о чѣмъ!—воскликнулъ Горизонтовъ.—Весь нашъ городъ, да что нашъ городъ, обѣ, можно сказать, столицы говорятъ о происшествіи съ вашимъ директоромъ. И отъ васъ, какъ отъ первоисточника, я выправъ ожидать точныхъ данныхъ. Скажите, что съ нимъ?

— Я знаю только одно, что Платонъ Сергеевичъ до сихъ

поръ не обнаружился,—отвѣтилъ Карамовъ, онъ усаживаясь въ кресло и какъ бы подчиняясь непріятной обязанности бесѣдовать съ Горизонтовымъ.

— Очень странная исторія,—покачалъ головою профессоръ,—очень странная. Какъ вы полагаете, что будетъ дальше?

— Право не знаю. Думаю, что ничего страшнаго не случится. Толпа и полиція всегда преувеличиваютъ страхи.

— Вы—оптимистъ.

Инженеръ покачалъ плечами:

— Такімъ созданъ, Французы говорять, что если человѣкъ твунгъ, то это надолго,—усмѣхнулся Карамовъ.—Мой оптимизмъ, очевидно, тоже явление длительного порядка.

Горизонтовъ продолжалъ засыпать вопросами.

— Ну, въ что вы скажете относительно пресловутой «спартака предостерегающихъ»?—бросилъ онъ вопросъ и въ упоръ посмотрѣлъ на инженера сквозь стекла пленки.

Инженера внутренне передернуло: «ужъ не сболтнула ли ему что-либо Анна?», но вѣнчие онъ оставался попрежнему холоднымъ и невозмутимымъ.

И, подчиняясь неизбѣжности, отвѣтилъ:

— Я очень невнимательно слѣжу за нею. И, по правдѣ говоря, мало интересуюсь ею. Надо полагать, что въ концѣ-концовъ она попадетъ въ руки авантюриста Лѣподѣлова.

Эту фразу онъ проѣздилъ съ отвѣнкомъ презрительной пронін.

— Едва ли, — подхватилъ Горизонтовъ. Тутъ работаютъ дьявольски ловкие ребята. Идутъ по совершенно оригинальнымъ путемъ. Лѣподѣловъ же привыкъ къ шаблону и врядъ ли справится съ возложенной на него задачей.

Горизонтовъ началъ распространяться:

— Собственно говоря, что такое Лѣподѣловъ? Неумный жандармъ, напренированный на прокидкахъ и соблазнахъ излишнихъ членовъ, которые при помощи запутыванія открываютъ ему секреты парлай. На большее онъ не способенъ. Не правда ли?

Инженеръ снова покачалъ плечами, какъ бы говоря:

— Чортъ съ нимъ, съ Лѣподѣловымъ. Какое мнѣ въ сущности дѣло до его талантовъ, или безталанности? И такъ же равнодушно, какъ бы съ желаніемъ ликвидировать непрерывный для него разговоръ, замѣтилъ:

— Если не поймаютъ, значитъ, розыски ведутся не съ того конца.

— Вотъ именно не съ того конца!—воскликнулъ болтливый профессоръ,—цѣпляясь за бесѣду съ инженеромъ. Скажите, какъ бы вы поступили, находясь на мѣстѣ Лѣподѣлова?

Карамовъ искренно расхохотался.

— Вотъ ужъ не имѣю ни малѣйшей охоты быть на его мѣстѣ,—сказалъ онъ.—И, поднявшись съ мѣста, подавъ руку Горизонтову:

— Однако, мнѣ пора. До свиданія.

Выходя изъ клуба, онъ думалъ: и зачѣмъ пристала къ менѣ эта фигура? Конечно, не съ проста. Неужели Агата жгла приворотъ?

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Тъмъ временемъ директоръ угольныхъ копей Платонъ Сергеевичъ Ропотовъ, со смятеною душой лежалъ на желѣзной койкѣ въ отведенномъ ему помѣщеніи, размыщляя о предстоящей ему участіи.

Медленно тянулось время въ безплодныхъ размыщленіяхъ. Наступила тихая весенняя ночь. За окнами таинственно шептались деревья, доносился трескъ кузнечиковъ и откуда-то очень издалека доносились мелодичные звуки пастушечьяго рожка. Ропотовъ задремалъ. И лишь только благожелательный сонъ смѣжилъ его вѣки, щелкнулъ дверной замокъ. Всѣдъ за тѣмъ кто-то тронулъ директора за плечо.

Ропотовъ испуганно открылъ глаза.

Въ призрачной мглѣ комната у кровати стоялъ неизвѣстный человѣкъ.

— Прогонитесь, господинъ Ропотовъ, — проснитесь.

— Я не слышу, — пролепеталъ директоръ. Что вамъ угодно?

Языкъ плохо ловилъся. Жуткая дрожь пронизывала съ ногъ до головы.

— Пожалуйста не пугайтесь, — успокоилъ его неизвѣстный. — Намъ нужно побесѣдовать.

Ропотовъ сѣлъ на кровати. Неизвѣстный человѣкъ опустился на табуретъ.

— Я вѣсъ слушаю.

— Теперь вы, конечно, убѣдились, что наши требованія были не беспочвенной угрозой, или мистификаціей?

— О, вполнѣ. И очень жалю за свою опрометчивость, — отвѣтилъ директоръ.

— Что ущущено, то не потеряно... философски замѣтилъ неизвѣстный.

— Такъ, значитъ, я буду живъ?..

— Безусловно. Мы пока не считаемъ вѣсъ человѣкомъ пред-
нѣмъ, а только заблуждающимся, переоцѣнившимъ свои силы. И какъ съ таковыми можемъ договориться...

— Я готовъ на всѣ ваши условія...

— Это дѣлаетъ честь вашей створчности. Но все же некоторое время вамъ придется лѣбѣть здѣсь, — заявилъ неизвѣстный. А пока вамъ необходимо успокоить вашу семью.

Неизвѣстный зажегъ лампу.

Только теперь Ропотовъ замѣтилъ, что его собесѣдникъ былъ въ черной маскѣ, наброшенной на половину лица.

На столѣ находились чернила и бумага.

— Пишите кратко: «живъ, здоровъ, скоро буду дожа». Передайте, чтобы удовлетворили шахтеровъ.

Ропотовъ покорно написалъ продиктованное.

— Теперь, — продолжалъ неизвѣстный собесѣдникъ, — еще одно условіе, сѣть выполненія котораго зависитъ ваше освобожденіе.

— Слушаю.

— Вы напишите отъ своего имени письмо Лѣпѣлову. Текстъ этого письма я продиктую. Согласны?

Директоръ, не раздумывая, согласился. Перспектива освобожденія слишкомъ ему улыбалась. Не все ли разно тому писать письмо: черту, дьяволу, Лѣпѣлову.

И онъ снова взялся за перо.

— Диктуйте.

— Пишите: «Милостивый государь, Ниль Стратонович. Сигните сообщить вамъ, что ми съ большими трудами удалось изъять изъ рукъ «партии предупреждающихъ». Въроятно, завтра буду въ городе и разскажу подробно о моихъ приложенияхъ. А пока прошу оставить ваши хлопоты по моему дѣлу. Я виѣ спасности. Это главное. Ропотовъ».

— Вотъ и все,—произнесъ неизвѣстный. Желаю вамъ по-тойной ночи.

Онъ ушелъ, захвативъ съ собою исписанные листы.

Директоръ остался одинъ.

XIII.

Къ Лѣпѣлову изъ «секретной» камеры быть доставленъ шахтеръ Петровъ. Пребываніе въ секретной наложило на его высокую сутулую фигуру неизгладимые следы. Въ этой камере арестованныхъ морили голодомъ, не давали пить и били тоненькими шалочками-мѣшечками, насыпанными мелкимъ пескомъ. Эти побои не оставляли никакихъ виѣнъ следовъ, но за то внутреннія пораженія организма были смертельны. Послѣ этихъ побоевъ избиваемый не считался живымъ на этомъ свѣтѣ.

Только изощренное варварство «охранителей» трона и всей трупной системы царизма могло придумать такое истязаніе своихъ злосчастныхъ жертвъ.

Вошедшій арестантъ представлялъ спорбленную, изможденную фигуру, поклонную не на живого человѣка, а скорѣе на скелетъ, обтянутый сухой кожей, безъ малѣйшихъ признаковъ мяса. Лицо его было зеленовато-землистаго цвѣта, глаза, потерявши всій блескъ, были тусклы, точно опояянныя шутовицы. Голосъ, лишенный интонаціи, звучалъ глухо и безнадежно-учыло. Казалось, этотъ человѣкъ потерялъ всякую надежду на лучшее будущее, примирился съ проекльтой дѣйствительностью и покорно шелъ настѣнчу ненѣбѣнной смерти.

— Такъ-таки, Петровъ, ты не сознаешься?—обратился къ нему Лѣпѣловъ.

— Михѣ не въ чёмъ сознаваться,—отвѣтилъ бѣдный шахтеръ.

— Какъ не въ чёмъ?—повысилъ голосъ изчадыни.—Я только что получилъ свѣдѣніе, что ты состоялъ въ партии предупреждающихъ.

На лицѣ шахтера отразилось чѣмъ тѣ родѣ скорбной улыбки. Въроятно, такая же улыбка была на лицѣ Христа, когда провокаторы Синедрона обвиняли Его въ несуществующихъ преступленіяхъ, или Гуда лобзать Его предательствомъ постыдливо.

— Я не знаю такой партии—почти простональ онъ. За чѣмъ вы меня мучаете?

Лѣпѣловъ начинать терять терпѣніе.

— Пожалуйста, не виляй дурака. У меня же есть данные. И очень вѣрсія.

Онъ бросилъ острый взглядъ въ-подъ своихъ жучинныхъ бровей на бахтера, наблюдавшаго за произведеннымъ впечатлѣніемъ.

— Что ты скажешь на это, милый человѣкъ. А?..

Шахтеръ оставался невозмутимъ и равнодушнымъ.

— Я не знаю такой партии,—отвѣтилъ онъ.

Лѣпѣловъ раздумчиво побарабанилъ по столу. Исторія эта начинала его злить. Вотъ ужъ нѣсколько дней онъ изырягаетъ всѣ усилия къ тому, чтобы найти какую-либо зацепку. Самые дѣятельные агенты рыщутъ везде и всюду, арестуютъ рабочихъ и подозрительныхъ масъ, допрашиваютъ, истезаютъ при допросахъ, но кроме скандала ничего не получается. Газеты бываютъ требовы, обвиняя администрацію въ бездѣятельности. Прямо голова идетъ кругомъ.

Лѣпѣловъ снова вперилъ взглядъ въ шахтера:

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОЙ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XIV.

— Послушай, Петровъ,—значительно мягче заговорилъ онъ, — и въ толосъ чувствовалась утомленная безнадежность.—Послушай, Петровъ,—ты только сознайся. Твое сознаніе значительно облегчитъ тесю участъ. Я совѣтую для твоей же пользы.

Шахтеръ промолчалъ.

И снова скорбная улыбка безнадежности, улыбка измученного Христа, пробиралась по чертамъ лица шахтера. О, этой улыбки не могъ равнодушно выносить даже Лѣподѣловъ. Но онъ быстро подавилъ въ себѣ чувство какой-либо жалости.

— Ты молчишь, прохвость,—грубо накинулъ онъ. Ну, пе-
нишь на себя. Сгною въ тюрьмѣ...

Въ этотъ моментъ вошелъ дежурный чиновникъ и подальше Лѣподѣлову письмо отъ Ропотова.

Прочитавъ письмо, начальникъ сразу повеселѣлъ. И, обращаясь къ чиновнику, указалъ на шахтера.

— Отведите эту сволочь въ секретную.

— Шахтера увезли. И, лишь только закрылась за нимъ дверь, зазвенѣлъ телефонъ. Лѣподѣловъ снялъ трубку.

— Алло! Да, я? Раскаялся ли я въ фуяхъ поступкахъ! Ничуть. Вы, негдѣи, скоро будете въ моихъ рукахъ.

Въ телефонной трубѣ раздалась свистъ и ехидный смѣхъ.

Но Лѣподѣловъ теперь вѣрилъ въ завѣду удачи. Ропотовъ свободенъ,—думалъ онъ,—онъ кое-что можетъ разсказать. Значить, защѣпка есть.

Теперь Лѣподѣловъ знаетъ, какъ пристроить къ дѣлу....

И онъ взволнованно забѣгалъ по кабинету, довольно потирая руки.

Весь день онъ находился подъ впечатлѣніемъ предвкушаемаго успѣха. Ему уже рисовался тотъ триумфъ побѣдителя, когда таинственная организация, нарушившая его душевный покой, будетъ арестована и ея члены засядутъ въ «секретку».

О, тогда Лѣподѣловъ поговорить съ ними. Онъ имъ покажеть свои когти. Тотъ смеется хорошо, кто смеется послѣднимъ.

На радостяхъ Лѣподѣловъ весь остатокъ дня занимался своими коллекціями, любовно сортируя изучковъ по коробочкамъ. Это было признакомъ того, что его душевное равновѣсіе возстановлено.

Но слѣдующій день несъ для него новые неожиданности, совершиенно непредвидѣнныя.

Лишь только онъ усѣлся въ свое кабинетъ, въ ожиданіи докладовъ, какъ въ кабинетъ вошелъ дежурный чиновникъ и доложилъ, что начальника просить къ общему телефону директоръ угольныхъ копей Ропотовъ.

— Включите въ мой настольный—приказалъ Лѣподѣловъ.

— Слушаю.

Черезъ минуту звякнулъ звонокъ и начальникъ снялъ трубку.

— У телефона.

— Здравствуйте, Нилъ Стратоновичъ.

Говорилъ Ропотовъ. По крайней мѣрѣ, голось былъ его, въ

етожь не было ни малейшаго сомнения. Его медлительная речь, легкая хрипота.

— Здравствуйте, дорогой Платонъ Сергеевичъ, здравствуйте. Расскажите о вашей одиссее.

— Охъ, вздохнувъ Ропотовъ,—жизнь моя, можно сказать, висела на волоскѣ.

— Ну, ну,—торопилъ Лѣподѣловъ.

— Только одному Богу известно, какъ я унесъ ноги,—продолжалъ медленно директоръ. Одно могу сказать: напрасно мы съ вами затѣяли это дѣло. Мнѣ бы нужно сразу ити на уступки. Вѣдь, это черти, а не люди.

— Однако же проворонили васъ,—ехидно замѣтилъ Лѣподѣловъ.—Проморгали же.

— Да, конечно,—согласился Ропотовъ. Но, можетъ быть, это входить въ ихъ планы. Я такъ напуганъ, что никакихъ разговоръ въ отказѣ ихъ требованій не можетъ быть. Я распорядился удовлетворить шахтеровъ.

— Это напрасно. Не такъ страшель чортъ, какъ его малюютъ. Теперь же вы въ ихъ рукахъ, а они въ моихъ. Слѣдъ все-таки есть, что для моихъ розысковъ вполнѣ достаточно.

— Не увлекайтесь, Ниль Стратоновичъ,—перебилъ директоръ. Если вы разсчитываете на меня, то я очень мало могу помочь вашимъ поискамъ. Я рѣшилъ немедленно уѣхать за-границу. Постѣ этой передряги мнѣ крайне необходимо отдохнуть...

— На поѣзду за-границу я васъ благословляю, но что касается удовлетворенія требованій какихъ-то прохвостовъ—слуга Гокорный... Я не позволю торжествовать какимъ-то гнусамъ.

— Что вы говорите?—точно въ испугѣ перебилъ Лѣподѣлова директоръ. А вдругъ они все это услышатъ.

Лѣподѣловъ расхохотался въ телефонъ самъмъ искреннимъ образомъ.

— Ну, и трусь же вы, Платонъ Сергеевичъ.

— Перестаньте. Я такъ думаю, что и стѣны у нихъ имѣютъ уши!... Мнѣ все время кажется, что къ моему виску приставлено дуло пистолета.

— Полноте. Это болѣнь, именуемая маніей преслѣдованія.

— Можетъ быть.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ Лѣподѣловъ подробно распросилъ при какихъ обстоятельствахъ быть похищенъ директоръ, куда его увезли и гдѣ находился.

— Мѣсто вашего пребыванія вы хорошо запомнили?

— Прекрасно. Какъ на ладони.

— Можете вы поѣхать туда со мной сейчасъ же?

— О, нѣтъ. Я боюсь.

— Помилуйте, чего бояться. Мы же поѣдемъ туда съ моей вооруженной охраной.

— Тѣмъ хуже для меня.

— Почему?

— Очень просто. Узнавъ, что я открылъ ихъ притонъ, меня убьютъ.

Лѣподѣловъ почувствовалъ правоту этихъ предположеній.

— Какъ же быть? спросилъ онъ.

Нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе, казалось, директоръ серьезно обдумывалъ вопросъ.

— Сдѣлаемъ такъ,—заговорилъ Ропотовъ. Я изъ дома никуда не выѣзжаю. Пожалуйте вы ко мнѣ. Я нарисую вамъ планъ мѣстности и... разбирайтесь вы одни, какъ знаете... Это будетъ самое лучшее... Я сейчасъ пришлю за вами мою карету. Согласны?..

Лѣподѣловъ чрезвычайно согласіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЬ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XV.

Черезъ часъ за Лѣподѣловымъ была прислана директорская карета. Пріѣхавшій въ каретѣ лакей доложилъ, что директоръ угольныхъ копей приглашаетъ начальника пожаловать къ себѣ, что онъ его ждетъ на своей городской квартирѣ.

— Щдемъ, щдемъ скорѣе,—засуетился Лѣподѣловъ, надѣвал пальто и шляпу.

Минувъ нѣсколько улицъ, карета свернула въ одинъ изъ тихихъ переулковъ и вскорѣ вѣхала въ раскрытые ворота небольшого особняка.

— Пожалуйте,—сказалъ лакей, открывшій двери.

Вечерѣло...

Они вошли въ слабо освѣщенный подъѣздъ. Поднявшись по лѣстницѣ наверхъ, лакей провелъ начальника въ большой кабинетъ, со спущенными шторами на окнахъ. И, указывая на кресло, сказалъ:

— Будьте добры обождать здѣсь. Я сейчасъ доложу о вашемъ пріѣздѣ Шлатону Сергеевичу. Онъ сейчасъ находится въ гостиной.

И лакей вышелъ, плотно закрывъ за собою дверь. Лѣподѣловъ краемъ уха уловилъ какъ бы звукъ защелкиваемаго замка. Это нѣсколько его удивило и онъ осмотрѣлся внимательно по сторонамъ. И только теперь кабинетъ показался какимъ-то страннымъ. Тускло освѣщеніяя, большая квадратная комната, двумя овѣчами въ бронзовыхъ канцелябрахъ, наполненная мертвой тишиной. Никакого звука съ улицы не доносилось сюда. Лѣподѣловъ подошелъ къ окну и, отогнувъ штору, былъ крайне пораженъ: за шторой тѣмѣсто окна была гладкая каменная стѣна.

— Что за чертовская фантазія—устраивать кабинетъ въ темной комнатѣ.

Лѣподѣловъ подбѣжалъ къ двери, намѣреваясь открыть ее, но и тутъ его ожидало разочарованіе: дверь была заперта на замокъ.

И Лѣподѣловъ, точно плененный звѣрь въ клѣткѣ, заметался по запертой комнатѣ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Въ домѣ по прежнему царила мертвая тишина.

На письменномъ столѣ Лѣподѣлову бросился въ глаза телефонный аппаратъ.

И онъ порывисто снялъ трубку, желая соединиться со станціей.

Но изъ микротелефона внезапно раздался ироническій свистъ, точь въ точь такой же, какій раздавался при разговорѣ съ членомъ «партии предостерегающихъ».

— Что?—послышился вслѣдъ за свистомъ вопросъ,—надѣюсь, вы мало довольны визитомъ къ директору?

Страшная догадка, разсѣянная всѣмъ сомнѣніемъ, мелькнула въ головѣ Лѣподѣлова.

Конечно, не может быть никакого спора в том, что онъ попалъ въ пасть къ своимъ врагамъ.

«Неужели такъ поразительно просто онъ могъ попасть? Вотъ ужъ пасть на всякаго мудреца довольно простоты. Но кто же разговаривалъ съ нимъ по его служебному телефону? Оборотень?

Однако, нужно набираться храбрости. Первое условіе—не терять присутствія духа.

— Такъ, значитъ, вы шобъдили?—спросилъ Лынодѣловъ.

— Похоже на то,—прознучалъ отвѣтъ.

— Но зачѣмъ же меня заперли, вы могли бы обойтись и безъ этого?

— Затѣмъ, что ваша изоляція необходима для вашей же пользы.

— Это шутка или извѣтство?

— Ни то, ни другое...

— Объясните.

— Охотно. Остаявшись на своеемъ посту и ничего не сдѣлавъ въ смыслѣ уволненія часъ, вы бы получили огромную нахлобучку отъ своего начальства. Теперь же вы являетесь какъ бы жертвой своего служебнаго рвения и, разумѣется, это вамъ зачтется, какъ подвигъ. Кроме того, на будущій разъ вы будете осмотрительнѣе и не стащете увлекаться своими розыскными способностями. До свиданія.

Говорившій прекратилъ разговоръ. И снова все стихло. Лынодѣловъ сирѣло сжалъ кулаки и забѣгалъ по кабинету. Несколько разъ онъ выстрѣшилъ изъ имѣвшагося при немъ револьвера, но по прежнему мертвая тишина нежилого помѣщенія была ему отвѣтомъ.

* * *

— Сенсація, сенсація!—орали на всѣ лады газетчики, посыпавшіеся по всему городу съ кипами газетъ.—Таинственное исчезновеніе начальника полиціи! Чудеснѣя походженія шартии «предостерегающихъ».

Конечно, газеты раскупались на расхватъ. Въ статьяхъ, подъ аршинными заголовками, развязные репортеры плели бѣль и небылицу для прущей аскютации публики. И эта публика, захлебываясь увлекательнымъ чтеніемъ, обсуждала событие на всѣ лады.

Особенно было много разговоровъ въ кафе и на бульварахъ, тѣмъ праздность фланирующихъ граничила съ свободнымъ временемъ. Здѣсь поразительные разсказы газетъ дополнялись необузданной фантазіей гуляющихъ. Передавалось о какомъ-то таинственномъ автомобилѣ, который ночью разъѣжалъ по улицамъ города.

Вышедшія добавленія газетъ передавали, какъ фактъ, что директоръ уральскъ копей прислали телеграмму съ требованіемъ немедленно удовлетворить шахтеровъ, что изъ поиски Лынодѣлова прибыло множество агентовъ, среди которыхъ есть знаменитыи шейки, съ честью выхоривши въ самыхъ запутанныхъ положеній.

Кое-гдѣ, среди собравшихся изъ бульвара, вспыхивали скоры, переходившія въ драки. Къ вечеру стало известно, что огромной толпой хулигановъ и присоединившимися къ нимъ пострадавшими шахтерами разгромленъ полицейскій участокъ. Были столкновенія толпы съ городовыми и несколько человекъ оказались ранеными.

(Продолженіе сдѣлуетъ),

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XVI.

Инженеръ Карамовъ, съ двумя своими помощниками, находился въ кафе, на бульварѣ.

Былъ солнечный полдень. Какъ и вчера, по бульвару сновала пестрая, гомозивая толпа, на всѣ лады обсуждавшая событія нѣсколькихъ минувшихъ дней, шелестя газетными листами, споря и шумя...

Инженеръ задумчиво вилъ кольца сигарного дыма. Его помощники молча тянули, чрезъ длинныя соломенки, холодный гренадинъ.

Гордый газетчикъ, пробѣжавшій мимо кафе, кричалъ:

— Новая походженія «партии предсторегающихъ». Всіхъ нула забастовка на металлургическомъ заводѣ!

И толпа лихорадочно начала покупать газеты.

Наблюдая за шумной толпой, надкой до всякой сенсаціи, инженеръ думалъ:

— О, глупое стадо! Тебя занимаетъ какое-то, въ сущности, незначительное событіе, авторомъ котораго является только одинъ человѣкъ... Какъ бы ты раскрыло глаза и ротъ, если бы узнало, что этотъ человѣкъ находится здесь, среди васъ!.. Но, конечно, тебѣ не дано знать этого.

И чувство, похожее на удовлетворенную гордость, шевельнулось въ груди инженера. Настроеніе его было прекрасно, какъ у человѣка, сознающаго, что онъ стоитъ у большого дѣла, выполняетъ его хорошо и упрекнуть себя совершенно не въ чёмъ.

Онъ вѣрилъ въ свою звѣзду, въ себя. Хотя онъ и пылинка въ необъятности мірозданія, но благодаря своему мышленію становится господиномъ и владыкой его. И одно это сознаніе наполняло все его существо блаженствомъ...

— Кейфуете, Вадимъ Викентьевичъ?—раздался сзади знакомый вкрадчивый голосъ.

Инженеръ Карамовъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ профессоръ Горизонтовъ.

Подавивъ внутреннее недовольство, инженеръ пожалъ руку профессора.

— Позвольте приступить за вашъ столикъ,—попросилъ онъ.

— Пожалуйста.

Профессоръ сѣлъ и заказалъ себѣ мороженое.

— А исторія-то разгорается,—заговорилъ онъ. — Ну, какъ вашъ директоръ?

— Живъ, здоровъ и это, шокалуй, главное,—спокойно отвѣтилъ Карамовъ, внутренне послыпая ко всѣмъ чертамъ надѣдоваго профессора, нарушившаго ходъ его мышленія.

— О, несправимый оптимистъ,—воскликнулъ Горизонтовъ.—Пропадаютъ люди, потрясаются основы государственной монди, а онъ спокойно журишь сигару, какъ будто ровно ничего не произошло.

— Что же такое, собственно говоря, произошло, чтобы я имѣть право лишить себя сигары?—улыбнулся инженеръ.—Вѣдь, судя по вашимъ воскликаніямъ, вы чрезвычайно изволнованы всѣмъ происходящимъ, однако, это не мѣшаетъ вамъ кушать мороженое. Не такъ ли?

— Да, конечно,—вскинувъ бровями профессоръ. И тутъ же перемѣнилъ тему:

— Но эти люди мнѣ нравятся. Прямо, сказать можно, геніальные ребята. Поставить на ноги всю полицію и не дать никакой нити къ своему уловленію. Это, я вамъ доложу... Что вы на это скажете?

И профессоръ воззрился на Карамова съ такимъ видомъ, точно желая прочитать на его лицѣ какое-либо откровеніе. Карамову даже показалось, что въ присущенныхъ глазахъ профессора промелькнули тщательно скрываемые огоньки лукавства, какъ у человѣка, раскусившаго своего собесѣдника, но не желающаго высказать откровеніо.

Инженеръ промолчалъ. Настроеніе его было окончательно испорчено. Взглянувъ на часы, онъ сказалъ, обращаясь къ своимъ помощникамъ:

— Однако, господа, намъ пора. До свиданья, профессоръ. Вы, конечно, еще посидите.

— Да, да, посижу. Здѣсь такъ интересно послушать, что говорить народъ. Можетъ быть, узнаю, что-нибудь новое.

И онъ потеръ свои костяные руки съ видимымъ удовольствіемъ.

«Онъ меня положительно преслѣдуетъ»,—уходя, думалъ Карамовъ... Что нужно этому подозрительному субъекту?

Теперь его занималъ одинъ вопросъ: нужно ли быть осторожнѣе въ своихъ опытахъ?

Разбирая этотъ вопросъ логически, онъ спрашивалъ:

Въ чёмъ выражалась его неосторожность, чтобы его можно было подозрѣвать въ чёмъ-либо? Кажется, ни въ чёмъ...

И не вытекаетъ ли его подозрѣніе въ неблагонадежности профессора и исключительно отъ нерасположенія къ нему? Пожалуй, это вѣрнѣ... Всѣ говорятъ о злорѣдности Горизонтова. Возможно, что и онъ, инженеръ Карамовъ, безъ провѣки фактъ, воспиталъ, незамѣтно для себя, ходячее мнѣніе... А огоньки лукавства въ его глазахъ? Они могли показаться Карамову. Или они просто природное качество Горизонтова.

Но какъ ни успокаивалъ себя инженеръ, назойливый червячокъ подозрѣнія судилъ, да судилъ: «Здѣсь что-то не такъ!»

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЬ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XVII.

Лѣподѣловъ мрачно ходилъ изъ угла въ угла по кабинету, освѣщенному двумя свѣчками, тяжело обдумывая свое нехорошее положеніе арестанта, запертаго неизвѣстными людьми. Постепенно имъ начинало овладѣвать отчаяніе.

Привыкшій запирать другихъ, поскольку не считаясь съ ними настроеніями, виной и каждой свободы, онъ только теперь понялъ, какъ тягостно быть арестованнѣмъ и томиться въ искушой неизвѣстности. Въ голову лѣзли самые темные мысли.

Съ минуты на минуту онъ ожидалъ прихода кого-либо изъ своихъ таинственныхъ враговъ съ целью спредѣленной цѣлью—зѣнить его жизни.

Такъ прошла ночь. О наступленіи утра онъ узналъ только по своимъ часамъ, которые показывали 8. Въ замертомъ кабинетѣ по прежнему царила мертвая тишина, ни однимъ звукомъ ненарушаемая извѣтъ.

Наблюдая за скользящей по шиферлату стрѣлкой, Лѣподѣловъ безнадѣжно думалъ:

«Очевидно, меня рѣшено уморить здѣсь голодомъ и скаждой». Въ тотъ же моментъ раздался телефонный звонокъ. Какъ уточнѣшъ за соломенку, схватился Лѣподѣловъ за телефонную трубку, приложивъ ее къ уху.

— Съ добрымъ утромъ, господинъ Лѣподѣловъ, — услыхалъ онъ насмѣшливый голосъ своего врага.—Какъ изволили почтить эту почту? Натѣхъ, вы ~~у~~ словы?

— Благодарю вѣсть, — угрюмо отозвался пѣнникъ. И въ голосѣ его чувствовались ноты покорности судьбѣ.

— Вѣроятно, вы хотите кушать? — спрашивалъ тотъ же голосъ.

— И очень даже...

— Отправляйтесь въ ближайшій ресторантъ и позавтракайте.

— Вы шутите?

— Ничего подобнаго. Вѣроятно, вы убѣдились, что мы никогда не шутимъ.

— Если такъ, то скажите, какъ же мѣгъ выбраться отсюда?

— Съ условіемъ.

— А именно?..

— Во-первыхъ, вы должны бросить вѣшу позорную профессію. И во-вторыхъ, освободить всѣхъ вами арестованныхъ. Согласны?..

Лѣподѣловъ подумалъ, рѣшилъ, что онъ можетъ принять это условіе. Лишь бы выбраться отсюда, а тамъ будетъ видно...

— Я согласенъ, — отвѣтилъ онъ.

— Даете честное слово?

— Даю, копечю.

— Ну, слушайте. Съ лѣвой стороны дверей, внизу, есть кнопка. Нажмите ее, и вы—свободны.

— Только и всего? — Голосъ Лѣподѣлова дрожалъ отъ волненія.

— Больше цѣнного... ~~Въ~~ ~~занятіи~~ ~~занятіи~~

ареста надобности не встречается. Вы получили надлежащий урок, который, смею думать, послужит вам в пользу. Кстати, имейте в виду, что если вы не сдерете своего слова, то второй ваш арест обойдется для вас не так дешево. До свиданья.

Львов бросил трубку, подбежал к двери и начал отыскивать шумную книжку. Отыскав ее, он открыл дверь, и, облегченно вздохнув, вышел из своей краткосрочной тюрьмы. Обошел все комнаты, со сваленной по углам мебелью. Было похоже на то, что сюда только что переехали новые квартиранты и еще не успели разобраться в своих вещах.

Двери, выходящие наружу, оказались незашертыми. Львов вышел во двор, в заднюю углу которого копошился дворник. Львов обратился к нему:

— Эй, малый, поди-ка сюда.

Дворник не спеша, подошел на зов, снял картуз и поклонился Львову.

— Кто живет в этой особняк? — спросил Львов.

— Так что, сударь, пока никого. Дня три тому назад его снял какой-то барин с черной бородой, привез мебель и уехал.

— Какая фамилия этого барина?

— Не могу знать.

— После этого он не заходил сюда?

— Не видал.

— Так.

Львов недоумменно развел руками и вышел на улицу. Прежде всего, он зашел в первый попавшийся ресторан и приказал подать себе завтрак. Во время завтрака ему пришла мысль, что его заключение не могло обойтись без участия Ропотова, хотя бы и невольного участия. И он решительно съехал в контору угольных копей. Здесь он узнал, что шахтеры удовлетворены и работы на копях идут полным ходом.

— Господин Ропотов здесь? — спросил он, явившись в контору.

— Ожидаем его сегодня к вечеру, — ответил служитель.

— Кто же это замыщает?

— Главный инженер Карамов.

— Доложите.

Через минуту он был принят главным инженером.

— Вы живы? — как бы удивился Карамов. — Газеты уже сообщили, что вас убили.

— Газеты слишком преувеличили, — ответил Львов, усаживаясь на предложенное кресло. — Как видите, я жив и здоров, и прибыть сюда узнать о судьбе собрата по несчастью, Платона Сергеевича. Что с ним? Где он?

— Сегодня от него получена телеграмма из Пропадинска. Вероятно, к вечеру будет здесь.

— Будьте любезны показать телеграмму.

Карамов удовлетворил его желание.

— Н-да, — произнес Львов, пробираясь телеграмму, — отсюда до Пропадинска пятьсот верст... В одну ночь туда и обратно добраться невозможно.

— Что вы сказали?

— Нет, ничего. Я так... Благодарю вас за сообщение...

Он покосился на главного инженера и с каким-то растерянным видом вышел из кабинета...

(Продолжение в следующем)

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XVIII.

Въ самомъ подавленіи настроеніи вышелъ Лѣподѣловъ изъ конторы угольнѣкъ коней. Теперь передъ нимъ возникъ острый вопросъ:

— Какъ быть съ даннымъ словомъ? Исполнить его, или нетъ?.. Если съѣсть исполнить, то, весомѣнно, долженъ лишиться тѣхъ материальныхъ благъ, которыя несуть его положеніе. Если же не исполнить, то можно ли поручиться за безопасность?— Старый болѣкъ сыска, охраняющій тронъ тирана, былъ въ бѣзшомъ затрудженіи. Въ давнѣмъ случаѣ онъ вспоминалъ того архитектурнаго буриданова осла, который былъ голоденъ и, стоя между двумя стогами сѣна, не зналъ, за который ему ухватиться.

Шагая по главной улицѣ города, съ низко спущенной головой, Лѣподѣловъ вдругъ услыхалъ склонъ:

— Ба, ба! Нилъ Стратоновицъ, вѣсъ ли я вижу?

Очнувшись отъ своего раздумья, онъ увидѣлъ передъ собою профессора Горизонтова, съ которымъ былъ знакомъ.

— Да, пожалуй, некоего другого, какъ меня, — улыбнулся Лѣподѣловъ, пожимая руку профессора.

— Я очень радъ, что вы живы и здоровы, и горю членѣніемъ узнатъ подробности о вашемъ приключеніи,—забарабанилъ Горизонтовъ.—Зайдемте ко миѣ и побѣдѣдемъ.

И онъ съ таинственнымъ видомъ заговорщика взялъ Лѣподѣлова подъ руку, насколько не стѣсняясь тѣмъ, что его могутъ встрѣтить знакомые въ компании охранника.

Квартира Горизонтова находилась неподалеку отъ главной улицы. Усѣвшиесь въ гостиной, Лѣподѣловъ обстоятельно рассказалъ Горизонтову обо всемъ, что съ нимъ случилось, не скрывая ни одной мелочи. И кончилъ разсказъ, развелъ руками, добавивъ:

— Познавательно ничего не понимаю, что за дьяволы земя опутали. Я былъ точно въ туманѣ...

— Какоы же ваши дальнѣйшіе планы, — спросилъ Горизонтовъ, блестя лукавыми глазами.—Надо полагать вы не отступитесь отъ дальнѣйшаго разслѣдованія этого дѣла.

— Не знаю,—отвѣтилъ Лѣподѣловъ.—Я какъ-то совсѣмъ растерялся и даже подумываю подать въ отставку.

— Да что вы?—изумился Горизонтовъ.—Зачѣмъ же таѣ поспѣшили? Не нужно торопиться тамъ, гдѣ требуется хладнокровіе и выдержка.

— Но у меня быть ни малейшей пиши ть уловлено или даже раскрытою этой странной организацией.

Онъ хотѣлъ сказать подлой, но почему-то не рѣшился.

— Допустимъ, вернется Ролотъ. Но что же онъ можетъ сказать чѣмъ? Магъ кажется, ровно ничего. Ибо если обиди меня, то его-то обойти значительно легче...

— А вы, Ниль Стратоновъ, исходите дѣлать скоропадильные выходы, — отмѣтилъ Горизонтъ Гашенѣцкій. — Если у васъ быть никакихъ напаекъ, то, можетъ быть, онъ есть у другихъ... Что вы на это скажете?

Лѣподѣловъ человѣчески покачалъ головою.

— Врядъ ли, — со злобомъ возразилъ онъ.

— Вотъ видите, какой вы загинотизированный чужакъ, успѣхъ. Сразу видно русскаго человѣка, спускающаго руки три первой неудачи. Между тѣмъ, нужно искать, работать, обдумывать, а не сѣять голову.

Горизонтъ хитро улыбнулся съ тонкимъ подходомъ, который какъ бы говорилъ: «Обратись-ка, братъ, ко мнѣ, я тебѣ открою глаза»...

— Можетъ быть, вы знаете чѣмъ-либо? — прямо поставилъ въпросъ Лѣподѣловъ, посыпавъ улыбку Горизонта.

Профессоръ хлопнулъ Лѣподѣлова по плечу.

— Вы угадали. Я много работалъ въ этомъ направленіи и кое-что имѣю основательное.

— Но какъ вами удались?

Хиляя улыбка снова пробѣжала по лицу Горизонта и глаза его заблестѣли сроньками лукавства.

— Вѣдь, господа, — продолжалъ онъ, — всегда идетъ по своимъ шаблоннымъ путямъ, нисколько не считаясь съ приемами своихъ противниковъ, будь они хоть сеи же пажи во лбу... И сини, эти противники, престокойно рѣдятъ вѣсъ за носъ. Я же добираюсь до сути дѣла совершенно инымъ способомъ. Менѣ способы болѣе оригинальны, чѣмъ таши. Разумѣется, и результаты я гнану другіе. За перепитіями дланного случая я сдѣлалъ съ сизаго начата, бывъ всесѣло захваченъ имъ и, собразивъ, что тутъ можно кое-что сдѣлать, рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно.

— Не томите, — воскликнулъ въ нетерпѣніи Лѣподѣловъ. — Если что знаете — выкладывайте.

— Эхъ, такой вы ласковый, — усмѣхнулся профессоръ.

Онъ не спѣша закурилъ папиросу, затѣмъ снялъ пепоно, протеръ имъ платокъ и снова рѣкинулъ на носъ. Онъ медлилъ, точно обдумывалъ, какъ приступить къ щекотливому разговору.

— Видите ли, — началъ онъ гажнѣмъ тономъ солиднаго человѣка, — Скажу словами поэта: «кто на зути къ великой цѣли, изъ мелочи не долженъ тратить силъ». Поняли?

Лѣподѣловъ поднялъ на него свои жучинные брови.

— Я понялъ, — отвѣтилъ онъ, — На этомъ дѣлѣ вы хотите заработать? Правда?

— Всепремѣнно...

— Сколько?

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

XIX.

Горизонтовъ, нѣсколько подумавъ, отвѣтилъ:

— За это дѣло я хочу получитъ двадцать сять тысячъ.

Лицо Лѣподѣлова вытянулось, какъ языкъ отъ испуга.

— Ого-го-го,—сказалъ онъ,—однако, заплатить у васъ изрядный...

— Ничего подобнаго. Я его считаю даже скромнымъ. Согласитесь, Ниль Стратоновичъ, что за такое дѣло меныше взять нельзя.

— Вы меня становите въ тушницу. Гдѣ я могу достать такую сумму?

— А ужъ это ваше дѣло,—отвѣтилъ Горизонтовъ,—усмѣхаясь лукавыми глазами хищника, почуявшаго добычу.—Конечно, если не можете,—бросилъ разговоръ на эту тему.

Лѣподѣловъ задумчиво шобарабанилъ пальцами по столу.

— Нѣтъ, засѣмъ же,—заговорилъ онъ послѣ нѣкотораго болѣанія... Будемъ продолжать. Я попыталъся все-таки достать. Но мнѣ необходимо прежде знать: что вы имѣете въ своихъ рукахъ для раскрытия таинственной организаціи?

— Я имѣю въ рукахъ одинъ документъ, который даетъ нѣгъ къ разоблаченію. Само собой, пока миѣ не будутъ вручены деньги я не могу сообщить имена. Думаю, что одного содержанія документа вполнѣ достаточно для доказательства моей правоты.

— Познакомьтесь же меня съ этимъ документомъ.

— Пожалуйста.

Горизонтовъ вышелъ въ другую комнату и, вернувшись, развернувъ какую-то бумагу.

— Слушайте внимательно,—сказалъ онъ и началъ читать:

— Первый опытъ съ примѣненіемъ моего изобрѣтенія удался вполнѣ. Ни въ одну голову не могло закрасться даже тѣни подозрѣнія относительно меня. И въ данный моментъ я могу поздравить себя съ большими успѣхомъ. Я наканунѣ большой сложной работы. Если мой первый опытъ прошелъ отлично, то, надо полагать, и послѣдующія проходили съ неминуемымъ успѣхомъ, несмотря на искъ кажущуюся трудность.

— Я думаю, что этого отрывка вполнѣ достаточно.—сказалъ

Горизонтовъ, кончивъ читать. Замѣту юстали, что имени писавшаго, а такъ же адресата мнѣ хорошо известенъ. Какъ и составить письма я вѣрю въ успѣхъ предпрѣятія.... Остается, значитъ, одинъ вопросъ: согласны ли вы вручить мнѣ двадцать пять тысячъ рублей.

— Завтра я вамъ дамъ отвѣтъ, думаю, что положительный.

Лѣподѣловъ, распрострѣвшись съ профессоромъ, ушелъ. Онъ твердо рѣшилъ ходатайствовать о выдачѣ ему двадцати пяти тысячъ для Горизонтова. Онъ вѣрилъ профессору, зная, что толькъ шутить въ денежныхъ дѣлахъ не любить. И если имѣеть въ рукахъ документъ чрезвычайной важности, то даромъ его не выпустить. И если, что тревожило Лѣподѣлова, то единственное данное слово. Въ душу временами захвачивался страхъ передъ членами партии предостерегающими. «А вдругъ они снова его арестуютъ?» Но будь, что будетъ!..

Въ цѣляхъ предосторожности онъ не пошелъ на мѣсто своей службы, не пошелъ и на свою квартиру, а отправился на одну изъ конспиративныхъ квартиръ, откуда и началъ дѣйствовать въ цѣляхъ достать нужную сумму... Дѣло шло успѣшно. Деньги находились.

Но слѣдующий день несъ для него ужасное разочарованіе, заполнившее все его существо смертнымъ страданіемъ.

Развернувъ утреннюю газету, онъ прочиталъ слѣдующее сенсаціонное сообщеніе:

«Загадочная смерть профессора Горизонтова».

Въ пространной замѣткѣ разсказывалось о томъ, что утромъ на своей квартирѣ найденъ мертвымъ профессоръ Горизонтовъ, проживавшій одиноко. Вѣдимо, онъ былъ задушенъ, или отравленъ какимъ-то сильнодѣйствующимъ ядомъ. Смерть профессора является загадочной. Въ замѣткѣ, между прочимъ, передавалось, что убийцы ничего не воспользовались изъ вещей профессора. Ихъ, очевидно, интересовали только бумаги профессора, которые оказались перерѣзанными и разбросанными... Даѣтъ газеты фантазировали чу- тему, что загадочная смерть профессора является какой-либо политической местью, ибо профессоръ слышилъ за яраго революнера.

Когда Лѣподѣловъ прочиталъ эту замѣтку, у него опустились руки. Онъ сразу догадался, что смерть профессора, несомнѣнно, дѣло шаргии предостерегающихъ.

Такимъ образомъ, положеніе застуپыло все больше и больше. Лѣподѣлову казалось, что онъ попалъ въ какой-то лабиринтъ, изъ котораго онъ не могъ выбраться. Онъ спрашивалъ себя:

«Что же это за люди, отъ которыхъ не можетъ ничего укрыться?.. Но какъ ни ломать надъ этимъ вопросомъ голову, вичего не могъ понять....

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. ОРДЫНСКАГО,

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XX.

Въ то время, когда разыгралась этотъ незначительный съ точкой артнія инженера Карамова оппозиціи, въ онъ памѣревался приступить къ главному аукнту своего альмана—атакѣ на ненавистный тронъ деспота—политическая события Россіи шли по пути измѣненія.

Эти измѣненія были настолько существеннаго характера, что инженеру Карамову пришлось пристановить свою работу.

Оставшійся въ тѣни, онъ продолжалъ заниматься на угольныхъ скопіяхъ, имѣть съ вернувшимся директоромъ Ропотовымъ.

Перенесенный Лыподѣловъ куда-то исчезъ изъ города, и о немъ не было ни слуху, ни духу.

Такъ промелькнуло лѣто, и наступила осень.

Главный врагъ Карамова Александръ III лежалъ больнымъ въ своеъ дворцѣ въ Ливадіи.

Въ газетахъ ежедневно печатались бюллетени о состояніи его болѣзни. Особенныхъ опасеній не выражалось, и, разумѣется, никто не допускалъ мысли о близкой развязкѣ. Но, должно быть, самъ царь предчувствовалъ трагедію.

Подводя итоги своего царствованія, онъ считалъ, что за этотъ періодъ замѣчательно укрѣпился царствующій тронъ Романовыхъ.

Россія представлялась ему однимъ плотно спаяннымъ цѣльнымъ кускомъ, вѣрище, глыбъ фарфора, недѣлимой, монной и несокрушимой. Всѣ преблески недовольства, всѣ ропоты народные, какъ граніозной чугунной плитой, подавлялись его рукою,—рукой злакового деспота. И чувство самодовольства наполняло сердцѣ большого императора.

Теперь предметомъ его послѣднихъ заботъ была мысль о наследникѣ Николаѣ. Сына своего онъ считалъ человѣческимъ слабовольнымъ, недовѣрчивъ и слабохарактернымъ, обладающимъ къ кому-же плохой памятью.

— Ахъ, не выйдетъ изъ него хорошаго монарха,—думалъ Александръ.—Онъ разрушитъ то, что съ такимъ упорствомъ созидалось мною. Чуешь мое сердце.

И большой императоръ метался по своему роскошному ложу.

Царь часто призывалъ къ себѣ своихъ приближенныхъ царедворцевъ и подолгу совѣтовался съ ними.

— Какъ быть?—спрашивалъ онъ у Витте, Побѣдоносцева и другихъ.

Но, привыкшіе къ раболѣпству и льстивому угодничеству, они неизмѣнно хвалили Николая. Они говорили:

— Ваше императорское величество. Вы слишком преувеличиваете страхи. Ваша насыщенность еще такъ молодъ. Нельзя же требовать отъ него вашей опытности и государственной мудрости. Все это придетъ съ годами. Нельзя забывать и того, что онъ — вашъ сынъ. Несомнѣнно, къ нему перешло много вашихъ добрыхъ и драгоценныхъ задатковъ, какъ человѣка и монарха. Съ годами все образуется. Въ сущности говоря, вѣдь, и вы еще не стары. Смерть еще не стоитъ за вашей спиной. На славу и счастье вашей родины мы будемъ царствовать долгіе-долгіе годы.

**

Стояли хмурые октябрьскіе дни. Сквозь окна больной видѣть, какъ по небу троносились синеватые тучи, навѣщающія безотчѣнную грусть. Особенно тоскливо становилось по вечерамъ, когда изобилій дождь барабанилъ по стекламъ, и въ смежныхъ зданіяхъ зажигались огни...

Кто знаетъ, о чёмъ размышлялъ императоръ, прикованный недугомъ къ одру болѣзни? Проносились ли передъ имъ тѣни умученныхъ въ ходныхъ казематахъ, далекихъ и близкихъ тюремъ? Кивали ли тѣни скорбныхъ борцовъ за лучшее, будущее? Встала ли тревожная привычка замученной, задавленной страны и требовала сойти за свое порабощеніе? Или онъ, привыкшій къ рабскому поклоненію и почтѣ боярскому почестяю, теперь считалъ свое царствованіе неизѣннымъ сномъ и быть готовъ отдать свою власть за возможность быть здоровымъ? Кто знаетъ?

Въ одинъ изъ такихъ мрачныхъ осеннихъ дней прибыла въ Россію съ пышной свитой невѣста Николая — Алиса Гессенская. Ея прѣѣздъ какъ бы усугубилъ трагическій конецъ Александра. Прошло не болѣе десяти дней послѣ ея прѣѣзда, какъ его не стало.

Въ газетахъ было тогда же напечатано, что смерть царя «миротворца» вызвала всенародное рыданіе.

Инженеръ Карамовъ зналъ, что газеты, въ сущности, и не могли писать иначе. Духъ рабскаго пресмыкательства передъ трономъ быть вѣмъ прянуть слишкомъ глубоко. Но онъ зналъ и то, что никакого рыданія въ народѣ не было. Наоборотъ, изъ многихъ сотенъ тысячъ сердцъ вѣрвался вѣдь облегченія.

Умеръ властный и суровый деспотъ, и все ждали необходиаго и радостнаго просвѣщенія для родины, настрадавшей во чмѣ царскаго произвола.

Вѣрили въ лучшее будущее. И эта вѣра, вспыхнула особенно яркимъ пламенемъ, когда въ печати появился манифестъ Николая по случаю восшествія его на престолъ.

Въ своемъ манифестѣ Николай торжественно заявлялъ, что онъ отныне приемлетъ священныи обѣтъ передъ лицомъ Всевышнаго всегда имѣть единой цѣлью мирное преуспѣяне, могущество и славу дорогой Россіи и устроеніе счастья всѣхъ подданныхъ.

Читая имѣть съ другимъ этотъ историческій документъ, инженеръ Карамовъ думалъ:

— Посмотримъ, посмотримъ, какъ этотъ родоподѣль спрашиваетъ свои слова.

Инженеръ Карамовъ не вѣрилъ словамъ монарховъ, въ какую бы форму они ни выливались...

(Продолженіе следуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXI.

Инженеръ Карамазъ писалъ въ тишинѣ своего кабинета. Сегодня онъ чувствовалъ себя очень спокойнѣмъ и потому въ писаніи отрешился найти упокоеніе душевное.

«Анна! Хочется вѣрить, что близокъ часъ нашего свиданія. Вчера я видѣлъ тебя играющей съ нашимъ ребенкомъ на берегу моря. Ты была вся въ бѣломъ. И золотые луки солица вмѣстѣ съ морскимъ вѣтеркомъ играли короной твоихъ пепельныхъ волосъ.

Ты была задумчива и смотрѣла въ ту сторону, где живу я. Ахъ, я не знаю о чёмъ ты думала въ эту минуту! Пока мнѣ этого знать на дано. Но мнѣ такъ хотѣлось знать. Можетъ быть, ты размышила о томъ, что я не выполню возложенной на себя задачи? Ты вѣришь въ предчувствіе? Мнѣ иногда начинаетъ почуку-то казаться, что несмотря на мои успѣхи я долго не могу видѣть тебя около себя. Можетъ быть и ты думаешь о томъ же? Ты была грустна въ эту минуту.

Нашъ мальчишъ подошелъ къ тебѣ, долго смотрѣлъ на тебя, стараясь шостить твое настроеніе. Ты подѣловала его крѣпко, крѣпко и усадила рядомъ съ собою. И оба вы смотрѣли на тихую поверхность безбрежнаго моря, на бѣлыхъ чаекъ, задѣвающихъ крыльями салфировыя волны.

Ты, быть можетъ, спросишь, откуда я все это знаю, раздѣленный съ тобою пространствомъ въ тысячу верстъ?

Помнишь, я писалъ, что работалъ надъ изобрѣтеніемъ огромной важности. Теперь это изобрѣтеніе принимаетъ реальный очеркъ и въ данный моментъ для меня почти быть невозможно. Самая трудная часть работы кончилась.

Все приведено въ опредѣленную систему.

И въ своеи воображеніи я зрю результаты моей работы.

Вижу разрушенные заводы, изготавлиющіе орудія истребленія. Морскіе разбойники-крейсера, несущіе смерть и разрушение, точно куски желѣзныхъ обломковъ поглащаются пучиной океана.

И со временемъ все тайны королей, вождей и военачальниковъ будутъ для меня какъ открытая книга лишь только эти тайны сорвутся съ ихъ устъ.

Я паразитую зло при его возникновении. И съ ясной лазурью своего воображения я вижу склоненные предо мною народы съ звѣями мира и братства, поющіе хвалу моему изобрѣтенію. Никто тогда не осмѣлится проливать драгоценную кровь людей....

Да это такъ. Скоро явится въ миръ великая правда и положить конецъ великой лжи. Ничто не пропадаетъ въ послѣдней. Не пропадутъ и слезы, и скорбь, и страданія людей. Они какъ многіе ручки сольются съ миллионами ручьевъ и утопить въ себѣ всю ложь, накопившуюся въ теченіе тысячелѣтій.

Настанетъ моментъ для грознаго слова:

— Довольно.

И это слово будетъ произнесено мною, инженеромъ Карамовымъ...

Онъ отложилъ перо и расправилъ утомленный писаніемъ корпушъ.

Взглянувъ на портретъ молодой женщины. И слова чувство великаго одиночества заплыло въ душу гамму грусти.

И странный голосъ раздвоенія заговорилъ въ душѣ: «Вотъ онъ работаетъ для счастья миллионовъ людей, населяющихъ земной шаръ, но почему же онъ самъ не достигъ полноты счастья? Почему тѣ, кого онъ «такъ любить, далеки отъ него?»

Карамовъ постарался отогнать этотъ голосъ и замкнуться, какъ въ прочный кругъ въ свою идею. Онъ, вѣдь, не малодушный человѣкъ и не долженъ предаваться унынію! Нужно работать и работать. Когда будутъ счастливы всѣ, будетъ счастья не пройдеть мимо него.

Инженеръ еще разъ взглянувъ на портретъ любимой и спустился въ свою лабораторію. Зажегъ свѣтъ.

Въ углу стояла какая-то машина сложной конструкціи. Рядомъ на стоянѣ лежали листы бумаги съ математическими вычислѣніями и чертежами.

Карамовъ подошелъ къ машинѣ, любовно осмотрѣлъ ее и повернувъ одинъ изъ рычаговъ.

Снопъ яркихъ фиолетовыхъ лучей вырвался изъ машины и упалъ на бѣлое полотно, натянутое на противоположной стѣнѣ. Карамовъ повернувъ другой рычагъ. Машина гудяще запѣла, точно тысячи струнъ арфы зазвенѣли подъ дуновеніемъ тихаго вѣтра.

На полотнѣ замелькали сначала точки, потомъ эти точки начали слагаться въ фигуры и зданія. На экранѣ рельефно вырисовалась бѣлая дача на берегу моря. На террасѣ сидѣла молодая склонница и читала книгу. Около нея игралъ съ мячикомъ прелестный мальчикъ.

Инженеръ Карамовъ нѣсколько минутъ молитвенно любовался этой милой группой.

— Вотъ мое счастье,—прошепталъ онъ.

Затѣмъ снова повернувъ рычаги, машина перестала гудѣть и вѣдѣніе исчезло....

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ХХII.

Послѣ хмурыхъ осеннихъ дней съ ихъ пурпурными дождями и слякотью началъ падать снѣгъ. Въ воздухѣ замедляли бѣлые бабочки, облѣпленные мостовыя, дома, телеграфные столбы, проѣзжихъ и прохожихъ. Въ городѣ точно просвѣтило.

Въ одинъ изъ такихъ дней инженеръ Карамовъ вдругъ почувствовалъ, что съ нимъ происходитъ что-то неладное. Кружится голова и во всемъ тѣлѣ происходитъ то жаръ, то ознобъ. Видимо, начиналась лихорадка.

— Вотъ этого еще недоставало, чтобы слечь въ постель,— думалъ онъ,— и главное въ то время, когда все налажено, когда изобрѣтенная имъ машина почти готова, а изъ чертежахъ осталось набросать нѣсколько незначительныхъ птичекъ. Что же, нежужали судьба вѣдома надъ нимъ посмѣяться?

И только теперь инженеръ Карамовъ точно вспомнилъ, что онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ, изъ мяса, костей и нервовъ, подверженный всевозможнымъ случайностямъ и забоѣваніямъ.

«Нѣть такого великаго ума, въ которомъ не было бы доли безумія»,—говорилъ Сенека.

Должно быть потому именно Карамову страшно захотѣлось въ этотъ день снова испытать свое изобрѣтеніе передъ своими помощниками, которые до сихъ зоръ не были привѣщены въ его тайну.

Но, вѣроятно, онъ выбралъ неудачный день, ибо случилось то, чего совершенно не предвидѣлъ Карамовъ и что надолго выбило его изъ колеи.

Онъ выглянулъ къ себѣ своихъ помощниковъ.

— Вы больны?—спросилъ Милитъ, явившійся вмѣсть съ Нагорскимъ.

Инженеръ бодрѣлъ. Пробовалъ даже шутить, отѣтишь, за сквозь улыбалась, своимъ вѣринымъ помощникомъ:

— Друзья мои, скажу вамъ словами Берне: «Я боленъ только словомъ отечествомъ»,—будетъ оно свободно и я буду здоровъ.

Цѣнность помощниковъ сложно принести ему некоторое физическое облегченіе.

Онъ много съ ними говорилъ о своей идеѣ. По его мнѣнію, вступленіе на престолъ новаго царя ничѣмъ не улучшило положенія страны. И она подрѣжнему заскѣтѣ въ рабствѣ. Институтъ наслаждія нѣсколько не измѣнился и, надо полагать, измѣненъ не будетъ, ибо это для трона совершенно не выгодно. На первыхъ порахъ кое-кому брошены подачки, какъ голоднымъ пасмъ кости,

но видеть, что только дарить приличья, не больше. Только обмань.

— Я знаю, — вдохновенно говорил Карамовь, — что цари, какими бы они ни были, всегда остаются върыми своей системъ. Эта система выражается въ угнетеніи страны, разъединеніи классовъ, насилии надъ проявленіемъ свободнаго духа, поддерживаніи реакціонности и т. д. Какъ стрѣла, шущенная изъ лука, не можетъ уклониться въ противоположную сторону, такъ и политика царей никогда не пойдетъ по пути, который могъ бы благословляться народомъ.

— На протяженіи всей нашей окорбной истории мы видѣли примеромъ того, какъ цари постоянно обманывали свой народъ. Своихъ общалій они никогда не выполняли. Бывали, правда, моменты, когда они, подъ наликомъ необходимости, какъ бы давали свое позиціи, прислушиваясь къ голосу народа и шли на уступки. Но затѣмъ все эти «уступки» быстро линевидировались и снова восстанавливались торжество произвола. Такъ было при всѣхъ Александрахъ. Такъ, конечно, будетъ и при Николаѣ...

— Вы очень мрачно сегодня настроены, Вадимъ Викентьевичъ, — замѣтилъ Нагорскій, — это говорить ваша болѣзнь... Не урази наше великое родине въ концѣ концовъ не будетъ свободы? Вѣдь, еще не такъ давно вы говорили, что этого не должно быть и не будетъ....

Карамовъ точно очнулся. Онъ провелъ рукой по своему горячему лбу и заговорилъ снова:

— Да, друзья мои, этого, конечно, не будетъ. Я опять повторяю, что мы съ вами увидимъ нашу родину свободной и счастливой. До сихъ поръ я скрывалъ отъ васъ мое изобрѣтеніе, но теперь долженъ вамъ его показать.

Вы поймете, что при помощи этого изобрѣтенія мы не только смокемъ сѣсти троны тирановъ, но и уничтожить все зло мира, въ которомъ прибываетъ все человѣчество.

— О, — радостно вырвалось у обоихъ помощниковъ, — какое счастье!

Ни тѣни сомнѣнія въ правотѣ словъ своего учителя не закрались въ нихъ юныхъ душахъ. Онъ тильтутизовалъ своей вѣрой и здѣшненностью своихъ словъ. Развѣ можно не вѣрить человеку, который на нихъ глазахъ произвелъ опытъ, скретъ которого даже для нихъ остался тайной? Пусть этотъ опытъ не значителенъ, но, вѣдь, что способенъ на малое, несомнѣнно, подойдетъ и къ большому...

— Сейчасъ я вамъ покажу машину, — продолжалъ инженеръ, — которую я назвалъ «Всевидящей». На изобрѣтеніе ея много помощники колоссальные труды. Идемъ въ лабораторію.

— Но вы же больны, — загротестовалъ Миллгъ. — Не лучше ли будетъ отложить осмотръ до тѣхъ поръ, когда вы поправитесь?

— Нѣть, идти, — возразилъ Карамовъ. — Когда я хочу видѣть свое дѣтище, у меня сразу какъ бы вырастаютъ крылья. Победивъ сѣ вѣши, я чувствую себя значительно лучше. Кстати, у меня сейчасъ мелькнула мысльнести тѣкоторую поправку въ одинъ изъ чертежей, находящійся въ лабораторіи. Идемте же, друзья мои...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Когда оба помощника вошли въ лабораторію и проникли въ тайное помещеніе, они были поражены видомъ вновь изобрѣтной машины, съ массой колесъ, трубъ, рычаговъ и различныхъ проводовъ. Она представлялась имъ какой-то волшебной башней въ уборѣ сложныхъ техническихъ приспособленій.

— Вотъ мое дѣтище, — друзья мои, — сказалъ инженеръ, указывая на машину. — Вотъ та могучая сила, которая несетъ освобожденіе миру. Эта сила выше всѣхъ силъ царей, королей, президентовъ, всѣхъ религій вмѣстѣ взятыхъ. Одно ея движеніе заставитъ содрогнуться вселенную...

Нѣсколько минутъ помощники инженера Милічъ и Нагорскій, восхищенно любовались произведеніемъ своего учителя. Сколько, должно быть, вложено энергіи въ эту работу.

— Милічъ, — сказалъ инженеръ, — подойдите къ правой сторонѣ «Всевидящей» и замѣтьте номерацію рычаговъ.

Милічъ исполнилъ приказаніе. Карамовъ присѣлъ около стола и взять въ руки одинъ изъ чертежей.

— Милічъ, поверните вправо рычагъ № 7.

— Готово.

Машинъ точно окима. Завертѣлись безчисленные колеса, закротали трубы, точно что-то хотѣли разсказать необычайно интересное.

— Милічъ, поверните рычагъ № 12 влево.

— Готово.

Въ тотъ же моментъ снопъ ливового съта вырвался изъ трубы и упалъ въ сторону натянутаго на стѣнѣ экрана. На экранѣ замелькали точки, постепенно, складывавшіяся въ фигуры. Въ большомъ залѣ за огромнымъ столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ.

Въ центрѣ группы находился высокій генералъ, прудъ кото-раго былъ увѣшанъ знаками отличія. Онъ, видимо, держалъ рѣчь къ собранію, внимательно его слушавшему. Время отъ времени генералъ водѣлъ карандашомъ по разложеній на столѣ картѣ. И тогда всѣ присутствовавшіе склонялись надъ этой картой, какъ бы изучая ее.

— Милічъ, поверните рычагъ пятиадцатый.

— Готово.

Въ этотъ мигъ, къ величайшему изумленію помощниковъ инженера, невоодушевленыя тѣни-фигуры, казалось ожили. Послы-шалась настоящая человѣческая рѣчь на одномъ изъ иностраннѣхъ языковъ. Обсуждался какой-то секретный стратегический планъ.

— Милічъ, поверните вправо рычагъ шестой.

Машинка остановилась. Замоки трубы и перестали воргаться колеса.

— Какъ видите, друзья мои,—заговорилъ снова инженеръ Карамовъ,—благодаря моей «Всевидящей», не можетъ быть военной тайны. Въ любой моментъ мы можемъ узнать, все то, что происходит въ какой угодно точкѣ земного шара. При помощи этой машины мы имѣемъ возможность все видѣть, все слышать, все пресѣкать...

— Геніальное изобрѣтеніе! — въ одинъ голосъ воскликнули оба помощника:—Чудо!

— Но это еще не все,—продолжалъ изобрѣтатель.—Сюда входятъ и другие опыты. А именно взрывы на разстояніи. Миличъ, поверните рычагъ пятнадцатый вѣtro.

И снова гудяще запѣла «Всевидящая». Сновь ливовыхъ лучей упали на бѣлый экранъ. Инженеръ приказалъ повернуть еще несколько соответствующихъ рычаговъ. И на бѣломъ фонѣ полотна вырисовалась сѣро-зеленая поверхность океана. На далекомъ горизонте, тамъ, где черта лазурного неба смыкалась съ океаномъ, виднѣлось медленно ползущее судно, выпуская ленты дыма. Крейсеръ.

— Вотъ онъ, морской циратъ, высматривающій добычу,—сказалъ Карамовъ.—О, сколько онъ можетъ загубить жертвъ! Но мы не допустимъ до этого.

— Миличъ,—приказалъ инженеръ,—поворните рычагъ тридцать седьмой...

Теперь, друзья мои смотрите.

Мгновенно морскую поверхность заволокло чернымъ дымомъ, пронизаннымъ красными лентами огня и золотыми ворохами искръ. Въ трубахъ машины послышалось трескучее громыханіе, точно отъ далекаго взрыва.

Помощники ахнули.

Какъ по мановенію волшебного жезла, съ поверхности океана исчезъ крейсеръ. И только крохотныя фигуры людей, точно черные гномы, копошились въ дымномъ туманѣ, спасая свою жизнь.

— Вы — Богъ,—восторженно произнесъ Нагорскій, все время сидѣвшій молча.

— Да, это близко къ божественному,—откликнулся инженеръ и, улыбнулся той кроткой улыбкой, которая въ тотъ моментъ на ѿю жизнь врѣзилась въ память Нагорскаго. Въ ней не было ни тѣни самодовольства, ни тѣни тщеславія. Такъ могъ улыбаться только геній, стоящій выше суетной славы и человѣческаго къ себѣ поклоненія.

Нагорскій плохо помнилъ, что произошло дальше. Онъ послѣ вслѣдствія, что инженеръ приказалъ Миличу повернуть какой-то рычагъ. Въ слѣдующій за тѣмъ моментъ изъ «Всевидящей» вырвался страшный трескъ въ столбъ огня. Она окуталась чернымъ дымомъ, какъ поглощій крейсеръ въ океанѣ, трубы ея взлетѣли въверхъ, и вся она разлетѣлась на куски, однимъ изъ которыхъ Милича ударило въ високъ и онъ бездыханнымъ упалъ на полъ, обливаясь кровью. Инженеръ Карамовъ упалъ съ стула. Въ помѣщепіи начался ножіръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Нагорскій дѣйствовалъ какъ во снѣ. Онъ не помнилъ тѣрять ли онъ соображеніе въ тотъ моментъ, когда раздался взрывъ «Всевидящій». Онъ лишь видѣлъ, что задняя часть лабораторіи, гдѣ помѣщалась машина, была объята пламенемъ. Пожаръ грозилъ принять огромные размѣры, если огонь проникнетъ во второе отдѣленіе лабораторіи, гдѣ находились разные химическіе препараты, среди которыхъ имѣлись и взрывчатые.

Взглянувъ на трупъ своего товарища Миліча, онъ пришелъ къ заключенію, что заниматься имъ безполезно. Нужно думать о спасеніи, лежавшаго на полу Карамова. Приложивъ ухо къ его груди, онъ уловилъ слабое биеніе сердца. «Слава Богу», — живъ прошелталь вѣрный ученикъ. . .

Обладая большой физической силой, онъ взялъ инженера изъ рукъ и вынесъ его изъ шылающей лабораторіи на дворъ. Здѣсь уже собирались кучки любопытныхъ, и растерянно метались кучеръ, лакей и дворникъ инженера. Изъ оконъ и дверей лабораторіи шли смрадные клубы чернаго дыма.

— Степановъ, Степановъ! — закричалъ Нагорскій, обращаясь къ кучеру. — Ради Бога, скорѣй карету.

И пока кучеръ возился съ запряжкой, кучка назойливыхъ любопытныхъ осаждала Нагорскаго юношескими, интересуясь, что случилось. Нагорскій даже не помнилъ, что онъ отвѣчалъ имъ. У него было одно желаніе поскорѣе уѣхать отсюда.

Карета была вскорѣ подана. При помощи слугъ инженеръ былъ усанженъ въ карету. Нагорскій сѣлъ рядомъ и членъ за крикнулъ:

— Пончель!

И когда они выбрались со двора, весь переулокъ былъ запруженъ толпами народа. Вдали слышались звуки рожка и громкій топотъ коней приближающейся пожарной команды.

— Куда жеѣхать? — освѣдомился кучеръ.

Нагорскій далъ ему свой адресъ.

XXIV.

Помощникъ Карамова занималъ квартиру за окраинѣ города. Сюда онъ и рѣшилъ перевезти своего учителя. Всю дорогу онъ пытался привести его въ чувство, но попытки оказались тщет-

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ХХV.

Болѣзнь Карамова затянулась, видимо, осложненная сильнымъ первымъ потрясеніемъ.

За это время полиція допрашивала два раза о причинахъ взрыва въ лабораторіи. Онъ далъ объясненія въ томъ смыслѣ, что имъ изобрѣтлась машина для разработки горныхъ породъ, и что взрывъ произошелъ благодаря непредвидѣнной случайности, въ результате которой погибъ одинъ изъ его помощниковъ, Милитъ.

Въ томъ же духѣ показалъ и Нагорскій, добавивъ, что благодаря счастливой случайности онъ избѣжалъ гибели и спасъ инженера.

Въ результатѣ этихъ допросовъ дѣло было предано забвению.

Немногого оправившись, инженеръ Карамовъ рѣшилъ уѣхать въ Москву, поручивъ Нагорскому занять его мѣсто въ угольныхъ концернахъ.

Въ Москвѣ инженеръ проводилъ уединенный образъ жизни, нигдѣ не появляясь и никого не принимая у себя. Аинъ кратко сообщилъ, что его дѣло изобрѣтенія временно прерывается, что онъ слишкомъ послѣшъ въ увѣренности торжества своей идеи, и поэтому не имѣеть права на свиданіе съ нею.

Онъ зналъ, какъ это было жестоко для него и Аинны, но разѣ онъ имѣлъ право на менѣшее? Вѣдь, все же были жертвы, и эти жертвы должны быть искуплены, хотя бы цѣною личныхъ лишений. Да и можно ли было думать о личномъ счастьѣ въ то время, когда страна попрежнему находилась въ тискахъ гнета и насилия?

Новый царь Николай II ничѣмъ не измѣнилъ своего отношенія къ народу. Онъ такъ же, какъ и его родитель Александръ III, поддерживалъ разъ установленную политику—розги и высѣмцы.

Съ зубовнымъ скрежетомъ читалъ инженеръ Карамовъ слова этого новаго тирана, сказанныя имъ спустя два мѣсяца послѣ смерти своего папаши.

Принимая депутацію отъ дворянства, земствъ, городовъ и казачьихъ войскъ въ Петербургѣ для принесенія поздравленій по случаю бракосочетанія съ Алисой Гессенской, названной Александрою Федоровною, достойный отпрыскъ Готорповъ высоко-мѣрно и въ высшей степени неумно произнесъ:

— Мне известно, что въ послѣднее время слышались въ некоторыхъ земскихъ собранияхъ (ему все было известно, ибо пітионы и продажные души насаждались всюду!) голоса людей, увлекшихся *безмысленными* мечтаниями объ участіи представителей земствъ въ дѣлахъ внутренняго управления. Пусть все знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начальство самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель...

— Да,—грустно думалъ инженеръ, медленно расхаживая по своему кабинету,—отъ этого идіота добра ждать нельзя. Онъ такъ же будетъ давить народъ, какъ и его предшественникъ...

И онъ, инженеръ Карамовъ, бывшій наканунѣ уничтоженія зла, ничего пока не въ силахъ сдѣлать. И ярость охватывала его сердце.

Въ бессильной злобѣ онъ скималъ кулаки и грозилъ сильному врагу, который даже не зналъ объ его существованіи.

Тутъ же рождались новые мысли:

— Что же самъ народъ молчать? Неужели онъ такъ забить, что не можетъ возвысить своего голоса?

И ему хотѣлось сдѣлаться огромнымъ, огромнымъ, обладающимъ голосомъ грома, чтобы поднять голову надъ всей привѣщенной, задавленной сtrapой и крикнуть:

— Народы Россіи! Слушайте внимательно. Васть обманываютъ. Васть держать въ черномъ тѣлѣ, какъ древнихъ рабовъ. Но никто на это не имѣть права. И вы, вмѣсто жажды освобожденія,—вы покорно переносите позорное иго и сами на себѣ куете цѣпи. Очнитесь! Откройте глаза!.. О, жалкіе слѣзы!..

И въ эти минуты онъ критически разбирался въ своей идѣи, надъ которой работалъ до катастрофы. Въ состояніи ли какая бы то ни была машина разрушить зло деспотизма до тѣхъ поръ, пока весь народъ не придетъ къ заключенію о необходимости его сверженія.

Онъ, инженеръ Карамовъ, въ концѣ-концовъ уничтожить одного, двухъ, трехъ деспотовъ, но развѣ не встануть на его мѣсто другіе, не наведутъ кровавый терроръ на подданныхъ и не заставятъ ихъ поддерживать свой тронъ?

Можеть быть, нужно работать не въ тишинѣ кабинета надъ какой-то фантастической машиной, а окунуться въ гущу народную, будить сознаніе, открывать глаза и указывать всѣмъ изъ первопричину зла?

Въ этихъ противорѣчіяхъ и размышленіяхъ проходили долгіе мѣсяцы.

Философствуя изъ тему о соціальныхъ несправедливостяхъ, онъ совершенно пересталъ работать надъ возстановленіемъ своего изобрѣтенія. Въ немъ случился какой-то огромный душевный переворотъ. Зрѣла какая-то новая мысль, еще не нашедшая своей формы.

Наступилъ май 1896 года.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ХХVI.

Этотъ мѣсяцъ врѣзался въ памяти инженера Карамова, какъ одна изъ позорныхъ страницъ неудачнаго царствованія Николая второго.

«Бесѣдѣтъ мѣсяцъ май» послужилъ какъ бы роковыемъ проходомъ къ тѣмъ гекатомбамъ труповъ и рѣкамъ крови, которые въ послѣдующие затѣмъ годы, захлестывая, подмывали тронъ Романовыхъ, пока его не смыли окончательно.

Должно быть, такъ ему было предначертано предопределѣніемъ!

Дни первой половины мая стояли солнечно-знойные. Во всемъ красочномъ блескѣ оживала природа съ буйной своей растительностью. Тянулись къ солнцу травы на поляхъ, лаская глазъ изумрудной зеленью. Въ бѣлой пѣниѣ цвѣтковъ кокетливо стояли яблони, обѣщая дать сладкіе плоды. Поля пестрѣли цвѣтами.

Въ Москвѣ народъ ждалъ коронаціи. Мѣстная администрація усиленно къ ней готовилась. Новый царь рѣшилъ дать большое торжество для своихъ подданныхъ, со всей щедростью, присущей дому Романовыхъ. Надо же было показать народу, что если онъ еще не такъ опытенъ въ управлѣніи великой страной, какъ его покойный родитель, зато настолько же щедръ. Онъ заботится не только о благѣ народа, но и объ его удовольствіяхъ и развлеченіяхъ.

Всѣ казенные и общественные зданія стѣнно убирались флагами, гирляндами изъ зелени и цвѣтными лампіонами.

Старушка Москва чистилась, выметая стоячій мусоръ. Особенно большія приготовленія производились на Ходынкѣ. Это огромное пространство земли, на которомъ съ успѣхомъ можно выстроить грандіозный городъ, теперь застраивалось безчисленными рядами палатокъ и устанавливались рядами бочекъ съ пивомъ. Въ палаткахъ должны были раздаваться гостинцы для изрода и металлическія кружки, съ изображеніемъ чернаго орла въ память священнаго коронованія.

По окрестнымъ городамъ и селамъ были разосланы особыя извѣщенія о предстоящемъ торжествѣ, съ приглашеніемъ населенія пожаловать на этотъ праздникъ.

Благодаря извѣщеніямъ еще наканунѣ камуна на Ходынку начали прибывать жители окрестностей. Шли группами и въ одиночку, пѣшкомъ и подъѣзжали на подводахъ. Нѣкоторые прибывали съ запасами продовольствія на недѣлю.

Появились многочисленные страники и странницы, торгующіе книжками, описывающими чудеса угодниковъ, «сигнитской

тьмой», «слезами Богородицы» и прочими вещами, разсчитанными на темноту и невзыскательность потребителя. Засновали тут и тамъ бѣсноватые, кликуши и прочій шародъ неопределенныхъ профессій, обычно налетающей и неизвестно откуда въ мѣста народныхъ скопленій, какъ-то: крестные ходы, базары, торжества и т. п.

Съ утра 13 мая Ходынка представляла собою необъятное море головъ, поднятыхъ кверху оглобель и развѣвающихся на нихъ предметовъ несложнаго деревенскаго туалета. Казалось, точно зоры Тамерлана раскинулись становъ подъ стѣнами Бѣлоказенной.

Къ вечеру новыя толпы все стекались и стекались на Ходынку, какъ черные тучи, со всѣхъ сторонъ горизонта. Вновь прибывающіе располагались тдѣ какъ могли: или вкраплялись въ старыя группы, уплотняя ихъ, или образуя новыя. Черные пятна грушѣ все росли и росли, увеличиваясь отъ притока новыхъ толпъ. Цѣлые батальоны нищихъ прибыли въ мѣсто сбора. Это были загорѣлые, худые люди, безъ малѣйшаго признака жира, крѣпкіе скелеты, обтянутые сухой кожей, истощенныя тѣла, въ которыхъ расходъ матеріала превосходилъ питаніе; сѣные стѣ бѣзъ пазрячими яблоками глазъ, распѣвающіе никому не вѣдомыя священные легенды озвообразными мотивами.

Тутъ и тѣмъ сновали пыгавки-гадальщицы чуь своихъ живописныхъ лохмотьяхъ. Аляп-вато одѣтая въ цвѣтной ситецъ тульскія бабы въ желтыхъ платкахъ, з рязанскія—въ головныхъ высокихъ наколкахъ расплзались грушами, лѣнило вели бесѣды или заскучивали пряненными стѣ собою лепешками.

И падь всѣми этими грушами испаренія потныхъ человѣческихъ тѣлъ, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ въ количествѣ многихъ сотъ тысячъ, висѣли плоской завѣсой, заслоняя собою солнечный свѣтъ...

Въ Москвѣ говорили, что на Ходынку собрались миллионы, и кое-кто пророчилъ, что безъ несчастнаго случая торжество не обойдется.

Полицеймейстеръ Власовскій, обѣзжавшій втотъ импровизированный лагерь, замѣтилъ, что многочисленныя ямы-карьеры, изъ которыхъ брали песокъ, остались незасыпанными. Но вмѣсто того, чтобы распорядиться обѣ упраздненія этого дефекта, подѣхалъ докладомъ къ губернатору Сергею Александровичу.

— Имею честь доложить вашему императорскому высочеству, что на Ходынкѣ не засыпаны ямы.

— Ну такъ что же?—спросилъ разсѣянно князь, меныше всего заинтересованный въ какихъ-то ямахъ.

— Какъ бы чего не произошло. Народу очень много прибыло.

— Что же можетъ произойти? Вѣдь за порядокъ вы ручаешься, полковникъ.

— Въ этомъ смыслѣ я спокоенъ.

— Вотъ и прекрасно.

— А какъ же относительно засыпки ямъ?

— Ничего, сойдетъ и такъ.

События слѣдующаго дня доказали, что такъ не сойдѣтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ХХVII.

Ночь на Ходынкѣ проходила въ тревожномъ гулѣ. Подходили новые толпы, непрерывно вливаясь, какъ изъ невидимаго, но молнико резервуара, въ старыя. Непрекращающейся пурпуръ, пѣсна, вскрики и гомонъ висѣли въ трохладномъ воздухѣ короткой лѣтней ночи.

Склонный къ обобщеніямъ, инженеръ Карамовъ, явившійся сюда, чтобы видѣть скопленіе подлинной народной толпы и слышать ея рѣчи, сравнилъ этотъ шумъ съ морскимъ прибоемъ, то повышающимся, то понижющимся въ своеѣ ритмѣ.

Нѣкоторыя группы собравшихся разложили костры и сидѣли вокругъ нихъ, черный сзади, красный спереди, вѣдь бесѣду, переходящую въ споры или тихія жалобы. А съ ночного неба сверкали гирлянды серебряныхъ звѣздъ въ своей безстрастной и задумчивой кротости.

Одноко бродилъ инженеръ Карамовъ между собравшимися группами, прислушиваясь къ ихъ разговорамъ.

— Тоже баринъ за кружечкой пришелъ,—бросилъ кто-то изъ толпы по адресу Карамова.

Нѣтъ, онъ пришелъ не за кружкой. Его интересовало другое. Какими впечатлѣніями дѣлились эти люди, прибывшие на царское торжество? Они говорили о землѣ, обѣ урожаѣ, о нуждѣ, о безкорыщіи, о злыхъ земскихъ начальникахъ и суроныхъ стиршахъ, жестоко выколачивающихъ оброки и подати, назначая вѣт продажу скотъ и послѣдній домашній скарбъ.

«О, темные люди,—думалъ Карамовъ,—вы привыкли обицать вашу непосредственную власть,—власть, въ сущности, ничтожную, если бы разбирались здраво. Эта власть тутъ совершино не при чѣмъ. Вся сила въ той, на праздникъ которой вы явились сюда. И которая за всѣ выколачиваемые съ вѣсъ оброки и подати бросить вамъ по грошевой кружкѣ и по горсти пражниковъ».

Особенно Карамова заинтересовала одна группа, въ центре которой находился странного вида человѣкъ, въ загасанномъ монашескомъ подряснике и такой же скуфѣ, изъ-подъ которой буйно лѣзла лохматая грива спутанныхъ волосъ, до которыхъ гребень, видимо, не имѣлъ никакого касательства, равно, какъ и до рыжей бороды, висящей мочалками.

У ногъ страннаго человѣка лежали чѣмъ-то набитая холщевая сумка и длинный шосокъ съ вырѣзаннымъ крестомъ на верхнемъ концѣ.

Странный человѣкъ гнусаво, нараспѣль, по-волински, на «о», говорилъ, з толпа крестьянъ, мужчанъ и женщинъ, его слушала, стараясь не проронить ни одного слова:

— Вотъ я и говорю, православные, вѣмъ еще нѣвѣдомо, но я знаю, что у насть, на Руси, стали появляться люди, которые говорять, что не слѣдуетъ бояться Бога и любить царя. Какъ они, православные, заблуждаются! Сице реку: въ священномъ писаніи сказано: «Бога бойтесь и царя чтите». Кто сіе сказалъ? Сіе сказалъ пророкъ. А кто онъ былъ? Онъ былъ посланикъ Божій. Значитъ, кто идѣть противъ посланика Божія, тогдѣ идѣть противъ Бога. Кто тогдѣ человѣкъ? Ясно—онъ слуга сатаны. А всѣмъ слугамъ сатаны преуготовано мѣсто въ преисподнѣй, гдѣ жаръ и огонь и скрежетъ зубовный. Вотъ гдѣ имъ мѣсто. Горе тьмъ, православные!..

При этихъ словахъ бабы всхлипывали, а мужики задумчиво чесали затылки и были не въ силахъ разобраться: врѣть ли странній человѣкъ, или говорить правду.

А странній человѣкъ продолжалъ, вдохновляясь собственнымъ краснорѣчіемъ, произведшимъ такое великолѣпное впечатлѣніе на своихъ слушателей:

— Вѣмъ нѣвѣдомо, православные, что я знаю: они еще учатъ, что всѣ люди равны между собою.

Тутъ голосъ странника возвысился до визгливыхъ нотъ. Онъ схватилъ посохъ и, указывая имъ въ небо, продолжалъ:

— Въ небесной іерархіи—и то не всѣ равны. Есть тамъ святые великие, а есть тамъ и малые. А звѣздочки Божіи? Развѣ онѣ всѣ равны? Посмотрите, православные: одна большая, а другая совсѣмъ едва замѣтная. То же происходитъ и на землѣ. Все по чину. Царь есть помазаникъ Божій. Онъ замѣститель Бога. За нимъ идутъ министры, губернаторы, поліцеймейстеры, исправники, земскіе начальники, урядники, старшины и старосты. Все власть, которая отъ Бога.. А все для чего это устроено?

Странникъ опять поднялъ посохъ къ небу.

— Посмотрите, православные, какой тамъ чудный порядокъ. Сейчасъ горятъ звѣзды, а днемъ будетъ сѣвѣтъ солнце. Наоборотъ же не бываетъ.

Въ этомъ сумбурномъ стилѣ странникъ долго болталъ волкѣ ведоръ передъ своей темной аудиторіей.

Инженеръ Каравовъ, слушая эти разглагольствованія, все больше и больше убѣждался, что ораторъ, несомнѣнно, является однѣмъ изъ интиковъ механизма, поддерживавшаго существующій порядокъ. Сиѣ заложенъ во главу угла такъ же, какъ армія солдатъ, кадры налачей и шпіоновъ, такъ же, какъ Церковь, прикрывающая все зло и благословляющая его своими молитвами.

О, какъ это гнусно. Налачи и шпіоны пресѣкаютъ волю физическую, а Церковь, съ ея попами и добровольными странниками и старцами, пресѣкаетъ волю духовную. Круговоротъ тьмы.

Каравовъ отошелъ отъ проповѣдника и сталъ смотрѣть на едва замѣчающуюся полоску алой зари.

Думалъ:

— Входить ли когда-нибудь такая же алая радость надъ темнотою народной?..

(Продолженіе слѣдуетъ).,

КРОВАВЫЙ ТРОНЬ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ХХVIII.

Съ самого ранняго утра на Ходынку потянулись густыми массами рабочие съ московскихъ фабрикъ и заводовъ. Такимъ образомъ здѣсь и безъ того переполненное народомъ поле теперь уплотнилось настолько, что приходилось стоять на такой скученности, что нельзя было освободить руку, не говоря уже о свободѣ передвиженія.

— Въ тѣснотѣ да не въ обидѣ,—говорилъ народъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій вождѣніаго часа, когда начнется раздача царскихъ подарковъ.

Взоры всѣхъ устремлялись къ закѣтнымъ платкамъ, на которыхъ уже развѣвались трехцѣтные флаги. Около нихъ плотники стучали молотками, заканчивая послѣднія работы и приготовленія.

Солнце поднималось все выше и выше, разгораясь, точно кратеръ мощнаго небеснаго вулкана, посыпая раскаленную лавину своихъ лучей на землю, на собиравшіяся несметные толпы и ноги разомлѣвшихъ людей.

То и дѣло слышались возгласы:

— Пить!. Пить хочется...

Предпріимчивые торговцы квасомъ и подкрашенной водицей, выдаваемой за фруктовый напитокъ, давно расторговались своимъ товарищамъ и уже, не стѣсняясь, продавали простую воду по пятаку за стаканъ. Внѣслѣдствіи, съ увеличеніемъ зноя, увеличивалась жажда, и простая вода бралась на расхватъ чуть ли не по рублю за глотокъ.

Крошечная часть благородныхъ ушла изъ этого пекла, но массы, втиснутыя въ средину толпы, словно въ каменные стѣны, волей-неволей должны были иенить отъ жажды и зноя.

Выбраться изъ кольца толпы не представлялось возможнымъ. Яблоко могло упасть только въ тѣ ямы, которыхъ остались незасыпанными и которыхъ вначалѣ зіяли темными провалами.

Надъ полемъ стоялъ сплошной гуль. Казалось, миллиарды шмелевыхъ россыпей искались въ воздухѣ, не находя пристанища.

Все чаще и чаще раздавались вопросы:

— Скоро ли? Скоро ли?..

Наконецъ, во всѣхъ московскихъ церквяхъ загудѣлъ колокольный трезвонъ.

Съ Тайинской башни вропомъ заровинли пущи.

Это было знакомъ того, что актъ коронованія кончился. И раздались долгожданное истомившися народомъ слово:

— Выдають...

Толка, какъ долго одерживаемый запрудой потокъ, обильно хлынула къ падакамъ.

Установленный порядокъ, по которому все должны были подходить по очереди къ мѣсту выдачи, братъ отсюда узелки съ посткнидами, кружила и съ послѣдней, если это пожелаетъ, прошагавшия къ бочкамъ съ пивомъ, проходилъ всего нѣсколько минутъ.

Вокругъ что-то шуршѣло слухъ:

— Подарокъ на здѣсь нехватитъ.

Возможно, слухъ этой имѣть основаніе, если принять во вниманіе неожиданную злкту и, разумѣется, ограниченное количество подарковъ.

Моментально брошеные жандармы, управлявшие задачами лошадей, тѣкой были отшатнуты, городовые смыты, и началась та вихревая маха, отъ которой у наблюдавшаго за этой картиной инженера Карамова захвачило духъ и волосы на головѣ защевелились, пока развязанные вѣтромъ.

Пасаты запрещали, точно раздираемыя по доскамъ.

— Ах! — проносила яростнѣйший и короткій дѣтскій писъ. Намѣреное, ребенокъ бытъ присѣть къ падакѣ и синкнуть, какъ щепка, наѣдь здѣсь превиденную кончину.

— Башни, умраю... — проносила исполненный бѣй головъ. — Родненскіе, прости...

— Помогите...

— Ой, ой...

— У... а-а-а...

И волны злобные, волны забѣрные, волны людей, у которыхъ синилась жизнь въ то время, когда оне меньше всего этого ожидали, вое учащались и учащались, пока не превратились въ сплошной ревъ.

Тому отвѣтывала паника.

Стихійная сила чисто-зѣрнистой ярости вливалась въ сердце каждого, и каждый чѣмъ могъ, руками, ногами, зубами, прокладывая себѣ дорогу впередъ, забывая объ остальныхъ. У падакъ люди буквально перегрызали другъ другу горло.

Клубки человѣческихъ тѣлъ катились въ проходахъ между падаками. Задніе ряды, нажимая на передніе, вытаскивая первыхъ, бросали ихъ прямъ на упавшихъ. И бѣзязи, даже и наизнѣкъ извѣтвившихся женщинъ, стариковъ и дѣтей.

Обезумѣвшая толка, потерявши волю, металась точно въ тѣнныхъ стѣнахъ, окраинныхъ пожаромъ, искалъ выхода, но выхода не было.

(Продолжасіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЬ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXIX.

Тѣ злополучныя ямы, которыхъ остались незасыпанными по халатности полицеймейстера Власовскаго и губернатора, теперь превращались въ жуткия кладбища мертвыхъ, искаженныхъ и полу живыхъ людей, лежащихъ въ одной кучѣ.

Передніе ряды, стоящіе около этихъ ямъ, были, конечно, не въ силахъ выдержать напора заднихъ и подбрасывались сотнями въ ямы, какъ снопы въ чудовищную молотилку, которая ихъ и крушила. Ямы до краевъ наполнялись истонущими, воюющими, посылающими вѣчныя проклятія толпѣ, царю и всему миру людьми.

А по этимъ корчащимся отъ невыносимой боли тѣламъ, какъ по настилу черезъ зыбкое болото, двигались другія массы, другія лавины въ лаптяхъ, въ подбитыхъ гвоздями сапогахъ, превращая въ безформенность лица, выдавливая животы беременнымъ женщинамъ, пугаясь въ дымящихся кишкахъ, обагряясь липкой темной кровью.

Казалось, въ людяхъ проснулся дикий первобытный звѣрь, и съ чѣмъ не считающійся, несущій катастрофу для всѣхъ и самъ плущій настрѣчу неминуемой гибели и ее находящій.

Солнце посыпало раскаленные стрѣлы своихъ лучей, увеличивая въ людяхъ жажду, отнимая воздухъ. Многіе умерли отъ жажды, отъ солнечныхъ ударовъ, многіе были задавлены на смерть, стиснутые стѣнами толпы.

И эти трупы стоя двигались вмѣстѣ съ толпою, какъ живые, съ остеклѣвшими глазами.

На мѣстахъ ямъ образовались горы человѣческихъ тѣлъ. Люди карабкались изъ нихъ, въ надеждѣ спастись на этихъ возвышеніяхъ. Многіе не выдерживали зрѣлища ужаса, дарящаго на всемъ шокъ, и сходили съ ума. Ихъ безумный хохотъ, звѣриный вой и стоны изувѣченныхъ создавали какую-то здѣскую капоферію, вызывающую кошмарно-panicкій страхъ, усиливая впечатлѣніе какого-то страшнаго суда.

Инженеръ Барамовъ видѣлъ, какъ тогъ странникъ, который бѣдоволь съ толпою крестьянъ минувшей ночью, былъ выкинутъ толпою на поверхность ея головы, точно легкое перышко изъ

пучины водоворота, и побежал по головамъ людей, какъ по неровнымъ камнямъ мостовой, задыхаясь, спотыкаясь, снова поднимаясь...

Видъ его былъ ужасенъ. Отъ его монстровскаго подъясника отсталася только небольшой кусокъ грязной, окровавленной матеріи, висящей на сгибѣ правой руки. Спутанный лохмы волосъ ветали изъ головы дыбомъ, какъ отъ смертельнаго испуга. Сапоги отсутствовали. Длинныя волосатыя обнаженные ноги были исцарапаны въ кровь, какъ бы искусанныя разъяренными собаками. Онь сплотнулся, упалъ и покатился, точно круглый обрубокъ, подгоняемый буйными порывами вѣтра.

Вскрѣ инженеръ Каразовъ замѣтилъ множество также выкинутыхъ на поверхность людското океанъ бѣжавшихъ по головамъ, точно обезумѣвшее стадо. Стадиваясь между собою, они, не желая уступить другъ другу дороги, вступали въ драки.

Въ свою очередь, находящіеся внизу зубами хватали ихъ за ноги, стараясь стащить ихъ внизъ, что иногда и удавалось. И люди, только что избѣжавшіе опасности, снова вспасывались въ шучину, гдѣ и находили вѣрную смерть.

Нѣчто невообразимое происходило и у бочекъ съ пивомъ. Бочки были перевернуты, днища изъ нихъ выбиты. И люди, утоляя жажду, черпали пиво кто чѣмъ могъ: ведрами, картузами, шапками, сапогами; иные, наклонясь, локали изъ бочекъ, какъ животныя. Нѣкоторыхъ ставили въ бочки, и они тамъ захлебывались.

Теплое пиво, въ раскаленной атмосфѣрѣ полудня дѣйствовало, какъ ошеломляющій дурманъ. И опьяниенная толпа, окончательно потерявшая разсудокъ и чувство какого-либо самосохраненія, лѣзла вперегль, увеличивая дѣмку, вырывая другъ у друга падки, разнеся на щепы палатки, и гибла въ остервенѣніи.

Часъ черезъ два Ходынка представляла собою какъ бы огромное поле величайшей битвы, усыпанное трупами и ползающими изувѣченными, вопящими отъ боли.

Дынилась кровь и носился смрадъ быстро разлагающихся подъ солнцемъ человѣческихъ тѣлъ.

Хохотъ безумныхъ и пьяные крики улившихся пивомъ производили изъ инженера Каразова душу ледяющее впечатлѣніе.

Тутъ и тамъ въ полѣ появилась огромныхъ фуры, подводы ломовиковъ, кареты скорой помощи, спѣшно забирающіе трупы и увѣтныхъ. Очевидно, московская администрація, осѣдомленная о страшной катастрофѣ, принимала энергичныя мѣры до приѣза сюда царя, чтобы не омрачать взоровъ только что коронованої царской четы видомъ обезображеніи тѣлъ, печальнымъ зрѣлищемъ тысячи людей, пришедшихъ изъ царскаго торжества и вместо этого нашедшихъ смерть и увѣтъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О страшной катастрофѣ на Ходынкѣ вся Москва заговорила раньше, чѣмъ опомнилась ея высшая администрація, упивавшаяся шампанскимъ во дворцѣ.

Изъ устъ въ устъ, съ быстрымъ молнией, разносились жуткіе рассказы о тысячахъ жертвъ. Очевидцы катастрофы, обрученные тускими толпами народа, плача и крестясь, красочно и подробно передавали о всѣхъ ужасахъ, свидѣтелями которыхъ имъ довелось быть. Всегдѣ обвинялась администрація, не принявшая надлежащихъ мѣръ. Чистили глупого неврастеника-губернатора и пьяницу Власовскаго.

— Это не къ добру, — говорилъ пароль. — Это страшное предзнаменованіе.

Въ толпѣ нашлись вѣція старухи, утверждавшія, что близокъ конецъ свѣта, что слышенъ звукъ трубы архангела.

Кто-то философски доказывалъ, что теперь народная кровь должна хлынуть рѣками, потому что покойный императоръ считался «смпротворцемъ» и всячески сдерживалъ кровопролитіе. Но кровь должна найти выходъ. И она, конечно, нашла его въ день торжественнаго коронованія новаго царя. Иные, наоборотъ, отставали ту точку арѣнѣ, что случившееся щечальное событие позадѣтъ Россію къ благополучію. Вѣдь, чтобы зданіе стояло долго и было прочно, необходима кровь какого-либо рабочаго, пострадавшаго на постройкѣ этого зданія.

Странникъ, котораго видѣлъ инженеръ Караванъ бѣгунцемъ по головамъ толпы, теперь собралъ около себя большую толпу и среди нея вдхновенно ораторствовалъ, потрясая лохмами волосъ. Онъ былъ одѣтъ въ нечто въ родѣ чобки и засаленную куртку, появившуюся на его лицѣ изъ недома откуда.

Не смотря на пережитую передрягу, голосъ его звучалъ прежнимъ англобомъ, какъ у человѣка убѣжденнаго въ своей правотѣ:

— Вамъ невѣдомо, православные, но я знаю... Много народу погибло сегодня. Охъ, много. Но кто погибъ? Погибъ тотъ, кто не кѣрилъ въ Бога...: Кто не чтишь царя, и пришелъ за тѣмъ, чтобы схватить кружку, чтобы упиться пивомъ. Въ священномъ писаніи сказано: «не упивайтесь пивомъ, въ немъ бо есть блудъ...» Вотъ это погибъ, православные. Но что зѣрилъ въ Бога и чтиль цара, — тотъ егзес. Иль тихъ первый есть азъ, грѣшный рабъ. Въ самомъ начальствіи я сказалъ: «Господи, истреби всѣхъ нечестивыхъ и спаси прославляющіхъ тебя»... И Онъ истребилъ нечестивыхъ...

Странникъ вытащилъ руки изъ вибу и широкая ладонь показала:

— Вамъ невѣдомо, православные, но я знаю. Бровь эта погибшую есть стопъ и утверждение во благу нашего батюшки-царя.

Въ концѣ-концовъ, московская администрація, извѣшеннѣя о жуткой ходынской катастрофѣ начала принимать всѣ мѣры, чтобы вѣсть обѣ земли не получила широкаго распространенія въ окрестностяхъ. Боязнь народныхъ волненій заставила всѣ участки быть наготовѣ, закрыть телефоны и дать надлежащія предписанія телеграфу.

Наложенные, какъ дрова, трупы задавленныхъ повезли въ больницы и пріемные покой въ каретахъ скорой помощи и въ пролеткахъ извозчиковъ съ закрытыми верхами.

Царю въ мягкихъ формахъ донесли, что на югѣ народнаго торжества, по случаю огромнаго стеченія публики и тропической жары, было пѣсколько солнечныхъ ударовъ, а отъ охватившей неизвѣстно по какой причинѣ паники,—пѣсколько человѣкъ исказѣено въ давкѣ.

Торжественный завтракъ едко возможно затягивался, съ тѣлью выиграть время, для того, чтобы новый царь, изъявившій желаніе присутствовать лично на празднике народномъ, не могъ видѣть истинныхъ размѣровъ произошедшей катастрофы.

Случилось то, что всегда, на протяжениіи длиннаго свитка исторіи, случалось съ царями. Они обманывали свой народъ, а ихъ обманывали ихъ придворные холопы...

Но на этотъ разъ, несмотря на рабское усердіе клеветовъ, имъ все-таки не удалось скрыть всей правды.

День склонялся къ вечеру, когда пышная царская свита и карета царя съ царицей двинулись отъ пиршественнаго дворца по направлению къ Ходынкѣ.

По обѣимъ сторонамъ разукрашенной флагами, гирляндами и матеріями улицы, плотными шпалерами стояли толпы народа, обильно разбавленныя шпиками и охранниками. Эти толпы громкими криками «ура» сопровождали проѣздъ своего повелителя. Сильнѣй всѣхъ, конечно, старались шипятъ; обнаруживая народную преданность обожаемому монарху и его супругѣ.

Государь, покрутивая лѣвой рукой рыжій усы, правой безпрерывно отдавалъ честь народу и военнымъ чинамъ; государыня кивала головой, какъ заведенная кукла и улыбалась съ важною коронованной повелительницы этихъ темныхъ массъ.

Впереди кортежа стоя въ открытомъ ландо скакаль поліцей-мейстеръ Власовскій, съ изъюнкостасомъ своихъ рѣгалий изъ широкой груди. Онъ какъ бы расчищалъ путь, въ расчисткѣ котораго собственно не было никакой надобности.

И вдругъ...

Когда царская свита приближалась къ церкви Василія Бесарійскаго, настручу показалось пѣсколько подводъ съ тробами и трупами, mucho прикрытыми рогожами. Слѣдомъ за ними мостовыи обогрѣлась кровью и жидкой сукровицей разлагающихся тѣлъ. Власовскій заоралъ на процеесію, что было поздно.

При видѣ этой картины, царица бреогливо сморщилась и обратилась къ Николаю по-ижемскіи:

— Васъ есть пасъ?

Царь спокойно отвѣтилъ:

— Ахъ, это тѣ несчастные, которые умерли отъ солнечнаго удара...

(Продолженіе следуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОИЦА.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Полиція совершенно неосновательно ожидала могущихъ проплыть народныхъ теленей или беспорядковъ. Какъ было, тѣль все и осталось. Народъ абсолютно ничтожъ не реагировалъ на кровавый пиръ, заданный на Ходынкѣ. Никто, конечно, не пошёлъ работиться утереть слезы многихъ осиротѣвшихъ семей, лишенныхъ безвременно потибшихъ отцовъ, матерей и близкихъ родственниковъ.

страданіямъ.

Въ ближайшіе дни Москва, правда, не переставала говорить о страшной катастрофѣ, но это не мѣшало ей въ теченіе цѣлой недѣли украшаться флагами, а то вечерамъ зажигать роскошную иллюминацію. Народъ толпами ходилъ по улицамъ и подолгу простоявалъ около иллюминированныхъ зданій...

XXXI.

Инженеръ Карамовъ въ эти дни жилъ на Софійской набережной въ своей одинокой квартирѣ. По вечерамъ въ окна ждался фантастической видъ Кремля.

Его дворцы, храмы, старыя башни и стѣны, улицанныя цветными лампами, представляли собою дивную страшноту изъ «Тысячи въ одной ночи».

Распахнувъ окно, инженеръ часами смотрѣлъ на иллюминацію, прислушиваясь къ бою часовъ на Спасской башнѣ, къ ломону шумливой, восхищенной толпы, фланкирующей по обѣимъ сторонамъ набережныхъ.

Нензывно-бездѣтная грусть охватывала душу Карамова. Сильная жажды видѣть Аину и сына овладѣвала имъ.

Какъ было бы хорошо, если бы они находились здѣсь, засѣсть съ нимъ. Онъ обнялъ бы ихъ крѣпко, крѣпко. Они смотрѣли бы на небо, испещренное миллиардами серебряныхъ звѣздъ, на гирлянды цветныхъ лампованъ, усыпавшихъ старыя башни и отражающихъ въ причудливыхъ сочетаніяхъ на тихихъ струяхъ Москвы-рѣки.

Но нѣть, какой-то ложный стыдъ заставлялъ гнать отъ себя эти человѣческія желанія. Самъ себѣ онъ казался обжанщикомъ, не сдержавшимъ слова и разбившимъ даже собственную мечту.

И въ эти минуты та смутная мысль, которая зрила въ немъ послѣ болѣзни, послѣ того перелома, теперь выливалась въ окончательныя и опредѣленныя формы, такія четкія и рельефныя...

Въдь, изобрѣтая «Всевидящую» онъ, несомнѣнно, стремился къ благу для всего человѣчества. Онъ считалъ свою идею единственno приемлемой и способной очистить дорогу для новой жизни.

Какъ фанатикъ, онъ не думалъ объ иныхъ шутяхъ, могущихъ привести къ той же цѣли. Но за время болѣзни у него открылись глаза шире. Внутреннее чутье подсказало ему, что есть и другія возможности.

Карамовъ зналъ, что въ Россіи имются люди точно такъ же добывающіе блага народнаго. Предметомъ ихъ дѣятельности является пропаганда. За свои идеи они идутъ въ ссылку, на каторгу и безропотно глядятъ въ лицо всепримиряющей смерти. И ничего не страшится.

Возможно, что они избрали шуть дешевый, но зато вѣрный.

Весь міръ еще погруженъ во тьму, но они усматриваютъ на горизонте проблески алой зари. Сквозь темныя тучи они видятъ звѣзду путеводную, какъ древніе волхвы. Ахъ, они вѣрятъ, что эта звѣзда приведетъ ихъ къ поставленной цѣли.

Туда къ этимъ людямъ, пылкимъ фантазерамъ, новымъ пророкамъ. На крестъ, на муки, на страданія! Въ бой!

Пусть еще торжествуетъ зло и грубый произволъ поеть свою побѣдную пѣсню. Какъ все въ мірѣ, кончится и она, оборвавшись точно гнилой канатъ.

Онъ, инженеръ Карамовъ, долженъ сдѣлаться борцомъ за народную свободу и народное право. Чтобы не было рабовъ. онъ долженъ самъ тойти къ нимъ, дѣлать съ ними ихъ горькую участъ. А если придется пострадать—будетъ страдать больно всѣхъ. Такъ должно быть.

Все что есть на свѣтѣ злого, опирается на троны тьмы. О, эти троны должны быть уничтожены. «Карфагенъ необходимо разрушить». Но разрушить не физическимъ его сверженіемъ, какъ онъ мыслилъ раньше, работая надъ «Всевидящей»,—она потребуется послѣ,—а работой надъ проясненіемъ и углублениемъ сознанія тѣхъ массъ, которыхъ поддерживаютъ кѣмъ-то установленный рабскій строй, которыхъ даже изъ своей среды даютъ палачей для казни лицъ этому строю не сочувствующихъ. Вотъ куда должна быть направлена энергія всѣхъ мыслящихъ людей.

Карамовъ почувствовалъ, какъ огонь новой вѣры зажигался въ его груди, какъ вливались мощныя волны новой силы.

— Работать, работать, работать!..

Въ этомъ смыслѣ онъ написалъ письмо своему вѣрному помощнику Нагорскому:

— Другъ мой, — такъ заканчивалъ онъ свое посланіе.— Я вновь воскресаю для большого дѣла. Если тебѣ дороги тѣ идеалы, ради которыхъ мы трудились когда-то,—бросай копи и немедленно прїезжай въ Москву, въ сердце Россіи, здѣсь мы найдемъ примѣненіе нашей энергіи.

(Продолженіе слѣдуетъ)

КРОВАВЫЙ ТРОНЬ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XXXII.

Вскорѣ Нагорскій отвѣтилъ краткой телеграммой,
— Ёду.

А черезъ нѣсколько дней Карамовъ, встрѣтивъ на вокзалѣ своего вѣрнаго помощника, обнималъ его, какъ роднаго сына.

Нагорскій за время разлуки значительно возмужалъ, загорѣлъ и вся его фигура, точно выкованная изъ одного куска стали, полыхала цвѣтующимъ здоровьемъ и силой. «Настоящая черноземная сила», — думалъ про него инженеръ.

Карамовъ привезъ его къ себѣ на квартиру. Немедленно распорядился подать кофе.

— Ну, что дѣлается на бояхъ? — спросилъ онъ у гостя, когда они присѣли къ столу.

Нагорскій печально махнулъ рукой:

— Очень, очень сиверно.

Далѣе онъ рассказалъ, что порядки въ шахтахъ за время отсутствія Карамова стали значительно строже. Шахтеровъ всячески угбеняютъ. Плата понизилась до минимума, а рабочій день удлинился. За каждый пустякъ привлекаютъ къ строгой отвѣтственности. Штрафы процвѣтаютъ. При этомъ не раздается ни одного звука протеста. Народъ забить окончательно. Онъ влачить жалкое полугододное существованіе, ютится въ грязныхъ сырыхъ подвалахъ, боясь пихнуть. Между тѣмъ, компанія набиваетъ карманы зодотомъ. Несправедливость торжествуетъ во всѣхъ ея видахъ. А среди рабочихъ развивается безумное пьянство. Пропивается буквально все. Въ дни получекъ можно наблюдать тяжелыя сцены. Голодные жены рабочихъ съ кучами дѣтей стоять около конторы, въ надеждѣ вырвать у мужей хотя нѣсколько жалкихъ грошей на прошпитаніе. Иногда нѣкоторымъ это удается, зато другія вмѣсто денегъ получаютъ побои и побитыя со слезами бредутъ въ свои лачуги, гдѣ и вымѣщаютъ свои обиды на несчастныхъ дѣтяхъ. Царить какой-то сплошной ужасъ. И конца ему не видно.

— Неужели среди шахтеровъ не ведется никакой пропаганда? — спросилъ инженеръ Карамовъ, внимательно слушавшій Нагорнаго.

Онъ отвѣтилъ:

— Иногда распространяются прокламации отъ якобы различныхъ партий, но я вѣдь убѣдился, что они исходятъ отъ охранниковъ и многочисленныхъ шпиковъ. Прокламациями снабжаются грамотные рабочіе, которыхъ обыкновенно обыскиваютъ и найдя такую прокламацию обвиняютъ въ причастности къ партии, арестуютъ, сажаютъ въ тюрьмы и высылаютъ. Этими дѣломъ руководить напѣтъ знакомецъ Лѣшодѣловъ, снова появившійся на горизонтѣ... ~~Чѣмъ~~ Членъ чл҃а вѣнѣдѣлъ чл҃а злодѣй київскіи однѣ осмѣлѣхъ и директоръ Ропотовъ. Онъ безбожно эксплуатируетъ шахтеровъ.

— Ахъ, какъ жалко, Вадимъ Викентьевичъ, что васть нѣть на помягъ. Вы бы, тонечно, не допустили этого безобразія.

Инженеръ Карамовъ слушать это скорбное повѣствование и сердце его обливалось кровью. Потомъ онъ зашорылъ тихо и медленно:

— Да, кони — сравнительно небольшой уголокъ нашего отечества, но и въ немъ какъ солнце въ кашль воды отражается общая картина истерзанной, задавленной страны. Изъ этихъ вотъ уголковъ складывается вся огромная территорія, населенная рабами, не имѣющими возможности заявить о своихъ страданіяхъ.

Голосъ Карамова зазвенѣлъ металлическими нотами. Это напомнило Наторскому то время, когда инженеръ горячо увлекался своимъ изобрѣтеніемъ.

— О, мученица Родина, управляемая кучкой наглыхъ и кровожадныхъ угнетателей. Тамъ, въ Европѣ смотрять на тебя, какъ на многомилліонное скопище дикихъ варваровъ и безпробудныхъ пьяницъ. Но, вѣдь, ты самая миролюбивая страна на земномъ шарѣ. Народъ твой добръ и кротокъ. Онъ страдаетъ молча, если шель, то единственно изъ внутренняго протesta противъ того безобразія, которое его окружаетъ. Но бойтесь палачи и угнетатели. Настанетъ время, когда въ темномъ сознаніи вспыхнетъ лучъ свѣта. Народъ пойметъ какъ не нужно жить. О, это будетъ великий бунтъ рабовъ, который все смететь, ибо восставшій рабъ страшнъ въ своемъ гнѣвѣ.

Карамовъ умолкъ, опустивъ голову на ладони рукъ, и долго сидѣть молча.

Молчаль и Нагорский, находящийся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ словъ инженера.

— Другъ мой,—снова заговорилъ Карамовъ, — не дождался, того времени, когда вспыхнетъ этотъ бунтъ, мы должны работать надъ идеей приближенія царства Божія на земль. Намъ предстоитъ великія затрудженія, но мы не должны смущаться ими: мы сдѣлаемъ слѣпыхъ, зрячими и укажемъ имъ върную дорогу. Согласны ли вы пойти на этотъ походъ?

— Я согласенъ,—отвѣтилъ Нагорскій и горячо пожалъ руку своего учителя.

(Продолжение слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЬ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Владѣльцемъ корчмы былъ Митричъ, очень тучный и очень лѣнівый человѣкъ. Онъ торговалъ чаемъ, закусками и всѣмъ тѣмъ, что входило въ кругъ спроса его невзыскательной публики.

Корчма его находилась на большой проѣзжей дорогѣ. Это была почти квадратная комната, съ низко нависшими потолками съ цѣлымъ узоромъ закощенной паутины по угламъ.

Лѣтній день склонялся къ вечеру.

Сквозь два окна корчмы открывался прекрасный видъ на далекіе лѣса, подернутые розовой иглой заката. На полѣ бросались вечернія тѣни.

За длиннымъ буфетомъ, пружатымъ къ стѣнѣ, сидѣлъ саѣмъ Митричъ, сонно клюя носомъ.

Въ корчмѣ почти никого не было.

Только одинъ столикъ занималъ страннаго вида человѣкъ, облаженный въ монашескій подрясникъ. Странній человѣкъ не сгѣвша пиль чай, закусывалъ черствыми баранками и гнусаво мурлыкалъ: «На рѣкахъ вавилонскихъ, тамо вѣдохомъ и плакахомъ».

Кончивъ пѣніе странникъ обратился къ дремлющему хозяину:

— А что, Митричъ, не слыхалъ, часомъ, еще не разгромлены усадьбы князей Науломскихъ? Ась?..

Хозяинъ сладко зѣннулъ и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не слыхалъ. Тебѣ чать лучше знать. Вѣдь, ты вездѣ шатался. Дѣло твое такое.

Странникъ погладилъ валихмаченную бороду.

— Не удосужился я побывать у нихъ. Не случилось. А надо бы, Господа знатные и добрые. Пусть Господь Богъ подастъ имъ доброе здоровье. Я молюсь за нихъ ежедневно.

Митричъ отвѣтилъ саркастически:

— У тебя добрые и хороши—которые подаютъ такимъ, какъ ты—пройдохамъ. Нельзя тебѣ не молиться.

Онъ нѣсколько помолчалъ и затѣмъ добавилъ:

— А вотъ наши мужички совсѣмъ другого мнѣнія о князѣ. Онъ, слышь, гнѣвъ ихъ втрюгли и даже внимать не хочеть о сбавкѣ аренды.

Странникъ, проникнутый чувствомъ уваженія къ князьямъ Науломскимъ, медоточиво отвѣтилъ:

— На всѣхъ не угодишь, Митричъ. И то сказать, сильные міра сего любять смиреніе. Ты приди къ нимъ, поклонись пониже, вотъ тогда они и пойдутъ на уступки.

Онъ обмакнулъ баранку въ чай, далъ ей разбухнуть и, когда она вздулась, какъ сосиска въ кипяткѣ, положилъ ее въ ротъ, прожевалъ и поучительно продолжалъ:

— А что дѣлаютъ наши мужчи, Митричъ? Вместо того, чтобы просить, они стали нахально требовать. Ну, князь, конечно, обозлился. Онъ не привыкъ къ нахальству мужичья. Онъ—благородный.

Тутъ владѣлецъ корчмы перебилъ странника:

— Недолго уѣхъ твоимъ князьямъ злиться осталось. Почти каждую ночь дается имъ остраска. Иногда я выйду на крыльце ночью, посмотрю: точно кровью полыхаетъ небо. А все жгутъ имънья помѣщиковъ. И думаю: пора принять имъ огненное крещеніе.

Странникъ вздохнулъ:

— Охъ, хо-хо. Совсѣмъ забылъ народъ Бога. Прѣхи.

Онъ зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ. Продолжалъ:

— Намедни тоже. Видѣлъ я, какъ жгли усадьбу Мышиныхъ. Всѣ зданія пылали, ровно факелы. Весь хлѣбушко сожгли. Скотина безсловесная сгорѣла. Жутко такъ ревѣла въ огнь. Управляющаго убили. Прямо страсти Господни... А что изъ этого выйдетъ?

Странникъ зарыжилъ носъ табакомъ.

— Охъ, великое нечестіе совершается на землѣ... великое... Митричъ отозвался:

— Да, много крови прольется теперь. Чья только возьметъ?

Странникъ согласился:

— Охъ, много крови прольется, Митричъ... А почему? Да все потому, что забылъ народъ Бога... Властей не стала признавать: Бѣсу душу свою продала. Какой-то, слышь, свободы захотѣлъ... А зачѣмъ?

— Брось, брось,—перебилъ разглагольствованія странника, хозяинъ корчмы,—пора, вѣдь, захотѣть. Ужъ сколько лѣтъ народъ ровно скотъ работалъ безъ отѣху и томился въ неволѣ... Можетъ быть теперь сумѣть освободиться... Я старый человѣкъ, врать не буду.

— Не къ добру все это, Митричъ, не къ добру. Въ священномъ писаніи сказано: «Не борись съ человѣкомъ сильнымъ». Не зря же это сказано. До насъ жили люди умные, разсудительные.

Митричъ, какъ-будто одался, слушая убѣдительныя слова странника.

— Посмотримъ, отецъ Григорій, посмотримъ. Конечно, наше дѣло—сторона... Молодецъ, вѣдь, для себя хлопочетъ. Она не желаетъ жить такъ, какъ жили мы. Мы всѣго боялись, предо всемъ дрожали. Какая это была жизнь! Можно прямо сказать: собачья жизнь... Что ты на это окажешь, Григорій?

— Скажу то, что ты самъ предался лукавому, — отвѣтилъ странникъ.

— Почему?

Странникъ Григорій хотѣлъ произнести цѣлую рѣчь, но въ это время въ дверяхъ послышался шумъ. Въ корчму входило нѣсколько человѣкъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ.

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

II.

Въ корчму вошли нѣсколько человѣкъ, загорѣлыхъ крестьянъ. Одинъ изъ нихъ, высокій малый въ черной рубашкѣ, перехваченной широкимъ кожанымъ поясомъ, обратился къ хозяину съ привѣтомъ:

— Здорове, старина, какъ поживаешь?

— Здравствуй, другъ,—отозвался хозяинъ.—Спешно по-малости. Что жъ пѣлать? Старое старится, молодое растетъ. Что-то васъ давно не было видно?

Молодой крестьянинъ улыбнулся, обнаживъ два ряда прекрасныхъ бѣлыхъ зубовъ:

Заглопотались, старина, захлопотались. Теперь работы немъ по горло. Чтобы добыть землю и волю нужно потрудиться. Не правда ли? Вотъ мы и дѣйствуемъ.

Странникъ, внимательно оглядѣвшій всю группу вошедшихъ, обратился къ молодому крестьянину съ ехиднымъ вопросомъ:

— Значить, смуту сѣешь въ народѣ, сынокъ?

— Да, какъ тебѣ сказать, монахъ,—отвѣтилъ тотъ,—если хочешь, сюю смуту.

Странникъ иронически покачалъ головою:

— Что жъ, дѣло доброе,—заговорилъ онъ.—Но помни, сынокъ, что сѣющій вѣтъ зря пожнетъ бурю. Такъ описано въ священномъ писаніи. Не зря же тамъ это сказано. Да.

— Эхъ, монахъ, монахъ, ты читать одно писаніе, а мы читаемъ другое. Такъ вотъ въ нашемъ писаніи сказано: «человѣкъ живеть только однажды. Жизнь его коротка. И, значитъ, ею нужно пользоваться разумно. Лишняя страданія необходимо отбросить. Они не отъ Бога, а отъ людей, которые хотятъ жить чуизмъ трудомъ»..

— Такъ, такъ, сынокъ, говоришь ты красиво, да толку мало. Хорошо поешь, гдѣ-то сядешь.

— Гдѣ придется, монахъ, тамъ и сядемъ, но все-таки добудемъ народу свободу.

Въ разговоръ странника съ молодымъ крестьяниномъ вмѣшился хозяинъ корчмы. Онъ, видимо, держащъ руку послѣдняго.

— Такъ, такъ, что въ самомъ дѣлѣ? Здѣсь на землѣ мы страдаемъ да облизываемся на другихъ.. Паны, вонъ, суждѣніемъ радостное житье на небѣ, а ученые люди говорятъ, что и неба-то никакого нѣть. Одна атмосфера. Какъ тутъ разобраться.. а понять все надо. Пора понять.

— Все это отъ лукаваго, Митричъ,—загнувшись Григорій.—Отъ лукаваго, голубчикъ. Онъ сѣеть смуту въ народѣ! А вотъ эти люди ему помогаютъ.. Народъ нашъ геменъ, всему вѣрить...

— Брось, монахъ, глупости тородить,—перебилъ разглагольствованія странника молодой агитаторъ.—Еще никому неизвѣстно, что отъ лукаваго. Съ двоимъ лукавымъ, вѣдь, никто не бесѣдуетъ.

девать. Может быть, все то, что говоришь ты и есть оть лу-
баваго.

Странникъ недовольно поднялся съ мѣста и подошелъ къ
буфету.

— До свиданья, Митричъ. Уходи. Блаженъ мужъ иже не же-
на сонъ нечестивыхъ. Такъ сказа пророкъ Давидъ.

Онъ читалъ книжку добрь.

— Что это за фигура?—спросилъ молодой агитаторъ у хо-
зяина.

— Да такъ бездѣльникъ. Быть воромъ и пьяницей. Теперь
притворяется юродивымъ. Морочить головы бабъ, мужиковъ. Та-
скается по вѣмъ монастырямъ и тѣмъ шатается.

— Не опасайся?

— Не думаю. А, впрочемъ, шутъ его знаетъ. Чужая ду-
ша—потемки.

— Ну, старина, на тебя-то, мѣдь, можно положиться?—
освѣдомился агитаторъ.

— Какъ на могилу.

— Вотъ хорошо. Сегодня у тебя назначено собраніе. Будутъ
трестыяне и нѣсколько рабочихъ. Придеть самъ Карамовъ.

При упоминаніи объ этомъ имени лицо хозяина расцвѣло
въ улыбку.

— А развѣ онъ въ нашихъ краяхъ?—спросилъ Митричъ.

— Дня три тому назадъ прѣѣхалъ вмѣстѣ съ Нагорскимъ.
Вотъ это, старина, человѣкъ! Огонь. А говорить какъ, заслу-
шаешься, Точно музыка поеть въ душѣ. Сегодня вѣдь придутъ
его послушать.

Хозяинъ, точно припомнивъ что, погладилъ сѣдую бороду и
промолвилъ:

— Да, я зналъ его ребенкомъ. Бѣловый былъ мальчишка,
умный. Ему бывало частенько говорили: «ну, малый, смотри, буде-
шь ты или министромъ, или допадешь на каторгу».

— Послѣднѣе случилось раньше,—успѣхнулся молодой аги-
таторъ.—Но, Митричъ, для орла же бываетъ преградъ. Съ ка-
торги онъ удралъ и теперь снова начнѣтъ работать въ пользу
народа...

Хозяинъ, понизивъ голосъ, спросилъ.

— Ну, а дѣла-то ваши, какъдвигаются?

— Идутъ отлично. А, главное, мы вѣримъ въ успѣхъ.

Митричъ снова погладилъ бороду и съ добродушной улы-
бкой пошутилъ:

— Иная вѣра можетъ и обмануть, милостъ. Я тоже вѣрилъ
въ жену, какъ въ Бога, а она взяла да и обѣкнѣла... Такъ-то...

— Ахъ, старый воронъ. И ты закаркала. Повѣрь, старина,
что нельзя ставить на рѣкѣ затруды во время половодья. Пло-
тина все равно будетъ сорвана. А развѣ ураганъ не ломаетъ
вѣновыя деревья съ корнемъ?

— Да, я, конечно, къ слову. Я старый человѣкъ, но и мнѣ
хочется вѣрить. Давай вѣмъ Богъ успѣха...

— А ты давай намъ чай.

Хозяинъ засуетился за буфетомъ, гремя чашками.

Въ корчме начиняло темнѣть.

Подавъ чай хозяинъ подошелъ къ окну и замѣтилъ:

— Какое зарево заняло небо. Опять должно быть го-
рить чья-либо экономія.

(Продолженіе съдуется).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. ОРДЫНСКАГО,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

III.

Въ то время, когда происходилъ етотъ разговоръ въ корч-
мѣ, два спутника шагали по лѣсной тропинкѣ.

Вечеръ давно наступилъ и деревья тонули въ полумракѣ.

Гдѣ-то вдалекѣ, въ просвѣтахъ между деревьями, открывало-
щійся горизонтъ обагрялся заревомъ. Казалось, какой-то ги-
гантъ, обмакнувъ свою исполинскую шинь въ океанъ крови, ша-
маялъ ею сочно-красные мазки.

Задумчиво шедшій впереди Карамовъ замѣтилъ, указывая на
зарево:

— Вотъ горитъ имѣніе князей Наулемскихъ. Хорошее было
имѣніе.

Нагорскій, точно чувствуя скорбь своего учителя по раз-
рушению культуры и желая его успокоить, произнесъ:

— Стоитъ ли обѣ этомъ жалѣть, Вадимъ Викентьевичъ. Въ
огнѣ очищенія и конецъ для него будетъ такъ же красиво,
какъ это дивное зарево.

Карамовъ агромолчалъ.

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, онъ обратился къ Нагор-
скому съ необычнымъ для него приказаниемъ:

— Другъ мой, ты иди туда одинъ.

— Почему? — встрепенулся Нагорскій, — а вы?

— Я останусь здѣсь.

Тонъ Карамова былъ категориченъ. Нагорскій зналъ, что
дальнѣйшіе разспросы ни къ чему не приведутъ. И онъ покор-
но зашагалъ дальше.

Карамовъ одиноко усѣлся подъ деревомъ. Кругомъ лѣсная
тишина, мягко волнующая душу. Деревья стояли тихо, даже не
шевеля вѣтвями.

И ему казалось, точно во всемъ мірѣ только одинъ онъ.
Тамъ идѣ-то страдаютъ и волнуются люди, ищутъ чегото, до-
биваются. А здѣсь спокойно стоятъ деревья, ничего не ждутъ,
ни о чёмъ не беспокоятся. Для нихъ день, какъ вѣкъ, и цѣ-
лый вѣкъ почти какъ день. И только онъ одинъ среди этой
лѣсной тишины, онъ одинъ съ волнующейся душой, чегото хо-
четь, чегото добиваться. Ахъ, не самообманъ ли все это соб-
ственнаго воображенія? Не есть ли это все въ немъ и онъ
во всемъ?..

И хѣсь, и звѣзы, и красное зарево?

Карамовъ тряхнулъ головою.

— Что онъ бранить? Неужели такъ возвинчены его нервы,
что онъ предается какимъ-то философскимъ размышленіямъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но какъ ни старался Карамзъ взять себя въ руки, же-
прощенные мысли толпой вихрились въ его головѣ..

Вспомнились послѣдніе, минувшіе годы. Тяжелый путь пропо-
вѣдника новой жизни. Тщетные попытки развѣять тьму народ-
ную. Скитанія, преслѣдованіе полиціей. Часто приходилось упо-
добляться голодному затравленному звѣрю, обложеному свасти-
зныхъ собакъ.

И, наконецъ, мрачная, сырая тюрьма, въ которой протекали
скорбные дни заключеннаго. Ссылка, бѣгство и снова свобода,
снять работы для блага дорогой родины.

Личная жизнь была забыта.

Карамзъ ни о себѣ не давалъ знать Аннѣ, ни отъ нея не
能得到ъ вѣстей.

Гдѣ она? Что съ нею?

Иногда бывали минуты, когда мучительно хотѣлось увидѣть
любимую. Но прочь пнѣль это желаніе. Вѣдь, онъ еще ничего
не сдѣгъялъ такого, что бы стать великимъ, что бы имѣть право
на любовь гордой женщины. Но все же образъ ея, такъ золотой
лучъ солнца мерцаѣ сквозь темныя тучи жизни. О, непокорный
шепельный локонъ, буйно вьющійся надъ розовой раковиной уха!
Можетъ быть, теперь цѣлуеетъ ее кто-либо другой, напечатавъ
слова любви.

И сердце Карамова учищенно было. Въ трудахъ блокаталь
вулканъ страданій.

И вотъ теперь, въ лѣсу на зеленомъ коврѣ мха, снять овла-
дѣваютъ имъ тѣ же настроенія. Но нѣть. Онъ будеъ твердъ,
какъ гранитная скала. Пусть сердце замкнется въ стальную бро-
ню, не позволяющую постороннему чувству взять его въ санти-
ментальный плѣнъ. Онъ—борецъ, и борьба должна быть единственной
программой его дѣятельности.

Спрашивалъ себя:

— Что сдѣлано до сихъ поръ?

И много и мало. Много потому, что толпа народной тьмы
начала давать бреши. Сквозь шеи видны золотыя зори, предвѣст-
вицы радостнаго утра. Мало потому, что дѣло подвигается слиш-
комъ медленно. И по временамъ охватывало сознаніе:

— Хватить ли его жизни до конца погони?

Должно хватить!—воскликнулъ Карамзъ, поднимаясь
съ зѣста.

Въ послѣдній разъ онъ упиталъ въ себя лѣсную тину и точ-
но забрашись свѣжихъ силъ отъ прикосновенія къ землѣ заша-
галъ въ ту сторону, въ которую ушелъ Нагорскій.

Кровавое варево заката все еще полыхало на горизонѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IV.

Не успѣли собравшіеся въ корчмѣ вышить по чашкѣ чаю, какъ сюда явился Нагорскій.

— Здравствуйте, товарищи,— произнесъ онъ, поклонивъ руки присутствующимъ.—Извиняюсь за опозданіе.

Вы одинъ?—спросилъ молодой агитаторъ.—А тѣ же товарищи Караваевъ? Не случилось ли съ нимъ несчастье.

— О, нѣтъ,—ответилъ Нагорскій.—Очевидно, онъ совсѣмъ утомился, присѣсть отдохнуть въ лѣсу и скоро явится сюда.

Завязался общій разговоръ. Въ корчмѣ стало темно. Только блѣдки фарева пропетали на окнахъ золотисто-кровавыми пятнами. Митричъ вышелъ изъ-за буфета, зажегъ керосиновую лампу и завѣсилъ окно.

Нагорскій, подражая въ праиснорѣчіи своему учителю доказывать, что движеніе разрастается, что волна освободительного порыва докатывается до мрачныхъ утесовъ каменѣлыхъ праидъ и, конечно, сбросить ихъ въ море забвенія.

— Близокъ часъ, когда по маниевію нашей руки должно остановиться все, Мы скажемъ рабочимъ ютанкамъ: «стопъ», и они замрутъ. Мы прикаснемъ десяткамъ тысячъ вагоновъ: «ни съ мѣста» и они остановятся бреди стѣсовъ и полей. Мы повелимъ сѣбу: «не сѣти». И весь городъ погрузится во тьму. Вотъ въ чёмъ наша сила, товарищи.

— Вѣрно, вѣрно!—восторженно отзвалась слушатели. И даже равнодушный юношескому Митричу внимательно слушалъ оратора, широко открывъ глаза, поглаживая бороду.

Нагорскій продолжалъ:

— Наша прозная армія способна все разметать на щуплии своеи. Она будетъ тѣмъ девятымъ валомъ, который вынесетъ Россію на берегъ царства правды, свободы и равенства.

Между тѣмъ, Караваевъ задумчиво шагалъ по лѣсной тропинкѣ. Въ головѣ роились мысли и звучали тѣ отгневныя слова, которыя онъ сейчасъ произнесеть прѣль ожидающими его людьми. И они разнесутъ ихъ по шесть уголкамъ необъятной родины. Эти слова, какъ факелы въ тѣмъ ночи будуть освещать дорогу заблуждающимся и непонимающимъ.

Когда онъ вышелъ изъ лѣсу туда, гдѣ черта его оканчивалась сирагомъ, издали послышались пронзительные крики:

— Помогите, помогите!

Карамовъ поднялъ голову.

Прямо на него изъ мглы поля неслася тройка, запряженная въ экипажъ. Въ экипажѣ сидѣли двѣ женщины въ бѣломъ. Выскочившій съ козлика кучеръ, не выпускавший вожжей, волочился по землѣ, пытаясь удержать забѣгавшихъ лошадей.

Тройка неслася въ оврагу. Еще моментъ и всѣ должны были шокнуть.

Карамовъ въ два прыжка выскочилъ къ бѣшенемъ животнымъ и грузно лежа на плечахъ. Лошади прыгали на дыбы и остановились, какъ токопанныя.

Одна изъ женщинъ тотчасъ же выскочила изъ экипажа. Другая осталася сидѣть, упавшись головою въ козлы.

Поднявшись съ земли кучеръ, весь опровергнутый, горячо благодарилъ Карамова за спасеніе. Лошадей что-то напугалъ на большой дорогѣ и они ринулись въ оврагу.

— Если бы не вы, господинъ, не собрать бы намъ своихъ жестей.

Затѣмъ сѣть началъ бѣжанівать лошадей. Карамовъ подошелъ къ экипажу. Замѣтилъ, что молодая женщина была безъ сознанія, видимо отъ сильнаго испуга. Стоявшая рядомъ съ экипажемъ другая женщина, дрожавшая какъ въ лихорадкѣ, обратилась къ нему съ просьбой.

— Господинъ, помогите моей барынѣ. Она лишилась чувствъ.

Карамовъ взялъ на руки большую и ложе ее по направлению къ корчмѣ, приказавъ служанкѣ сидѣвать за нимъ.

Молодая, изящная женщина сѣла на его сильныхъ рукахъ и онъ даже не чувствовалъ ѹея тяжести, точно несъ маленькую птичку. Такъ же сидѣла-то сѣть боянъ Анна, убаюкивая ее въ цѣлуя.

И основа вѣтъ вспоминаній захватила Карамова. Развѣ онъ не сдалъ бы подижики, чтобы вѣтъ сейчасъ на его рукахъ была любимая, а не посторонняя женщина. У этой та же тонкія правильныя черты лица. Одухотворенная красота, воспитанная южными празднинами людей, въ то время, какъ остальной народъ тину въ работѣ, шелковые волосы съ вьющимися локонами.. Но довольно!..

Войдя въ корчму, Карамовъ обратился къ Мигричу:

— Хозяинъ, дайте мѣсто этой скенщицѣ. Она безъ памяти.

Всѣ присутствующіе во главѣ съ Нагорокомъ засуетились. Быстро сдвинули вѣсколько табуретовъ, хозяинъ притащилъ матрацъ и подушку. Больная была положена на эту импровизированную постель.

— Вѣты, скорѣй, воды,—распоряжался Карамовъ.

Служанка безшамоно опустилась на скамью и сидѣла неподвижная и блѣдная, какъ извѣяніе.

(Продолженіе слѣдуетъ),

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

V.

Очнувшись, молодая женщина открыла глаза и, озирая незнакомую, довольно подозрительную обстановку, спросила:

— Гдѣ я находюсь?

Карамовъ подошелъ къ ней и вѣкливо отвѣтилъ:

— Вы у людей совсѣмъ не вашего круга, сударыня, то не пугайтесь, ничего дурнаго съ вами не случится.

Теперь онъ разсмотрѣлъ ее болѣе внимательно. Удивительное сходство съ Анной сногра поразило его. А можетъ быть, ему такъ показалось?

— Скажите, что со мною?—Опять заговорила молодая женщина.

— Легкій обморокъ, сударыня. Отъ испуга. Скоро все пройдетъ. И вы можете продолжать вашъ путь. Ваши лошади и экипажъ цѣлы...

— Ахъ, да, притомъ что. Это вы остановили моихъ лошадей на краю обрыва и тѣмъ спасли меня отъ вѣрной гибели?

Карамовъ отвѣтилъ равнодушно:

— Случайно помогъ избѣжать несчастія. Не больше. Всякій че моемъ мѣстѣ сдѣлать бы то же самое.

— Но все же ты мой спаситель. Какъ мнѣ благодарить васъ.

— Не стоитъ, сударыня,—очень сухо возразилъ Карамовъ.

И добавилъ, какъ бы съ сожалѣніемъ:

— Собственно мой поступокъ почти противорѣчить моемъ убѣжденіямъ.

— Почему же?—загородила молодая женщина.

— Я—врагъ богатыхъ. Отсюда вы можете сдѣлать выводъ.

— Понимаю. Но почему же вы врагъ богатыхъ?

— Ахъ эта тема заставляетъ насть слишкомъ далеко,—почти раздражительно отвѣтилъ Карамовъ,—а у меня совершенно нѣть свободнаго времени для отвлеченныхъ разговоровъ. Теперь вамъ моя помощь не нужна. До свиданья, сударыня. Товарищи,—обратился онъ къ присутствующемъ,—идите къ (мы) Андроникова. я догоною пась. Эдѣсь собраться намъ помѣшили.

Толпа крестьянъ и рабочихъ южѣсть съ Нагорскими вышла изъ корчмы...

Молодая женщина долго рассматривала красивое энергичное лицо Карамова. Затѣмъ сказала умоляющее:

— Спаситель мой, положите. Скажите мнѣ: кто вы? Я все-таки должна отблагодарить васъ.

— Это лишнее,—сухо отвѣтилъ Карамовъ,—но житу же я отъ кѣль принять подачку. Въ этомъ я не нуждаюсь.

— Благодарность никогда не бываетъ лишней,—торжно возразила молодая женщина.—Кромъ того, благодарность можетъ

выражаться не только въ подачкахъ,—добавила она..,

— Какъ это поучительнаго,—шокаль плечами Караваевъ, берясь за руки.

— Слѣдте,—почти повелительно попросила она.

Противъ своей воли Караваевъ сѣлъ. Лучистый блескъ ея глазъ, (тѣствовалъ какъ гипнозъ). Ахъ, вѣдь, этотъ блескъ таъ запоминается давно знакомое, родное, милое...

— Я вѣдь слушаю.

— Вы называете себя врагомъ богатыхъ. Я, правда, богатая, Но я не считаю вѣдь своимъ врагомъ...

Караваевъ саркастически улыбнулся.

— Еще бы вы считали меня врагомъ. Вѣдь, я вашъ спаситель. Кроме того, нельзя забывать, что богатые любятъ пощирать тѣхъ, кто оказывается имъ личную ускулу. Обычно, ихъ же замѣчаютъ.

— Зачѣмъ вы говорите дерзости?—воскликнула Молодая женщина любуясь Караваевымъ,—лицо ваше интеллигентно, су вѣдь совсѣмъ, совсѣмъ добрые глаза—признакъ прекрасной души. Но разумѣмъ же вы вѣдь такой злой тонъ. Что я вамъ сдѣлала?

— Равно ничего, въ частности.

Онъ встѣль и попытался уйти.

Но ея ловеласный взглядъ снова пригнездилъ его къ дѣрту. Она продолжала:

— Несмотря на вашу дерзости я почему-то не сержусь на вѣдь. Но, конечно, не потому, что вы спасли мою жизнь. О! нѣтъ, позѣрьте. Я смотрю на вѣдь и чувствую, что у вѣдь чѣмъ-то сильно напоминаетъ туша оттого злой оса-тка горечи отразилась въ вашихъ словахъ. Но вѣдь, добрый человѣкъ, не правда ли?

— Возможно, сударыня. Но я подозреваю, что вѣдь пора продолжать вашъ путь...

Караваевъ прибавилъ почти насмѣшливо:

— Врядъ ли эта обстановка будораживаетъ вашъ изысканный вкусъ.

Молодая женщина всхлинула, но мѣдито сдержала себя и спокойно заговорила:

— Однѣко, какой у вѣдь злой языкъ. Но не воображайте, что я огорчалась. Разумѣется, я сейчасъ уѣду. Прошу вѣдь только обѣ однѹхъ. Отрѣшились отъ праразсудковъ, чиѣнныхъ не знаю чѣмъ, снисойдите же просьбѣ женщины: скажите кто вѣдь? Умоляю вѣдь.

И она молитвенно протянула къ нему руки. Лучистыя звѣзды ея глазъ вспились въ лицо Караваева. О, этотъ блескъ!

Тѣни колебаний пробѣжали по чертамъ его лица. Рѣшительно тряхнувъ головою, какъ бы отгоняя постороннее чувство, начинавшее огладѣвать чимъ, онъ спросилъ:

— Что скажетъ чимъ? Пустой звукъ. Дороги наши разныя, и конечно, мы никогда больше не встрѣтимся. Имя мое вы забудете завтра, и я вѣдь не хочу интересоваться.

Онъ нервно зашагалъ по дѣрту, шокусывая усы. Затѣмъ начать говорить изволнованно...

(Продолженіе сдѣлуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. ОРДЫНСКАГО,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Голосъ его зазвучалъ прежними металлическими нотами, хотя молодая женщина чувствовала въ немъ издрывъ. Рѣчь Карамова казалась ей не то проповѣдью, не то покаянной угрозой. И она внимательно слушала его, въ то же время не переставая любоваться открытымъ и смѣлымъ лицомъ оратора:

— Скажу вамъ откровенно: моя борьба закалила меня въ ненависти къ богатымъ. Она, какъ огнемъ ада выжгла въ душѣ моей вѣдь добрыя въ нимъ чувства. И въ сердцѣ моемъ осталась одна жажды мести. О, въ жестока будетъ моя месть... Смотрите...

Онъ подошелъ къ окну и отдернулъ занавѣску. Въ корчму заглянуло кровавое зарево, заливающее горизонтъ. Гигантскіе языки огней лизали темную глубину неба.

— Смотрите, — продолжалъ Карамовъ, — вотъ это зарево отъ пылающихъ усадебъ — только первые цвѣты моей мести за угнетеніе народа. А дальше безумный вихрь отней пройдется по землѣ и смететь все нажитое отъ угнетенія. Я призову грозу, вѣтъ ураганы міра и разрушу цѣли тѣмы, сковавшія свободный духъ народа.

Онъ умолкъ и снова прошелся по корчмѣ.

— Ваша рѣчь ужасна, — заговорила молодая женщина. — Но мнѣ больше нравится сочетаніе словъ, чѣмъ заключенный въ нихъ смыслъ.

— Смыслъ тотъ, — возразилъ Карамовъ, — что земля должна быть выметена начисто отъ мусора вѣковъ, мѣшающаго жить по-человѣчески миллионамъ людей. Паразиты и насильники должны исчезнуть. И весь строй, поддерживающій рабство, долженъ быть уничтоженъ.

— Какъ это смыло! — воскликнула молодая женщина. — Мнѣ ваша смѣлость нравится. Но хватить ли у васъ силъ на этотъ подвигъ?

Она склонила его глубокимъ взглядомъ своихъ лукавыхъ глазъ. На мгновеніе глаза ихъ встрѣтились. И Карамову показалось, что предъ нимъ стоитъ Анна. Но не увѣренная въ его силахъ, а сомнѣвающаяся, но все же полная сочувствія и нѣжности. Невидимая нить простирулась между ними. Взглядъ ея точно купался въ ея взглядѣ и, купаясь, говорилъ: «ты герой. Я люблю героевъ». И грустный взглядъ Карамова какъ бы сливался съ ея взглядомъ, отѣтилъ: «ахъ ты галопиниашь мнѣ золотой сонъ юности. Я готовъ унасть предъ тобою ницъ»...

Онъ постарался отогнать отъ себя это извѣжденіе и произнесъ совсѣмъ сухо:

— Однѣко, вань бора, сударыня,ѣхать...

Онъ постарался отогнать отъ себя это извѣжденіе и произвелъ карточку, протянула ес Карамову со словами:

— Возьмите ото та память о нашей необычной встрече. Может быть, когданибудь придется встретиться. И знаете, что я не буду для вас врагом.

Карамовъ, не читая, сунулъ карточку въ карманъ.

— Прощайте!

И она вмѣсть съ камеристкой вышла изъ корчмы. Еще разъ взглянула на него, но ничего не сказала...

VII.

Послѣ ея ухода въ душѣ Карамова образовалась какая-то пустота, точно пришелъ что-то большой и сильный и вынуль ея прежнее содержаніе.

Онъ присѣлъ около стола и опустилъ голову на ладони рукъ. Гризасы страданія бороздили черты его лица.

— Что со мною? — спрашивалъ онъ самъ себя. — Во мнѣ какъ будто шевелится червь раскаянія за ненобезнѣсть съ этой замой?... Ея глаза сверлятъ мой мозгъ миллионами торчащихъ стрѣлъ. А очертаніе лица ея, напоминая прошлое, сжимаетъ сердце сладкой болью... Что такое?

Онъ порывисто сорвался съ мѣста и снова нервно зашагалъ по корчмѣ.

Чортъ возьми, Карамовъ! Ты ли что, холодный и нравшо-вѣшанный? Ты ли, забывшій о личной жизни, ты ли, идущій на подвигъ большой и смѣлый? Удобный моментъ нашелъ для анти-ментальныхъ трезѣй!

Онъ вынуль визитную карточку молодой женщины и прочиталъ:

— Княгиня Лидія Борисовна Наулемская.

Карамовъ въ ужасѣ вскрикнулъ:

— Проклятая пронія судьбы! Я спасъ жену врага всего народа и чуть ли не въ ней неравнодушенъ... Точно молния, сверкнувшая вънезапно спалила крылья и надвое расколола мою волю. Влилась какая-то отрава въ сердце и тысяча невѣдомыхъ доселе струнъ вдругъ зазвенѣли въ разладѣ съ моимъ разумомъ. О, ужасъ.

Онъ подошелъ къ окну и залюбовался все еще продолжающими пламя звѣрьми.

Думалъ:

— Вотъ мой разсудокъ говорить мнѣ: пытайтесь въ красномъ пламени цвѣтущіе улоты всѣхъ угнетателей народа. И пусть въ нѣмъ небеса, какъ дымъ, летятъ ваши сокровищи. Но, ахъ, зачѣмъ же загорается въ моей душѣ другой пожаръ? Затѣмъ же черная эмбя сомнѣній вползаетъ въ грудь, нашептываетъ мнѣ слова о томъ, что мой разсудокъ не правъ? Но нѣтъ онъ не будетъ малодушнымъ. Прочь глупости. Онъ — мечъ въ рукахъ народа и долженъ высоко держать знамя возстанія.

Пусть пепломъ забвенія покроется его мицелетное чувство. Личной жизни у вождей не должно быть. Да, это такъ.

Въ это время дверь корчмы отворилась. Просунулась голова странника. Всѣдѣ за нимъ вошли два странника.

Странникъ указывая на Карамова торопливо заговорилъ:

— Вотъ этотъ человѣкъ и есть первѣшій смутьянъ... Памите плавель изъ пшеницы, — такъ сказаво въ писаніи...

Карамовъ насторожился...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VIII.

Въ головѣ его промелькнула тревожная мысль: «Неужели меня выдали?» Но тутъ же успокоилъ себѣ: «все равно, взять его не удастся. Онъ достаточно хорошо вооруженъ, чтобы справиться съ двумя стражниками. Не позъ такихъ опасностей сильнъ выходить пѣзды и неврѣдимы. Теперь же, когда такъ нужна его личная работа, онъ долженъ быть свободнымъ. Да, такъ и будетъ!».

Одинъ изъ стражниковъ обратился къ Карамову съ грубымъ вопросомъ:

— Ты что за человѣкъ?

Въ тонѣ его голоса звучали ноты власти имущаго человѣка.

— Зальмъ вами нужно снять это?— возразилъ Карамовъ, сердито сверкнувъ глазами. Отъ этого взгляда стражникъ какъ-то отѣшился, очевидно, подумавъ: «Можетъ быть, предо мной вѣдь наѣзжаетъ».

Онъ сбѣжалъ тонъ и, указывая на монаха, проговорилъ:

— Вотъ этотъ человѣкъ заявляетъ, что тѣ вародъ мутешъ.

— Такъ,—произнесъ Карамовъ.— Позвольте вамъ задать одинъ вопросъ: вы изъ чего будете? Конечно, изъ крестьянъ? ..

— Такъ точно изъ крестьянъ,— отвѣтилъ стражникъ.

— Для чего вы сюда присланы?

— Такъ что для беспорядку.

Карамовъ усмѣхнулся:

— Совершенно вѣрно: для беспорядка. И я вполнѣ уѣренъ въ томъ, что не будь васъ, беспорядокъ не произошло бы.

Карамовъ снова гибко сверкнувъ глазами и повысивъ голосъ продолжалъ:

— Какъ тамъ, господа, не стыдно. Вы изъ тѣхъ же крестьянъ, но идете съ ногайками и ружьями на своихъ братьевъ. Неужели ваша совѣсть смыть и краска сны не залигаетъ ваши лицъ? Кому вы служите? Богу? Чорту?

Стражникъ смущенно отвѣтилъ:

— Мы служимъ его императорскому величеству государю императору.

— А вы знаете, что такое царь?

— Такъ точно, знаю. Царь есть домашнікъ Божій.

— Нѣтъ, онъ не домашнікъ Божій,— возразилъ Карамовъ.— Онь кровавый палачъ своихъ подданныхъ. Онь большой помѣ

тишкъ ищовелитъ рабовъ. Онъ насильникъ и угнетатель. Не можетъ быть помазанникомъ Божиимъ тотъ, кто съ первого дня своего царствования купается въ крови. Поймите это. И если въ васъ еще не угасла искра совѣсти, откажитесь отъ вашей тусклой обязанности быть въ рукахъ кроваваго тирана. За кровь невинныхъ вамъ придется жестоко расплачиваться...

Тутъ Карамова перебилъ стражникъ. Обращаясь къ стражнику онъ сказалъ:

— Ты, служильный, напрасно слушаешь рѣчи бунтовщика... Бери его безъ разговоровъ и възьми къ начальству.

Загнанотизированый былъ словами Карамова, стражникъ, кисъ бы спехвившись, сказалъ жестко:

— Такъ что мы должны представить тебя для выясненія значности. Пожалуйте.

И онъ, сдѣлать шагъ то направлению къ Карамову.

— Прочи! — прозно крикнулъ Карамовъ, выхватывая револьверъ. — Разстушитесь спичники, не заслоняйте отъ меня фигуры подлого доносчика. Я долженъ прислѣдить его, какъ собаку.

Спичники, не ожидаятъ такого оборота, испуганно застахнувшись, дверь...

Въ коридоръ крикнули выстrelъ...

Монахъ со страху упалъ на полъ. Пуля пролетѣла мимо. Шелкнувшись звонческимъ, Карамовъ выскрыгнулъ въ окно и быстрымъ скрылся въ тьмѣ полей...

Изъ коридора доносились крики, свистки, видѣть монаха, но было уже поздно.

Карамовъ покинулъ здѣсь и замедлилъ шаги. Узенькая долина, еле замѣтной сѣрой смѣткой вѣтась подъ ногами. Сквозь теневой узоръ перепутавшихся вѣтвей видѣлись крохотныя глазки саребрянныхъ авадочекъ, пригоршнями разбросанныхъ по темнотѣ кинзу неба. И снова тьснѣльшина охватила щушу Карамова. Онъ опустился на мятгій коверъ мха и замулся.

Теперь мысли его вращались около начатаго имъ дѣла возстанія. Крестьяне охотно слушаютъ его проповѣди, во всемъ съ нимъ соглашаются. Но трусливь, воспитанная вѣками рабства, еще не имеетъ размаха для широкаго крестьянскаго генісія. Быть стражникомъ и свистѣ казацкихъ ногаюсь все еще пугають народъ и мѣняетъ ему рѣстъ какъ синяя человѣкъ на защиту своихъ правъ.

Кое-гдѣ, какъ оазисъ среди безмѣтной пустыни, вспыхиваютъ буяны. Но плохо организованная масса быстро сдастъ свою позицію болѣе дисциплинированнымъ и хорошо вооруженнымъ царскимъ слугамъ. И рабы бьютъ рабовъ, поддерживая монь царя-тирана.

Но, какъ сѣйшъ фанатикъ, Карамовъ вѣрить, что свѣтъ все же остается свѣтомъ, хотя сѣйные и не видѣть его. Будетъ день, когда все поймутъ, что больше жить такъ нельзя.

(Продолженіе следуетъ).

Жроба́бы́й трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

ГЛАВА X.

— Миръ и благодать отъ Господа да почтеть на въсъ сильные мира сего,—шочти нараспѣль произнесъ вошедшій въ кабинетъ старецъ, отвѣшивая сановникамъ низкіе поклоны.—Привѣтствуя въсъ, милаки, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

Одѣть былъ старецъ въ суконную подеваку, смазные салоти и рѣсовую рубашку, подпоясанную краснымъ лясомъ.

— Здравствуй, отецъ честной. Садись,—указалъ князь Наудомскій на кресло.

— Недостопрѣбъ быдго я сидѣть въ такомъ высокомъ обществѣ,—промолвилъ старецъ, но все же сѣлъ и даже положилъ ногу на ногу. Затѣмъ расправилъ бороду и, помолчавъ пемного, глубокомысленно началь изрекать:

— Все преходяще въ жизни сей, все суета суетъ, какъ сказано въ писаніи.

Сановники смотрѣли на него, точно не навиданную диковину. Слушали, стараясь не проронить ни одного слова, выходящеаго изъ устъ «прозорливица».

— Былъ меѣ знать,—продолжалъ онъ.—И я почувствовалъ, что вы угнетены. Бѣсъ ваши души мутить.

Старецъ ударилъ по столу волосатымъ своимъ кулакомъ.

— А бѣса слушать не надо. Да...

Князь Наудомскій сочувственно кивнулъ головою. Его примѣру послѣдовали оба сановника.

— Я пришелъ къ вамъ и все будеть по хорошему, по честному. Вамъ, милаки, не слѣдъ печадоваться.

Старецъ уперся своимъ свинцовыемъ взглѣдомъ въ лицо князя Наудомскаго.

— А тебѣ, князь, стоять повелѣть и все будеть по твоему. Слушай меня.

— Скажи намъ, отецъ честной,—обратился графъ Билинскій къ старцу,—ты часто бываешь въ народѣ?

— Я выросъ съ народушкомъ.

— Чего желаетъ народъ?

Старецъ слова рабправилъ бороду.

— О народушкѣ помыслить надо,—уклонился отъ прямого отвѣта Григорій,—первѣ на перво онъ знаетъ и вѣрятъ, что власть надъ нимъ поставлена отъ Бога... Онъ покорный, народушко то...

— А зачѣмъ же онъ бунтуется?—спросилъ суровый князь Мышигентъ, хмуря сѣдующиа бровы.

— Смутыны ходятъ въ народѣ. Чергу душу продали. Вотъ отъ нихъ вся пакость. Наказать ихъ надо, наказать. Вотъ тогда и стихнутъ глоса нечестивыхъ,—даже взвизгнулъ Григорій и ѿбилъ ударилъ кулакомъ по столу, точно гвоздь ѿцѣли.

— Знадѣть, надо успѣть кару?—спросилъ князь Мышигентъ, хватаясь за фальшивую свою мысль, какъ бы чувствуя поддержку прозорливица.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кровавый тронъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

— Вѣсти, розы учать уму-разуму, — съ аллюбомъ отзвалъ толь.—Зубы грифника сбрушу, такъ сказано въ писаніи.. Назаза же бываетъ чолезно.

— А если мы дадимъ народу то, что онъ просить,—поставилъ вопросъ графъ Билинскій.

— Нѣ вѣра, граffикъ, не время. Не дорошь народушко. Глупъ еще. Сѣръ.

Не напечти опоры въ старцѣ, графъ поморщился отъ его фамильярности и зостарался перевести разговоръ на другую тему.

— Скажи кто же жутить народъ?

— Волки въ овчьеи шкурѣ, вотъ кто,—отвѣтилъ старецъ.. Эти подд говорятъ, что Бога нѣть, что властямъ не слѣдуетъ поиногаться.

— Намедни одинъ такой гусь,—продолжалъ старецъ,—чуть не убилъ меня изъ леворвerta. Но милосердный Господь не допустилъ меня погибнуть отъ руки злодѣя. Видно, жизнь моя еще нужна для Россіи. Да.

Григорій обратился къ Наулюмскому:

— Ты бы, князь, насчетъ чаю, распорядился.

Когда чай былъ поданъ, Григорій взялъ стаканъ и, обжигаясь, сталъ жадно пить, причмокивая и потѣя.

Савовники почтительно смотрѣли на старца. Они знали, что явился онъ не спроста и ждали отъ него большихъ новостей и даже откровеній. Въ придворныхъ кругахъ Григорій входилъ въ моду. Его часто можно было встрѣтить въ салонахъ великосвѣтскихъ дамъ. Къ нему благоволила даже сама царица. Вѣдь понятно, что савовники передъ нимъ заносили. Блестящая гниль, окружавшая троицъ, желая быть замѣченной кѣмъ нужно, разносили славу Григорію, какъ прозорливца, предсказателя и щѣлкителя. Его безсвязный бредъ почитался за верхъ мистицизма, свойственное только избраннымъ натурамъ. Въ полуистерической средѣ онъ действовалъ какъ кудесникъ, чудесно излѣчива простираемъ присновеніемъ, вливая бальзамъ успокоевія въ омленные души, казалось бы самыхъ могущественныхъ на видъ властелиновъ земли русской. Ходили слухи о его «банныхъ радѣніяхъ» съ дамами и непотребствомъ, но близость его ко двору заглушала голоса самыхъ строгихъ ритористовъ. Изъ устъ въ устъ передавалось общепринятое мнѣніе, что цари скорѣе пойдутъ противъ всей страны, но старца не дадутъ въ обиду. Скорѣе повѣсять вѣрныхъ служь рожаны, но прозорливца не унизить. Пользуясь своимъ положеніемъ фаворита хитрый тюменскій воръ гнуль свою линію. Вначалѣ онъ заносилъ и лебезилъ передъ савовниками, а затѣмъ, когда вошелъ въ силу и хоръ развратно-истеричныхъ салонныхъ дамъ провозгласилъ его «Богомъ-Саваоѳомъ»—игралъ министрами, какъ пѣшками.

Кончивъ чаепитіе, старецъ опрокинулъ на блюдце стаканъ и, сдѣлавъ таинственное лицо, заговорилъ:

— Ну, теперь, милаки, скажу вамъ новость. Слухайте.

Савовники насторожились.

— Быть я сегодня у лапы и мамы...

Таъ Григорій называлъ царя и царицу.

— И быть у насъ совѣтъ насчетъ всего.

— Разскажите отецъ Григорій, разскажите...

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРОВАВЫЙ ТРОНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ

П. Ордынскаго,
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IX.

Князь Науломскій сидѣлъ въ своеемъ кабинетѣ въ большой задумчивости, курилъ сигару.

Лучи заходящаго солнца золотили купола церквей, видные че-резъ большія окна, и блѣдо-пурпуровыми полосами проникали въ кабинетъ.

Князь былъ очень разстроенъ. Только сегодня онъ получилъ сообщеніе о разгромѣ его имѣнія. Свѣдѣнія о начавшемся аграрномъ движеніи среди крестьянъ доносились, какъ раскаты грозы отовсюду. Въ столицахъ слухи, конечно, преувеличивались до чудовищныхъ размѣровъ.

Говорили о поголовномъ избиеніи помещиковъ, о пеповиновеніи властямъ и прочихъ ужасахъ, которыхъ еще не было.

Тревога проникала въ сердце князя, изысканнаго милостями царя за свою реакціонность и преданность самодержавію. Черная сомнѣнія, какъ вѣщія итицы, витали вокругъ, трепетали крыльями жуткихъ разсказовъ и какъ бы пророчили темное будущее.

Поддавшись чувству отчаянія, князь смотрѣлъ на лучи заходящаго солнца и думалъ:

— Быть можетъ, эти лучи послѣдніе въ нашей властной жизни. Они погаснутъ и пропадетъ какъ дымъ паша вѣковая власть надъ народомъ, тогда конецъ всему.

Онъ всталъ и нѣсколько разъ прошелся по кабинету. Началъ успокаивать себя: нѣтъ, тому не быть. Не нужно предаваться мрачнымъ размышленіямъ. Вѣдь, еще не пробилъ часъ отчаянія. Нельзя же сломить въ одно мгновеніе то, что создавалось долгими годами. Брененосецъ нашей власти немало видѣлъ бурь, но съ честью выходилъ изъ тяжкихъ испытаний. Прочь уныніе.

Въ кабинетъ вошелъ камердинеръ и подалъ новую телеграмму.

— Имѣніе сожжено. Едва избѣжала смерти. Лидія.

Онъ снова задумался.

— Да, дѣло принимаетъ скверный оборотъ... Бѣлная Лидія, за такъ любила наше имѣніе... Но чортъ возьми. Надо же принимать мѣры. Кругомъ царить анархія, а мы сидимъ сложа руки и смотримъ на безумство черни. Конечно, отъ этого дѣла успокоенія не наступить.

Опять вошелъ камердинеръ и доложилъ:

— Князь Мышкинъ и графъ Билинскій.

— Проси, — сказалъ Науломскій.

Вошли два выlossenійныхъ сановника.

— Привѣтствую васъ господа — протянулъ руки вошедшій князь.

— И братя по несчастью, — добавилъ, улыбаясь, графъ Билинскій.

— Какъ такъ?

— Очень просто, хое и князя имѣнія тоже разгромлены.

— Конечно, это пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что происхо-

дить въ данное время,—важно промолвить князь Мыскинъ, опускаясь въ кресло.—А происходить возмутительныхъ вещей.

Онъ поставилъ на полъ свой блестящій цилиндръ и бросилъ въ него бѣлые свои перчатки.

— Что же, господа, дѣлать?—спросилъ князь Науломскій.—Движеніе растетъ. Оно съ каждымъ днемъ принимаетъ все болѣе и болѣе грандиозные размѣры. Разумѣется, начавшійся пожаръ, необходимо потушить теперь же, иначе будетъ поздно. Но какъ? Скажите, господа.

— Репрессіи усилить,—авторитетно заявилъ князь Мыскинъ.—Нашъ народъ повинуется только палкѣ. Это средство было дѣйствительно во всѣхъ вѣка. Поменьше нѣжностей съ народомъ, побольше казней, ссылокъ, тюремъ. Все это, какъ холодный душъ, отрезвитъ бунтовщиковъ и сдѣлаетъ ихъ покорными нашей волѣ. Всегда мое искреннее мнѣніе...

Князь Науломскій возразилъ:

— А не старо ли это, мой князь? Вы знаете, что палка имѣетъ два конца? Не можетъ ли одинъ конецъ ее упасть на насъ? И то сказать, что было пригодно въ прошломъ, теперь врядъ ли будетъ приемлемо. Можетъ быть, пока мы эту точку зрения отбросимъ? Что скажете вы, графъ?

Графъ Билинскій ловко вставилъ монокль въ глазъ. Лицо его приняло каменное выраженіе. И нельзя было понять шутить онъ или говорить серьезно.

— Чтобы лѣчить болѣзнь, именуемую аграрнымъ движениемъ,—началь онъ,—необходимо, господа, знать ея причины. Что требуетъ народъ? Земли. Почему? Потому что земли у него слишкомъ ограниченное количество. «Куренка, скажемъ, и того некуда выпустить»,—какъ писалъ Толстой. Чѣмъ боленъ народъ? Рабствомъ и отсутствіемъ материальныхъ благъ. Отсюда выводъ: народу надлежитъ дать земли и уравнять его въ правахъ.

— Ну, это не лѣкарство, графъ,—перебилъ сановника князь Науломскій.—Такое ваше средство очень рискованно.

— Простите, графъ,—недовольно замѣтилъ князь Мыскинъ,—вы разсуждаете, какъ соціалисты. Вы, конечно, шутите.

Коварная улыбка промелькнула по каменному лицу графа Билинскаго.

— Простите меня, господа,—продолжалъ онъ,—прежде, чѣмъ критиковать мой взглядъ, мнѣ кажется, надлежитъ выслушать выводъ изъ моихъ предложеній. Я думаю, что когда огонь охватываетъ какое-либо живое зданіе, не время говорить и спорить о томъ, кому принадлежитъ это зданіе. Необходимо всѣхъ призвать къ работѣ и поскорѣй локализовать стихію. Когда огонь прекратится—тогда владѣлецъ зданія самъ найдется.

— Туманно, графъ, очень туманно,—скептически произнесъ князь Науломскій.

— Мысль моя, господа, сводится къ тому,—продолжалъ графъ.—Надлежитъ пообщаться. Отъ обѣщаний мы не убедимъ. Народъ же охотно вѣритъ обѣщаніямъ. Но, вѣль, обѣщать—не значить исполнить. Согласны? Другого выхода изъ создавшагося положенія пока не существуетъ. Пока власть еще въ нашихъ рукахъ, нельзя, даже преступно, не примѣнить мой планъ...

Въ это время вошелъ камердинеръ.

— Старецъ Григорій хочетъ видѣть князя.

— Прозорливецъ,—въ одинъ голосъ воскликнули князь Мыскинъ и графъ Билинскій.—Интересно, что онъ скажетъ...

— Проси,—продолжалъ Науломскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жробавый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

ГЛАВА XI.

— Вы тутъ сидите да размышляете, какъ горю помочь,—началь старецъ—папа и мама намедни тоже заметались. Дѣло то сурьезное. Папа совсѣмъ голову потерялъ. Но мама—женщина умная, сейчасъ ко мнѣ: «Какъ ты думаешьъ, Григорій, если мы попросимъ ерманскаго царя помочь намъ?...

— Ну, пу?—заинтересованно вспинули брови сановники. У графа Билинскаго даже монокль выскочилъ изъ глаза. Онъ снова быстро вставилъ его въ глазъ и лицо его опять привяло каменное выраженіе какъ у идола.

— Тутъ я имъ подаль сонѣть добрый,—продолжалъ старецъ.— Я говорю царя ерманскаго шока трогать не слѣдъ. Онъ, моль, намъ потомъ пригодится. Да... Перво на перво, говорю, нужно противъ бунтовщиковъ направить казаковъ, съ нагайками. А во-вторыхъ, устроить войну...

— Всіну?—удивился князь Науломскій, перебивая рѣчъ старца,—шо съ кѣмъ же?

Григорій хитро прищурился.

— Вотъ то то, милаки, съ кѣмъ. Вы не знаете, а Григорій знаетъ. Онъ все знаетъ... Къ примѣру сказать, войну нужно начать съ желорызымъ японцемъ.

— Но позовольте,—возразилъ графъ Билинскій,—у насъ съ Японіей самыя лучшія отношенія. Никакихъ недоразумѣній нѣтъ. Какъ ле такъ, ни съ того, ни съ сего начинать войну. Кроме того, самъ царь еще недавно призывалъ Европу ко геообщему миру. Такъ образомъ выходить, что онъ явится первымъ парушителемъ совсѣмъ благородныхъ порывовъ?

— Эхъ, графикъ, графинѣ,—укоризненно покачалъ головою старецъ.—Мало, видно, ты смыслишь въ этомъ дѣлѣ. Мы такъ все обстряпаемъ, что будетъ похоже за то, что на насъ нападаютъ, а мы должны защищаться.

— Но какъ это сдѣлать?

— Есть рѣка Яла...

— Знаю. На нашей восточно-сибирской границѣ: Ну и что же?

— А то, что на этой на рѣкѣ орудуютъ Абаза и Алексѣевъ. Вотъ рѣкѣ и будетъ заковыка... Эге...

— Ничего не понимаю,—развелъ руками графъ Билинскій:

— Ну такъ сейчасъ поймешь. Японки на эту рѣку тоже засѣя. Вотъ ихъ нужно раздразнить. Понялъ?

— П царь съ этимъ планомъ согласился?—спросилъ молчавшій досеть князь Мышкинъ.—Неужели?

— Да — отвѣтилъ Григорій.

Затѣмъ онъ поднялъ кверху указательный палецъ и предупредилъ.

— Но вы у меня мотрите: что бы ~~шишку~~ ~~съ~~ ~~стаканомъ~~...

(Подолженіе слѣдуетъ):

Жробаый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

ГЛАВА XI.

Григорій поднялся съ мѣста.

— Ну, прощавайте,—сказалъ онъ, поочередно пожимая руки сановникамъ.—Мотрите,—снова предупредилъ онъ—пока, значитъ, молчокъ... Сейчасъ пойду къ Вите. Съ нимъ у меня должна быть важная бесѣда...

И застегнувъ свою подевку на все крючки, онъ вышелъ изъ кабинета, подпрыгивая и вихляясь, словно танцующій козель.

— Н-да,—задумчиво произнесъ послѣ ухода старца князь Науломскій—мужикъ сѣрь, да умъ у него, какъ говорилъ писатель Лѣсковъ, не чергъ сѣръ. Недаромъ мнѣ сообщили о немъ Сергѣй Юльевичъ много интереснаго.

— Что же именно?—интересовался князь Мышикинъ.

— Это, говорить, сила стихійная. Личность ботовдохновенная. Доти до царя и приблизиться къ нему не каждый сумѣеть. Тутъ потребны титаническія способности. Къ его, говорить, словамъ надлежитъ сугубо прислушиваться. А, вѣдь, Сергѣй Юльевичъ человѣкъ проницательный. И если онъ такъ говорить о старцѣ, то, значитъ, дѣйствительно, старецъ заслуживаетъ вниманія.

— По моему онъ просто проѣдоха,—скептически замѣтилъ графъ Билинскій. И помолчавъ немного, оправивъ монокль, заговорилъ:

— Но все же съ его мнѣніемъ я согласенъ. Въ немногихъ словахъ онъ проникъ въ самую суть государственной мудрости. Если все сойдетъ благополучно, нашъ монархъ долженъ быть ему благодарнымъ. Согласитесь, господа, что его мнѣніе имѣетъ свой безпорный резонъ. Народъ требуетъ реформъ, и преобразованій. Крестьянство волнуется, облытое каждой земли и раздѣла томѣющіхъ землѣй. Какъ быть? Если дать реформы—рухнеть идея самодержавія. Надѣлить землею крестьянъ—будетъ обиженъ господствующій классъ. Такимъ образомъ, единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія является война. Она задержитъ всѣ рожденія и отвлечетъ народъ въ сторону отъ его, скажу даже, законныхъ требованій. Война, несомнѣнно, кончится благопріятно для насъ. Ну, что представляетъ изъ себя Японія. Это ничтожная моська, которую нашъ слонъ раздавить однимъ движеніемъ хобота. Война, конечно, будетъ побѣдоносной и это надолго задержитъ народное движеніе. Итакъ, господа, мнѣніе старца надлежитъ поддерживать всемѣрно.

— Итакъ, война?—спросилъ князь Науломскій.

— Война, война!—отозвались князь Мышикинъ и графъ Билинскій.

Ахъ, эти люди, съ холодными сердцами карьеристовъ, привыкшіе смотрѣть на страну какъ на источникъ обильныхъ доходовъ и удовольствій, а на народъ—какъ на безотвѣтныхъ рабовъ. Они не подозрѣвали въ какую бездну ужаса ввергнетъ война Россію, какъ опозорить въ глазахъ всего міра. Они безъ зазрѣнія се-вѣсти, съ холодной гримасой надменности могли послать на убой сотни тысяч простыхъ людей. Для нихъ ничего не значили чужія страданія, кровь и слезы, голодъ и разореніе семей. Но кровь и слезы не проходятъ даромъ никому. Чаша мірового страданія, переполнившись, выливается на головы тѣхъ, кто эти страданія вызываетъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жробавый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

ГЛАВА XII.

Тяжелый плащъ душной лѣтней ночи повисъ надъ широкими просторами полей. По небу стремительно бѣжали разорванные клоочки облаковъ. Они казалось, беспорядочной толпой уносились вверхъ, возвращались вновь и смыкались въ темные тучи, предвѣщая грозу. Время отъ времени на горизонтѣ серебряно-матовыемъ свѣтомъ всыхивали зарвицы. И тогда на мгновеніе открывались даи полей, окаймленные чернымъ бордюромъ окрестныхъ лѣсовъ. Гдѣ то очень далеко слабыми вспышками мигало зарево, точно забытый костеръ въ степи.

Въ поляхъ было тихо и безлюдно.

Только одинокая фигура въ крестьянской рубахѣ и черной широкополой шляпѣ маячила въ мракѣ. Это былъ инженеръ Карамовъ, сильно пробирающийся къ опушкѣ лѣса. Обычно, онъ совершилъ свои путешествія по ночамъ, чтобы не попасть на глаза полицейскимъ птицамъ, въ избѣжіи присланнаго царскимъ правительствомъ въ районы, охваченные аграрнымъ движениемъ. Пребываніе Карамова въ этихъ мѣстахъ было выслѣдено. За нимъ гонялись по пятамъ, какъ за краснымъ зѣремъ. Но онъ всегда ловко ускользалъ изъ самыхъ затруднительныхъ положеній. Шинки рвали и ходили, производили безчисленные аресты невиновныхъ, но Карамова поймать не могли.

Приблизясь къ опушкѣ онъ тихо свистнулъ. Въ отвѣтъ изъ-за деревьевъ раздался такой же свистъ и вскорѣ на опушкѣ показалась фигура человѣка.

— Это вы, товарищъ, Вадимъ?

— Я, товарищъ,—отозвался Карамовъ.—Всѣ въ сборѣ?

— Въ избушкѣ лѣсника набралось человѣкъ сорокъ. Ждуть васъ. Идемте.

По узенькой тропинкѣ, едва замѣтно вьющейся между деревьями, они двинулись въ глубокую тѣшину и мракъ лѣса.

— Всѣ благополучно, товарищъ?—спросилъ Карамовъ.

— Вполнѣ. Нами привяты всѣ мѣры предосторожности началь довѣдывать спутникъ.—На опушкахъ выставлены дозоры. Чуть что—дадутъ знать Человѣкъ двадцать нашихъ вооружены револьверами. У товарища Нагорокаго имѣется даже бомба... За эти дни крестьяне разгромили еще три экономіи. Скоро движеніе охватитъ весь районъ. Пожѣшки бѣгутъ, бросая свои хозяйствва на произволъ судьбы. Вообще дѣло налаживается успѣшино.

— Я слышалъ,—замѣтилъ Карамовъ,—что при разгромѣ изгнанія князя Наулонасьаго, крестьяне вели себя цурво.

— Да,—согласился спутникъ.—Быть вѣломасть винный потребъ и многіе перепивши безобразничали. Уѣхали скотъ и грабили все, что попадало подъ руку.

— Очень, очень скверно,—произнесъ инженеръ съ прусью. Очень знать, что подобная дѣянія пьяныхъ крестьянъ дискредитируютъ все движеніе. Между тѣмъ, оно должно быть чистымъ, какъ кристаллъ. Только при такомъ условіи можно разсчитывать на успѣхъ. Ахъ, пьянство военда губило и будетъ губить русскаго Человѣка—думъ Карамовъ.—Старый противникъ строй самодержавія, шроновода и насилия держится на темнотѣ, ненѣжестѣ и народномъ пьянствѣ. Правители страны это прекраснѣо учитываютъ и заливаютъ Россію водкой, вместо просвѣщенія насаждая кабаки. Хотя поны, эти агенты самодержавія и проносятъ по проводникамъ прополки противъ пьянства, но само правительство пытаетъ о палецъ не ударить для его искорененія. Это для него не выгодно.

Карамовъ былъ впозѣ уѣръ, что если народъ сумѣетьъ себѣ избавиться отъ властныхъ чаръ «зеленаго змія», то парству Николая и его сатраповъ настуپитъ неизбѣжно гибельный конецъ.

— Вѣдь мы и пришли,—произнесъ спутникъ инженера.

Они подошли къ маленькой избушкѣ лѣсника, темнымъ силузтомъ вырисовывающейся за деревьями. Окна были закшаны. Изнутри доносился сдержаный шумъ многихъ голосовъ. Нѣсколько Человѣкъ сидѣло на крылечкѣ, очевидно за неимѣніемъ мѣста въ избушкѣ.

— Здравствуйте, товарищи,—поздоровался Карамовъ и открылъ двери...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жроба́бы́й тро́жъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Трепетный свѣтъ ночника тусью освѣщалъ внутренность лѣсной сторожки—тѣсной прокопченої комнаты и собравшуюся здесь толпу молодыхъ и пожилыхъ крестьянъ.

По временамъ красноватое пламя ночника вспыхивало болѣе ярко и тогда изъ полумрака, точно вырывались лохматыя головы, воклокоченныя бороды, волосатыя груди, виднѣющіяся изъ разстегнутыхъ воротовъ и мускулистыя руки землеробовъ. Собравшіеся располагались на лавкахъ, на подоконникахъ, сидѣли на полу, обхвативъ руками колѣни ногъ, обутыхъ въ лапти.

Въ переднемъ углу, за столомъ, около горящаго ночника сидѣлъ Нагорскій. По видимости онъ ничѣмъ не отличался отъ остальныхъ. Густо заросшій буйной растительностью бороды, одѣтый въ пестрячинную крестьянскую рубаху, отрубѣвшій и заторѣвшій, онъ производилъ впечатлѣніе крышаго мужика-пахаря, весь свой вѣкъ бродящаго за сохой. И только пленно на носу выдавало его принадлежность къ интеллигентному классу.

При появленіи Карамова собравшіеся привѣтствовали его радостными возгласами. Въ мѣстахъ, отваченныхъ аграрнымъ движениемъ, инженеръ пользовался огромной популярностью. Одно его появленіе ободряло крестьянъ, вливая въ сердца ихъ бодрость и вѣру въ успехъ задуманнаго дѣла. Въ свою очередь и полиція спѣшило мобилизовала всѣ свои силы для уловленія опаснаго агитатора.

Карамовъ сѣлъ рядомъ съ Нагорскимъ, положивъ на столъ широкополую свою шляпу. Онъ замѣтно постарѣлъ. Въ усахъ появились серебряныя нити сѣдины. Но взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ попрежнему былъ полонъ огня и решимости. И только складка на лбу говорила о проеждѣнныхъ невзгодахъ и о какой-то затаенной думѣ.

— Вотъ я и опять съ вами товарищи,—заговорилъ Карамовъ.—Я пришелъ сказать вамъ, что время словъ проходитъ. Впереди большая—ответственная работа. Нашъ нужно действовать... Но наши дѣйствія...—Тутъ голосъ Карамова зазвучалъ упрекомъ:—Должны выражаться не въ тѣхъ разнуданныхъ иступкахъ, которые имѣли мѣсто во время разгромаъ иѣкоторыхъ экономій.

— Это провокаторы работали — замѣтилъ высокій чернобородый крестьянинъ, съ густо нависшими бровями. Онъ точно оправдывался—нашъ братъ мужикъ теменъ еще и падокъ до водки.

— Между тѣмъ, намъ належитъ заниматься не потрошами,—продолжалъ Карамовъ,—а сливаться въ тѣсныя организаціи. И только тогда, когда мы сорганизуемся—можемъ продолжать нашу волю. Только тогда земля можетъ перейти въ руки трудящихся. И падутъ произволъ и насилие.

Карамовъ началъ было подробно развивать свой планъ на соціальное устройство жизни будущаго, но въ это время въ лѣсу раздался тревожный систъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жробавый тронъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Всѣ насторожились.

Вскорѣ дверь сторожки растворилась и на порогѣ ея появился блѣдный взволнованный крестьянинъ, очевидно, изъ тѣхъ дозорныхъ, что были разставлены на опушкѣ лѣса.

— Товарищи,—торопливо заговорилъ онъ,—сюда будутъ казаки... Лѣсь окружены: Спасайтесь...

Находящіеся въ сторожкѣ, за исключеніемъ Карамова и Нагорскаго, вскочили со своихъ мѣстъ. Поднялась суматоха. Нѣсколько человѣкъ, наиболѣе трусливыхъ, направились къ выходу.

— Насъ предали! Къ оружію, товарищи!—крикнулъ Нагорскій. Въ рукахъ его блеснула стволъ револьвера и появился узелокъ съ бомбой.

Видя суматоху, Карамовъ спокойно обратился къ присутствующимъ:

— Товарищи, прежде всего, сохраняйте порядокъ. Бояться нечего. Когда-нибудь намъ придется же встрѣтиться лицомъ къ лицу съ царскими опричниками. Мы докажемъ, что можемъ не только говорить, но и дѣйствовать. Пусть вооруженные выйдутъ впередъ. И если намъ придется умереть, то смерть ихъ зачтется какъ жертва за свободу.

Эти слова вождя подействовали успокаивающе.

Оставшіеся въ сторожкѣ спокойно по одному начали выходить наружу. Здѣсь уже собирались разрозненные кучки, чутко прислушивающіеся къ далекому стуку лошадиныхъ коньковъ и хрусту ломаемыхъ сучьевъ.

— Тихо,—командовалъ Карамовъ.—Погибнемъ, но не сдадимся. За мнай.

И толпа крестьянъ имъ предводительствовалася начала отступать въ глубину лѣса.

Нагорскій осторожно держа въ одной руки сверточъ съ бомбой полѣзъ на дерево.

— Это зачѣмъ?—спросилъ Карамовъ.

— Хочу какъ слѣдуетъ угостить тѣхъ, кто намъ мѣшаетъ,—овѣтиль вѣрный ученикъ.

Все стихло.

Къ сторожкѣ приближался отрядъ вооруженныхъ казаковъ. Ещереди, видимо, показывая дорогу, шагали два лошади, держа на-готовъ револьверы.

Подойдя къ сторожкѣ, отрядъ остановился.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жробавый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

XIII.

Наблюдавшій съ дерева за дѣйствіями отряда, Нагорскій видѣлъ, какъ двѣ темныя фигуры шинковъ нырнули въ сторожку. Изъ открытой двери вырвались тонкіе лучики свѣта изъ гтайныхъ фонарей. Вернувшись черезъ минуту къ офицеру шинки доложили, что въ сторожкѣ никого не было.

— Но я уѣренъ,—замѣтилъ одинъ изъ нихъ,—что тамъ только-что происходило собраніе... Много рваной бумаги и юкруковъ, И вообще...

— Чортъ знаетъ, что такое,—недовольно буркнула офицеръ,—изволь тутъ шутиться про лѣсу. Я говорилъ...

Офицеръ не успѣлъ закончить фразы, какъ въ этотъ моментъ изъ гаубины лѣса грянулъ револьверный выстрѣлъ, за нимъ—другой, третій и, наконецъ, прогромыхалъ дружинный залпъ.

Въ рядахъ всадниковъ произошелъ переполохъ. Раненая въ голову, лошадь офицера встала на дыбы, сбросивъ его на землю. Послышались стоны и ругательства раненыхъ. Казаки, ища спасенія отъ пуль вплотную сбились у сторожки.

— Теперь пора!—произнесъ Нагорскій.—Не надо давать имъ опомниться...

Онъ ловко взобрался на самый верхній сукъ дерева и, прицѣльвшись бросилъ бомбу въ самую гущу казаковъ.

Громовой взрывъ страшнѣмъ звомъ прокатился по лѣсу. Казалось, горы камней, все круша на своемъ пути, послышались въ бездну. Всѣдъ за тѣмъ, красный столбъ огня разорвалъ пополамъ лѣсную предразсвѣтную мглу.

Нагорскій замѣтилъ, какъ полетѣли кверху балки крыши и загораясь рухнули стѣны, а около нихъ корчились въ послѣдніахъ предсмертныхъ судорогахъ слуги произвола и насилия. Сразу упали иѣсколько лошадей, придавивъ своей тяжестью всадниковъ.

Оставшіеся въ скивыхъ вѣтвяхъ паликѣ бросились въ разсыпанную.

Одинъ изъ шинковъ съ окровавленнымъ лицомъ метался между деревьевъ, безцѣльно стрѣляя изъ револьвера. Онъ выпускалъ пули до тѣхъ поръ, пока не получилъ въ лобъ отвѣтную пулю. И паликъ, нелѣпо взмахнувъ руками, упалъ навснічъ.

Выстрѣлы со стороны революціонеровъ становились все рѣже и рѣже и, наконецъ, исчезли...

Нагорскій осторожно спустился съ дерева...

(Продолженіе слѣдуетъ)

Жробабый тронъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

XIV.

Послѣ постигшей царскихъ слугъ неудачи въ лѣсу, событія прияли для злосчастныхъ крестьянъ грозный характеръ.

Моментально въ Петербургъ полетѣли безконечныя телеграммы съ изложеніемъ происходящихъ событій. При чёмъ эти событія преувеличивались и раздувались до колоссальныхъ размѣровъ. Это требовалось администраціи района, которая вполнѣ правильно учитывала, что если движение подавить не удастся, то она не будетъ виновата, если же удастся—получить награды и повышенія по службѣ.

Изъ Петербурга предписывалось:

— Пресечь движение самыми решительными мѣрами. Кары налагать по усмотрѣнію губернаторовъ...

И вахханалія этого «усмотрѣнія» начались. Мужички села Волынова не забудутъ чѣмъ надѣйались ими вкакуцій.

Въ это село раннимъ лѣтнимъ утромъ во главѣ банды казаковъ прибылъ губернаторъ. Это былъ преданный самодержавію, какъ собака, свирѣпый, бездушный бюрократъ изъ молодыхъ карьеристовъ, кое упрочивали свое положеніе суроными репрессіями надъ крестьянами и на костяхъ замученныхъ воздвигали себѣ лѣстницы для прохожденія къ высокимъ постамъ и жирнымъ окладамъ.

Приѣхавъ въ село онъ вызвалъ сельского старосту. И когда послѣдній предсталъ предъ грознымъ очи начальства, губернаторъ, кичась своими регалиями, заоралъ:

— Ты что же, сукинъ сынъ, за чѣмъ смотришь? Тутъ у тебя бунтъ происходит, а ты и ухомъ не ведешь, ты для чего поставленъ? Говори, мерзавецъ? А?

Дрожащий какъ осиновый листъ въ побѣдившій, точися бумага, староста залепеталъ, чувствуя, какъ у него подгибаются колѣни:

— Я... я... ваше превосходительство...

— Молчать,—гаркнулъ сатрапъ. Онъ выхватилъ у ряда стоявшаго казака ногайку и ею изъ всѣхъ силъ ударилъ по лицу старосты. Брызнула кровь и тоненькими алыми струйками покатилась по сѣй бородѣ.

— Сейчасъ же собрать сюда всѣхъ бунтовщиковъ. Живо...

Награжденный иѣсколькими ударами ногайки въ спину, староста заковылялъ по селу. Около каждого окна онъ останавливался, стучалъ палкой о рамы и срывающимся голосомъ отдавалъ распоряженіе:

— На сходъ...

Нѣкоторые изъ наиболѣе замѣшанныхъ крестьянъ смѣнули, что за «сходъ» собирается и пытались задами улизнуть въ лѣсъ. Но кругомъ деревни предусмотрительно были разставлены казаки, которые ловили бѣглцовъ и доставляли на средину села.

Безбоязненношли только старики, которые чувствовали свою правоту. Но это не спасло ихъ отъ расправы.

Солнце поднималось все выше и выше, посыпая свои рассказанные лучи-стрельы на измученную землю. И съ повышением температуры все более и более съвершился губернаторь. Гардуй на своемъ конъ въ кольцъ казачьаго ограда онъ щелкалъ когда будуть собраны всѣ крестьяне. У него былъ надутый, напыщенный видъ властелина, готоваго только карать, но не миловать. Онъ особенно храбрался, чувствуя всю полноту власти и видя безоружныхъ мужиковъ, сбившихся въ кучу, точно стадо, и дрожащихъ въ предчувствии кровавой расправы.

И когда всѣ были собраны онъ грозно крикнулъ:

— Шашки долой, негодли..

Обнажились лопматыя головы, заблестѣли на солнцѣ, какъ биллардные шары, лысины древнихъ стариковъ.

— На колѣни, сбодочи!..

Мужики, какъ одинъ человѣкъ, улади на колѣни въ ширь улицы. Замелькали въ воздухѣ загрубѣвшія въ работѣ руки, осѣняющія себя крестнымъ знаменемъ.

Послышались склонстныя причитанія:

— Не шогубите. Явите Божескую милость.

— Молчать! Всѣхъ запорю. Пусть выходятъ впередъ зачинщики. Живо.

— Нѣть у насть смутяновъ, батюшка,—пролепеталъ дряхлый старикъ съ слезящимися глазами.

— Не разговаривать!

Губернаторъ поднялъ ногайку и хлестнулъ ею старика прямо по лицу.

И снова обратился къ землеробамъ:

— Если сюю минуту не выдадите зачинщиковъ—всѣхъ забью до смерти.

Среди мужиковъ пронесся сдержаный гулъ. Точно листья деревьевъ зашумѣли подъ вѣтромъ. Изъ толпы вытвѣрились нѣсколько человѣкъ.

— Староста, записывай...

Трясущимися руками староста началъ заносить имена провинившихся въ тетрадку.

— Минита Бажевъ...

— Взять—командовать губернаторъ.

И дюжіе казаки подхватили подъ руки бѣднаго Накиту и отводили въ сторонку.

— Пахомъ Ермиловъ.

— Назаръ Носовъ.

И когда «провинившихся» набралось достаточно, губернаторъ отдалъ приказаніе:

— Розогъ.

Моментально откуда-то полвились цѣлые пучки свѣже нарѣзанныхъ прутьевъ.

Нѣкоторые изъ выданныхъ слялись и божились, что они не при чёмъ, что они и не думали бунтовать, но кровожадный сатрапъ не хотѣлъ слушать никакихъ резоновъ.

— Снять съ нихъ штаны...

И началась дикая расправа надъ беззащитными.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жробавый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

XIV.

Дикая экзекуція началась съ злосчастнаго Никиты Ежова, котораго толпа выдала въ самомъ началѣ. Съ него сняли пітаны, закинули на голову рубаху и крѣпко привязали веревками къ широкой скамейкѣ, игравшей роль «кобылы».

Гибкіе ивовые прутья были сплетены въ толстые жгуты. Два палача встали другъ противъ друга и взмахнули розгами, зловѣще засвиставшими, разсѣкая воздухъ.

Губернаторъ посмотрѣлъ на свои браслетные кавалерійскіе часы, желая руководствоваться временемъ, а не количествомъ ударовъ. Отдалъ команду:

— Начинай...

Равномѣрные и жгучіе удары съ плеча начали падать на сбнаженное тѣло истязуемаго.

— У-ой—раздался хрипло-пронзительный, чисто звѣрійный вопль, заставившій содрогнуться всю толпу сбитыхъ въ кучу крестьянъ.

Вокорѣ все тѣло несчастнаго превратилось въ кусокъ изрѣзаннаго мяса, отъ котораго отрывались клочья окровавленной кожи...

Стоны все усиливалась и усиливалась и, достигнувъ крайняго предѣла страданія и боли, наконецъ, смолкли.

Никита лишился сознанія.

Губернаторъ бросилъ взглядъ на часы.

— Доволи...

Избитаго человѣка отвязали, сняли со скамьи и оттащили съ стороны, не позабывъши шарикрыть его наготу. Моментально цѣлые розы музъ обѣшили изъязвленное окровавленное тѣло страдальца.

— Слѣдующій—отдалъ приказъ губернаторъ, любуясь циферблаторомъ часовъ.

Въ этотъ моментъ къ нему, сквозь ряды крестьянъ пробилась жена Никиты. Волосы ея были растрепаны, глаза горѣли стнемъ ненависти и мести. Остановившись около царскаго сатрапа она истошнымъ голосомъ закричала:

— Кровопивецъ! Гдѣ такое правило, чтобы такъ быть. Будь ты проклятъ.

— Взять эту бабу и сейчасъ же выпороть—буркнуль губернаторъ.

Женщина забилась въ сильныхъ рукахъ палачей, кусалась и все стремилась выпаранить сімъ глаза. Но съ неї они быстро справились, приврѣтивъ веревками къ скамьѣ.

— Прикаже заголить?—спросилъ одинъ изъ палачей, дѣлая подъ козырекъ.

— Обязательно.

Обнажилась крупная загорѣлая спина и крѣпкая полныя ноги.

Ее били жестоко и беспощадно, чтобы угодить губернатору. Но женщина, стиснувъ зубы, не издавала ни одного звука и губернаторъ, предполагая, что ее сѣкли не особенно болюно, распорядился усилить удары.

Палачи не заставили повторять приказаніе. Розги яростно

засвистали. Но несмотря на то, что тъло женщины превратилось въ безформенную массу,—она попрежнему молчала.

— Терпѣмая, сволочь—гнусно ухмылялись казаки.

И когда ее отвязали и бросили рядомъ съ безчувственнымъ Никитой, она вдругъ вскочила на ноги, снова подбѣжала къ губернатору, отхаркнула и плюнула прямо въ напыщенное, выхоленное лицо истязателя. Губернаторъ передернуль усами, вытеръ плевокъ бѣлосѣжнымъ своимъ платкомъ и зычно заревѣлъ, точно раненый звѣрь:

— Всѣхъ выпороть поголовно.

Женщина, какъ подкошенный стебель, безъ чувствъ упала въ горячую пыль улицы.

— Больше скамей и розгъ—ораль губернаторъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жроба́бый тро́жъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Жаркий день склонялся къ вечеру.

Въ багрово-красный тучи опускалось солнце, точно погружалось въ кровавую ванну. Повѣяло легкой прохладой. Но безумная расправа царскихъ палачей надъ беззащитными крестьянами все еще продолжалась. Пороли безъ разбора правыхъ и виноватыхъ, какъ приказалъ губернаторъ. Пороли на скамейкахъ и прямо на землѣ. При чёмъ за недостаткомъ казачьихъ рукъ самихъ крестьянъ заставляли держать за ноги другъ друга.

Вопли и стоны наказываемыхъ, пронзительный визгъ дѣтей, наблюдавшихъ за расправой надъ ихъ родителями, вѣсѣли надъ горемычнымъ селомъ въ продолженіе всего днія. Горы окровавленныхъ розогъ валялись всюду...

Почти поздня губернаторъ самъ руководилъ порокой, но затѣмъ утомился и предалъ дальнѣйшее веденіе дѣла казакамъ, которые и наказывали «по вдохновенію». А губернаторъ присѣлъ на скамейку подъ гѣнью дерева, наблюдая за экзекуціей.

Презрительно-свирѣпая гримаса не сходила съ его лица.

Онъ какъ бы упирался въ чѣніи ему властью надъ темными безотвѣтными рабами. Въ мучительныхъ стонахъ истязаемыхъ ему слышались другие звуки. То были звуки восторженныхъ похвалъ, безкопечныхъ благодарностей, которыхъ выпадутъ на его долю, когда онъ послѣ «усмирѣнія» вернется въ свою резиденцію... Онъ думалъ о тѣхъ наградахъ и звовыхъ регалияхъ, которыхъ не преминуть украсить свободныхъ мѣста на его мундирѣ по велѣнію изъ Петрограда.

И онъ самодовольно посматривалъ на свою грудь, какъ бы уже зрилъ на ней сверкающіе звѣзды и кресты... Петербургъ любитъ энергичныхъ, преданныхъ трону людей и возвышаетъ всѣхъ, кто суроно, тошираетъ «смѣя крамолы». Но жалкій рабъ престола не зналъ, что кровь и слезы не проходятъ даромъ. За всѣ злодѣянія приходитъ расплата, какъ опредѣленная неизбѣжность, какъ вознездіе за черное злодѣяніе!..

Когда совсѣмъ стемнѣло губернаторъ приказалъ оставшихся невышоротыхъ охужиловъ отправить въ волость и посадить въ холодную тираду до его распоряженія. Мужикамъ связали руки и ноги имъ, какъ садо, изъ родового села.

Часть казаковъ освободившихъ движущись съ гиканьемъ и юроняни, точно лишиль большой побѣды надъ врагомъ.

Далѣе вынѣди въхалъ губернаторъ, предаваясь сладостнымъ мечтамъ объ ожидающихъ его повышеніяхъ на административной лѣстнице...

Ограйдъ ворвался въ лѣсъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кровавый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

XV.

Почти цѣлый день въ окрестности лѣсу блуждали Каразовъ и Нагорскій. Это было единственное мѣсто, гдѣ они могли считать себя въ безопасности. По деревнямъ, селамъ и болотамъ дорогамъ, всюду рыскали шпиги и стражники и показывались на людяхъ было рисковано.

О прибытии карательной экспедиціи въ село Волытово ихъ уведомилъ трактирщикъ Митричъ, сообщившій кстати, что и другія села ждѣтъ та же печальная участь. О совершающейся расправѣ они узнали по доносившимся воплямъ...

Оба товарища были вооружены: Каразовъ револьверомъ, а Нагорскій несъ за плечами винтовку, найденную имъ въ ту памятную ночь въ лѣсу, когда онъ такъ удачно угодилъ царскихъ опричниковъ бомбой.

Теперь Нагорскій горѣлъ местью къ прибывшему для кровавой расправы губернатору. Въ тѣ минуты, когда доносившій изъ села волы уодливались, онъ весь сжимался, какъ стальная спираль; глаза его металли молнии гнѣва, онъ яростно потрясалъ пулаками и отрывисто произносилъ:

— Каѳеру дѣлаешь, прохвость... Подожди же... позаду я тебѣ каѳеру... Попадешься... Нѣть, не уйдешь...

— Хладнокровіе, другъ мой, хладнокровіе,—спокойно замѣтилъ Каразовъ.

— Ахъ, Вадимъ Викентьевичъ!—воскликнулъ Нагорскій—какое можетъ быть хладнокровіе? Если бы вы знали, какъ душа моя горитъ местью... Вотъ ужъ сколько времени мы работаемъ, но цѣль попрежнему все еще такъ далека. И временемъ мнѣ кажется, что она не только не приближается, а наоборотъ, отходитъ все дальше и дальше, точно огонекъ въ степи или миражъ пустыни. Мы напрягаемъ всю силу воли, несемъ тиганическій трудъ. Мы новые Атланты, взявшіе на плечи свою бремя человѣчества! Но на пути нашемъ возникаютъ все новые и новые препятствія. Напимъ усилятъ противостоятъ грубая сила. Нашей дробной работѣ—правильно организованная армія разбойниковъ, предателей и убийцъ. Разумъ народа затмняется. И насть страстотерпцевъ за народъ выставляютъ разбойниками... Можно ли ко всему этому относиться хладнокровно?..

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жробабый тронъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

Карамовъ молча слушалъ изліянія своего ученика и, когда толь кончилъ, заговорилъ спокойно, вкладывая въ интонацію своего голоса всю обаятельную убѣдительность. Нужно было влить цѣлительный бальзамъ въ смятенную отъ неудачъ душу.

— Все это вѣрно, другъ мой. И можетъ быть, большія препятствія возникнутъ на пути нашей. Но все же мы чувствуемъ огонь правды въ достижениіи нашей цѣли. И знаемъ, что за темными тучами открываются лучезарные горизонты. Пусть суровъ и тернистъ предстоящій путь, но развѣ мы должны останавливаться на полдорогѣ? Мы предчувствуемъ грядущій съѣгъ освобожденія и поричуемъ персту узазующему. Мы слышимъ вѣтреній голосъ, быть можетъ, то голосъ Бога, который насъ призываѣтъ:

— Идите, стражники, все впередъ и впередъ...

Карамовъ помолчалъ немногі и затѣмъ продолжалъ:

— Возможно, что такихъ мечтателей, какъ мы, немногі, но во всѣхъ насть горятъ искры грядущихъ пожаровъ, зрѣютъ сѣмена освобожденія. Намъ трудно, намъ тяжело, но вслomный, другъ мой, золотыя, слова поэта: «Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды». Посмотри!

Онъ поднялъ руку кверху. На темномъ плантѣ неба въ просвѣтахъ перепутавшихъ вѣтвей виднѣлись осѣпительные брилліанты звѣздъ.

— Когда-то по небеснымъ свѣтиламъ, — продолжалъ Карамовъ, — мореплаватели правильно вели корабли и приходили къ цѣли. Мы, мечтатели — какъ звѣзды, указывающія путь заблуждающемуя человѣчеству...

Карамовъ не успѣлъ кончить рѣчи, какъ сзади послышался хрустъ вѣтвей и стукъ лошадиныхъ копытъ.

Оба спутника, точно по молчаливому уговору, свернули съ дороги и залегли въ кусты. Нагорскій приложилъ къ плечу свою винтовку и напрягая зреніе сталъ цѣлиться въ однокато всадника медленно бѣдущаго по дорогѣ. То былъ губернаторъ. Нагорскій узналъ его по бѣлому кителю и по тромыхиванію аксельбантомъ.

— Однимъ «побѣдителемъ» будетъ меныше, — злобно прошепталъ Нагорскій, плотнѣй прижимая къ плечу ружье.

Когда губернаторъ былъ въ нѣсколькоихъ шагахъ, лѣсную тишину прорѣзъ звукъ выстрѣла, тутко прокатившійся среди деревьевъ. Тяжело встрепенулись сонныя птицы и точно шалы закружились надъ своимъ гнѣздами.

Карамовъ видѣлъ, какъ грузно упалъ съ коня на дорогу сраженный пулей губернаторъ. Лошадь его бѣшено понеслась впередъ.

Къ мѣсту происшествія газопомъ неслісь базаки, что-то кричали и ругались.

Карамовъ и Нагорскій безшумно и незамѣтно скрылись въ деревьяхъ. Лѣсная тьма не выдала ихъ тайны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жроба́бы́й тро́жъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

XVI.

Убийство губернатора ни сколько не смущило царскихъ нала-
чей. Они проявляли себя все новыми и новыми кровавыми набѣ-
гами на бѣззащитныхъ крестьянъ. Волынская экзекуція яв-
лялась какъ бы образцомъ, по которому и производились каратель-
ные расправы... Такимъ образомъ, вспыхнувшее восстание было
задушенено и залито кровью.

Почти совершенно разочарованный въ лучшихъ своихъ на-
деждахъ Карамовъ съезжалъ въ Москву, чтобы въ мѣстѣ съ
Нагорскими примкнуть къ революціоннымъ организаціямъ, кото-
рыя начали здѣсь образовываться.

Наступила мрачная пора осени.

По вечерамъ въ глухихъ, отдаленныхъ отъ центра переулкахъ
было темно и тихо. Рѣдкіе горѣліе фонари и низенькие дома тону-
ли въ полумракѣ. Зато ярко и фантастично было на главныхъ
улицахъ, залитыхъ миллионами электрическихъ солнцъ. Разно-
цѣѣтными огнями свѣтились витрины въ богатыхъ магазинахъ.
Привѣтливо мигали выѣжжики кинематографовъ. Огромные свѣ-
товые рекламы позѣтливо рассказывали о модахъ, часахъ, мылахъ,
предметахъ роскоши и о прочихъ нужныхъ и зенужныхъ вещахъ
культурнаго человѣка.

Среди шумнаго базара людской толпы лавировали автомоби-
ли. По блестящему рельсамъ плавно пробѣгали вагоны трамвая,
отсвѣтливая злыми синими вспышками. Безконечной вереницей тяну-
лись экипажи.

Искристо бурлила и пѣнилась жизнь большого города и
былъ своеобразенъ ея неумолкаемый шумъ.

На свѣжаго человѣка Москва производила впечатлѣніе ко-
лоссальнаго чудовища, загадочнаго сфинкса. И ея непрерывная
жизнь, сотканныя изъ звуковъ жѣлѣза и камня, резины и стали,
автомобильныхъ тудковъ и вскриковъ, дѣйствовала пугающе-
злѣкимъ образомъ. Казалось, огромный какой-то механизмъ пре-
менивалъ здѣсь жизнь людей и животныхъ жестоко и беспощадно.

Поднявъ воротникъ пальто, нахлобучивъ на лобъ шляпу, за-
ложивъ руки въ карманы, Карамовъ съ самаго утра безцѣльно

Бродилъ по городскимъ улицамъ, всякий разъ инстинктивно вздрагивая при каждомъ рѣзкомъ звукѣ.

Ему казалось, что всѣ эти многочисленныя улицы, дома-небоскрѣбы, автомобили, экипажи, шумливая толпа—одно неотвратимое несчастіе, которое протягиваетъ къ нему свою кицную лапу, съ цѣлью схватить его за горло и задушить въ безжалостныхъ своихъ объятіяхъ.

Среди грандиознаго потока людей, встрѣчныхъ лицъ и обгоняющихъ спинъ Карамовъ чувствовалъ себѣ какимъ-то затеряннымъ и страшно одинокимъ. Тоскливое настроеніе отравило его сердце и дѣлала больно. Въ душѣ шѣли ноты печали и разочарованія.

На Страшной площади, тѣмъ движеніе было особенно сильно и городовой наблюдавшій за порядкомъ едва успѣвалъ сѣять распоряженіе. Карамовъ простоялъ, задержанный проѣздомъ экипажей. Въ это время чья-то рука опустилась на плечо Карамова.

— Добрый вечеръ, Вадимъ Викентьевичъ.

Карамовъ оглянулся.

Передъ нимъ, улыбаясь, стоялъ директоръ угольныхъ копей Платонъ Сергеевичъ Ропотовъ. Онъ былъ въ сѣромъ англійскомъ пальто, въ блестящемъ цилиндрѣ.

— Гора съ горой не сходятся—заговорилъ онъ дружески пожимая руку Карамова—какими судьбами здесь?.. Давно?..

— Всего нѣсколько дней,—ответилъ Карамовъ.

Они пошли рядомъ.

— Очень, очень давно о васъ не было ни слуху, ни духу—продолжалъ Ропотовъ—тѣ же вы пропадали?

— Въ медвѣжьихъ углахъ. Въ глуши...—уклонился отъ прямого отвѣта Карамовъ.

— И чѣмъ вы тамъ были заняты?

— Хандрай.

— Очень милое занятіе—усмѣхнулся директоръ. И взглянувъ въ лицо своего спутника добавилъ:

— Но кажется вы и до сихъ поръ занимаетесь тѣмъ же? У васъ совершенно большой видъ... Вамъ нужно встряхнуться. Щемите. Меня въ одномъ мѣстѣ ждетъ компанія мылыхъ людей... Ознаменуемъ нашу случайную встрѣчу.

— Пожалуй,—согласился Карамовъ.

Директоръ позвалъ извозчика.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жробабый тронъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

XVI.

— Однако, Вадимъ Викентьевичъ, что же съ вами?—спросилъ Ропотовъ, когда они сѣли въ пролетку извозчика.—У васъ какой-то, собственно говоря, панихидный видъ.

— Право не знаю,—уклонился Карамовъ,—можетъ быть, отъ одиночества.

— Но разъ вы разошлись съ супругой?

— Не разошлись, но давно потеряли другъ друга изъ виду—со вздохомъ сгвѣтилъ Карамовъ.—И вотъ теперь я совершенно одинокъ. Недавно прѣхаль сюда. Брошу безцѣльно по улицамъ, смотрю на всю эту городскую суету и думаю: въ этой каменной громадѣ живутъ миллионы людей, но нѣтъ ни одного близкаго человѣка. Всѣ—чужие. И для меня, желающаго отдохнуть душою, нѣтъ уюта... А это очень тяжело.

— Да, у васъ хандра самая настоящая—замѣтилъ Ропотовъ, закуривая папиросу.—Скажите: вы такъ-таки въ не знаете, гдѣ находится Анна Игнатьевна?

— Совершенно не знаю. Живу отшельникомъ.

Онъ снова вздохнулъ, вспомнивъ дорогія черты... О, пепельный локонъ буйно вьющійся надъ розовою раковинкою уха. Гдѣ ты?! На мгновеніе мелькнула и другой образъ, встрѣченный когда-то лѣтней ночью въ полѣ, когда кровавое зарево полыхало на горизонѣ. Онъ тоже не забыть. И все еще свѣтить загадочной звѣздой сквозь мракъ одиночства на тернистой дорогѣ его жизни. На пути безъ счастья и безъ любви.

Всѣ эти мысли мознѣенно промелькнули въ головѣ инженера и ему сдѣлалось жалко себя.

Тѣмъ временемъ, извозчикъ по приказанію Ропотова остановился у подъїзда дорогого ресторана.

— Вотъ мы и прѣхали,—сказалъ директоръ, разгружаясь съ пролетки.—Идемте.

Въ огромномъ залѣ ресторана ослѣпительно горѣли хрустальныя люстры. Было нарядно и шумно. Струнныи румынскій оркестръ исполнялъ, что-то восточно-вечерннее. Казалось, бѣлая лѣвушка стояла на берегу моря и пѣла тосклившую пѣсню вслѣдъ уходящему кораблю.

Давно отвыкшій отъ культурнаго общества, отъ дорогихъ ресторановъ Карамовъ почувствовалъ себя, какъ во снѣ. Ропотовъ знакомилъ его съ какой-то компанией мужчинъ, всѣ лица которыхъ сливались въ одно.

Шуршаніе шелковаго платья мимо проходившей дамы вывело его изъ разсѣянной задумчивости. Что-то знакомое показалось ему въ фигурѣ этой дамы, за которой слѣдовали два тонисанно одѣтыхъ господина.

«Она,—подумалъ Карамовъ,—но не Анна, а та другая...»

(Продолженіе слѣдуетъ),

Кровавый троихъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

XVII.

Молодая дама, не замѣтивъ устремленного на нее взгляда, прошла мимо и скрылась за дверями кабинета.

— На кого вы такъ воззрились, Вадимъ Викентьевичъ? — спросилъ Ропотовъ.

Карамовъ оглянулся. Провелъ рукой по лицу и отвѣтилъ:

— Извиняюсь, господа, мнѣ показалось, что прошедшая мимо насть дама, мнѣ знакомая.

Сидѣвшій въ компаніи съ Ропотовымъ, тучный господинъ, фамилія котораго была Туземскій, и профессія — адвокатъ, замѣтилъ:

— Это княгиня Надломская. Вы ее знаете?

— Встрѣтилъ однажды, — произнесъ Карамовъ. — Но зачѣмъ она здѣсь?

— О, это оригинальная особа! — воскликнулъ Туземскій — при чѣмъ ея красота граничитъ съ ея цѣломудріемъ.

Туземскій началъ разсказывать о княгинѣ. Отпивая изъ бокала вино, онъ говорилъ:

— Она разошлась съ мужемъ. Этотъ бирократъ былъ, видимо, не въ ея вкусѣ. Тешеръ она ведетъ разсѣянный образъ жизни, имѣть много поклонниковъ, но ни одинъ изъ нихъ не пользуется у нея никакимъ преимуществомъ. Она ихъ водитъ, какъ голодныхъ псовъ мимо мясной лавки на щѣлочки, вооруженная хлыстомъ нравственности. По ея словамъ, она однажды встрѣтила идеальную мужчину, который хотя и не отвѣтилъ на ея призывы любви, но зато оставилъ въ душѣ ея сильное впечатлѣніе. Очевидно, она задалась сумасбродной мыслью разыскать его и принадлежать только ему. Вы знаете, господа, домъ баронессы фонъ-Дервізъ.

— Я слышалъ объ этомъ домѣ, — отвѣтилъ Ропотовъ.

— Нѣкоторыми ригористами, — продолжалъ Туземскій, — освѣщеніе дома баронессы считается предосудительнымъ. — Тамъ совершаются то, что коробить чувство такъ-называемой нравственности. И дамы, ее посѣщающія, нерѣдко украшаютъ своихъ супруговъ весьма вѣтвистыми рогами. Но княгиня, бывая здѣсь очень часто, остается попрежнему въ ореолѣ незапятнанной нравственности. Скажите, развѣ это не оригинальная женщина?

Карамовъ внимательно слушалъ разглагольствованія адвоката и въ душѣ его вспыхивало какое-то предчувствіе.

Вспоминался разговоръ съ княгиней въ корчмѣ, въ то время, когда она очнулась отъ обморока и впервые остановила на немъ свое вниманіе, какъ на спасителя.

Вспоминался ея обжигающей, притягивающей взглядъ, который какъ бы говорилъ тогда же: «ты мнѣ нравишься».

Карамовъ молчалъ. Пилъ вино. Слушалъ музыку. И мысли его снова блуждали далеко.

Постепенно, подъ вліяніемъ хмеля, розовой гуманъ заводилъ сознаніе. Голоса говорившихъ и спорившихъ сливались въ одну гамму и гудѣли точно огромный хоръ шмелей, пролетающихъ въ воздухѣ.

И только милое лицо въ ореолѣ сѣтей косъ горѣло, какъ золотая звѣзда, горѣло въ туманной дали.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жроба́бый тро́жъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

— А хотѣль бы я побывать въ домѣ баронессы,—вдругъ до-
неслась до слуха Карамова фраза директора.

— Что жь,—отвѣтилъ Туземскій,—мы можемъ пойти къ ней
хоть сегодня. Согласны?

Ропотовъ обратился съ вопросомъ къ Карамову:

— Вадимъ Викентьевичъ, єдемъ.

И Карамовъ, подчиняясь какой-то необъяснимой волѣ, согла-
сился. Можетъ быть, вѣрилъ въ то, что его ожидаетъ желанная
встрѣча.

Они сѣли въ экипажъ и отправились.

По дорогѣ адвокатъ Туземскій расписывалъ прелести пребы-
ванія у баронессы:

— У нея бываетъ весь цвѣтъ административнаго, капитали-
стического и художественнаго міровъ. Для интимныхъ друзей
баронессы тѣть ни въ чёмъ отказа. Князья, графы, зрущные
фабриканты и банкиры могутъ требовать любыхъ развлечений и
наслажденій. Но кромѣ этого она пользуется популярностью, какъ
благотворительница, устраивая пріюты, богадѣльни, различные
спектакли и концерты съ благотворительной цѣлью. Конечно бѣд-
нымъ отъ всѣхъ этихъ операцій,—усмѣхнулся Туземскій—достаетъ
развѣ только обороночительная улыбка. Но все же слава баро-
нессы гремитъ... Она велика и знаменита въ своемъ родѣ.

Помолчавъ лѣмнога, адвокатъ продолжалъ:

— Да, господа, только при существующемъ строѣ возможны
такія волшебныя учрежденія, гдѣ можно съ исчерпывающей пол-
нотой выпить чашу наслажденія.

Оль снова усмѣхнулся:

— При демократическомъ строѣ все это должно отойти въ
область преданий. Гнусный это будетъ строй.

Послѣдняя фраза хлестнула Карамова, какъ бичомъ:

— Позвольте,—вскрипѣлъ онъ,—значитъ, вы оправдываете строѣ
насилія и рабства? Оправдываете всю ту грязь, которую прикры-
ваетъ тронъ?

— Конечно,—пожалъ плечами адвокатъ.—Безъ насилия
нѣть порядка. А когда нѣть порядка,—получается анархія. Я же
не поклонникъ анархіи.

— Значитъ, вы считаете, что все, что совершаются, такъ и
должно быть? А вся пролитая кровь народа развѣ не возошіетъ
къ небу?

— Ахъ, Господи,—недовольную сдѣлалъ грамасу Туземскій,—
да намъ-то какое до этого дѣло. Пусть вошетъ...

— Вы—дышишь.

(Продолженіе слѣдуетъ),

Жробабый тронъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
Романъ П. Ордынского.

— Вотъ съ этимъ я согласенъ. Я—цыаникъ и не желаю быть инымъ. Въ молодости я былъ идеалистомъ. Но понюхавъ тюрьмы и ссылки пересталъ вѣрить въ идеалы. Отдалъ всѣ свои идеалы на растерзаніе молодежи. Пусть она ими позабавится. Я считаю всѣ идеалы игрушками, которыми могутъ играть только дѣти. Мы серьезные люди должны устраивать только свою личную жизнь...

— Какъ это эгоистично...

— Очень эгоистично. Но и вся-то жизнь построена на эгоизмѣ... Когда я былъ молодъ и жертвовалъ собою я тоже руководствовался только чувствомъ эгоизма, считая, что моя любовь къ народу вознесетъ меня на щедесталь вождя или пророка.

Туземскій долго еще говорилъ на эту тему, но Карамовъ его почти не слушалъ. Онъ лишь задавалъ себѣ тревожный вопросъ:

— Неужели такихъ, какъ онъ, мучениковъ за идею, такъ мало и свѣтильники вами зажженные должны погаснуть, какъ искры, изкрапленные въ сырой туманъ?

Тѣмъ временемъ экипажъ остановился у роскошнаго палаццо въ стилѣ «модернъ» съ причудливымъ подъѣздомъ, освѣщеннымъ круглымъ зеленымъ фонаремъ.

Огромнаго роста арапъ-швейцарь, въ богатой ливреѣ восточнаго рисунка, распахнулъ массивныя двери и могъ поклонился вошедшемъ гостямъ.

— Мистеръ Броджеръ здѣсь?—спросилъ Туземскій.

— Есть,—отвѣтилъ арапъ, обнаживъ свои юѣлые зубы.

По лѣстницѣ, убранной тропическими растеніями и дорогими коврами, гости поднялись наверхъ.

Здѣсь ихъ встрѣтилъ красивый мальчикъ въ черной бархатной курткѣ, расшитой золотомъ, и въ такихъ же панталонахъ.

Въ рукахъ онъ держалъ серебряный подносъ, предназначенный для визитныхъ карточекъ, которыя и были положены гостями на подносъ.

— Теперь придется обождать нѣсколько минутъ, — замѣтилъ Туземскій.—Сядемте, господа.

Онъ указалъ на кушетку около фальмъ, проговоривъ:

— При впускѣ гостей здѣсь царить самый строгій этикетъ.

Ровно черезъ тѣ минуты снова появилась фигура красиваго мальчика.

— Мистеръ Броджеръ просить пожаловать въ кабинетъ.

Просторный кабинетъ секретаря баронессы утопалъ въ зеленомъ полумракѣ. Всюду виднѣлись мягкие ковры фантастическихъ рисунковъ. Чучела различныхъ птицъ, охотничіе ружья и книжки, оправленные въ серебро и золото, были разѣшены по стѣнамъ. Огромный письменный столъ, заваленный различными бездѣлушками искусствъ работы, стоялъ противъ большого венеціанскаго окна. Полосатая шкура леопарда была небрежно брошена около высокаго кресла, формой своей напоминающаго грифа.

Въ кабинетѣ было тихо.

Затѣмъ гдѣ-то послышались шаги. Безшумно раздвинувъ тяжелая бархатная портьера и самъ мистеръ Броджеръ вошелъ въ кабинетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Жроба́бы́й тро́жъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Это былъ высокій, вылощеный господинъ, англійской складки, тщательно выбритый. Отпечатокъ ледяного спокойствія лежалъ на его нѣсколько утомленномъ лицѣ. Казалось, это лицо никогда не озарялось улыбкой.

Онъ протянулъ руку Туземскому.

— Добро пожаловать,—сказалъ онъ съ замѣтнымъ англійскимъ акцентомъ.

— Позвольте, мистеръ, представить вамъ моихъ друзей.

Туземскій назвалъ фамиліи.

— Очень радъ, очень радъ.

И на бритомъ лицѣ секретаря появилось нѣчто въ родѣ улыбки. Было похоже на то, будто улыбнулась лошадь.

— Баронесса очень рада вашему прибытію. Прошу васъ джентльмэнѣ слѣдовати за мною.

Гости прошли вслѣдъ за секретаремъ въ огромный залъ съ бѣлыми мраморными колоннами, въ глубинѣ котораго виднѣлась открытая сцена. Залъ былъ освѣщенъ таинственнымъ свѣтомъ, который проникалъ съ потолка изъ невидимыхъ лампочекъ.

На стульяхъ, въ креслахъ, на диванахъ и кушеткахъ, беспорядочно разбросанныхъ по залу, среди широколистенныхъ кра-савицъ-пальмъ и другихъ тропическихъ растеній располагались многочисленные гости обоего пола, взирающіе въ мистическомъ самоуглубленіи на открытую сцену, залитую краснымъ свѣтомъ, точно кровью.

Этотъ свѣтъ напомнилъ Карамову зарево отъ пылающихъ дворянскихъ усадебъ. И онъ подумалъ: «придеть время и такой свѣтъ озарить всѣ мѣста Россіи».

На сценѣ нѣсколько артистовъ въ однихъ розовыхъ трико танцевали какой-то неизвѣстный Карамову танецъ. Они то бѣшено кружились, взявшись за руки, то припадали на колѣни, то сплетались въ одинъ комокъ и катались по коврамъ сцены подъ звуки скрипки и аккомпанированіе барабана.

Всякій разъ, когда танцующіе падали на землю, барабанъ издавалъ глухіе звуки, а сверху на нихъ сыпались каскады золотыхъ искръ.

Зрители сидѣли тихо и какъ будто равнодушно предавались зрѣлищу. Только время отъ времени съ своихъ мѣстъ поднимались парочки и безшумно удалялись за портьеры.

— Что это за люди?—думалъ Карамовъ.—Развратники или сумасшедшіе. Или, можетъ быть, онъ спитъ и видитъ все это во снѣ?

Междудѣмъ, картины на сценѣ сменялись новыми картинами. И все то, что придумано было извращенной фантазіей болотыхъ распутниковъ, здѣсь съ выпуклымъ реализмомъ проходило предъ его негодующимъ и усталымъ взоромъ.

Онъ видѣлъ, какъ публика смаковала каждую картину, награждая исполнителей восторженными аплодисментами.

— Бедламъ, Бедламъ,—шепталъ онъ, чувствуя, какъ ду него кружится голова отъ фрѣлиша безобразій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жробабый тронъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

Въ какомъ-то липкомъ туманѣ онъ сидѣлъ въ креслѣ и едва слышалъ, какъ адвокатъ Туземскій обратился къ нему съ вопросомъ:

— Видѣли ли вы что-нибудь подобное, Вадимъ Викентьевичъ?

Нѣтъ, онъ ни разу въ жизни не видѣлъ ничего подобнаго. И даже не имѣеть желанія видѣть это въ другой разъ. Противно и мерзко. Гдѣ-то гибнутъ люди, а здѣсь происходитъ дикая оргія сытыхъ, безчувственныхъ людей, жгущихъ жизнь свою въ распутствѣ.

Въ это время красный шелковый занавѣсъ началъ сдвигаться и закрывать артистовъ отъ зрителей.

Гулъ голосовъ зашумѣлъ въ залѣ. Зрители обмѣнивались впечатлѣніями и аплодировали, и громче всѣхъ аплодировалъ адвокатъ Туземскій.

— Аплодируете, а чему?—спросилъ Карамовъ.—Скажите вамъ не противно было созерцать всю эту мерзость?

Туземскій пожалъ плечами съ такимъ видомъ, какъ-будто ему приходилось отвѣтить на самый нелѣпый вопросъ:

— Напротивъ,—сказалъ онъ,—я нахожу во всемъ этомъ огромное эстетическое наслажденіе. Все, что можетъ дать наша кратковременная жизнь, я получаю тѣль въ усиленной дозѣ. Я такъ сказать вкушаю квинт-эссенцію земного бытія. Повѣрьте, что безъ этого жизнибыла бы скучна, какъ безплодная пустыня и суха, какъ проповѣдь о добродѣти.

Лицо его вдругъ расплылось въ довольную улыбку. Онъ продолжалъ:

— Въ одной изъ большихъ комнатъ въ домѣ баронессы устроены мраморный бассейнъ. Въ немъ бываютъ фонтаны и купаются красавицы-нимфи. И вотъ вы, милостивый государь, вообразите себѣ упруго-розовый дѣвичий тѣло, ихъ жемчужныя груди въ серебряныхъ струяхъ воды. О, баронесса—богиня, придумавшая такія развлеченія для нась грѣшныхъ, и мы богоотворимъ баронесу,—патетически заключилъ онъ.

Въ это время раздался мелодичный голосъ баронессы:

— Кто мое имя поминаетъ всуе?

Она шла подъ руку съ дамой, на лицо которой была спущена густая вуаль.

Баронесса, средняго роста брюнетка, съ роскошно развитымъ бюстомъ и гибкой талией, затянутой въ черный шелкъ платья, олицетворяла собою женственность въполномъ смыслѣ этого слова. Ей было лѣтъ тридцать, но она выглядѣла значительно моложе.

— Ахъ, недостойный червь, баронесса, упомянуль ваше имя съ благоговѣніемъ,—запаясничалъ Туземскій.—Добрый вамъ вѣчеръ, во-первыхъ, благодарность за доставленное удовольствіе, во-вторыхъ, и позвольте представить моихъ друзей, въ третьихъ.

Баронесса приблизила къ глазамъ свои лорнеты и свободную руку протянула для поцѣлуя.

— Въ свою очередь позвольте вамъ представить,—заговорила она,—мою лучшую подругу... Лидію Борисовну...

Спутница баронессы откинула съ лица вуаль.

Передъ Карамовымъ стояла княгиня Науломская, съ блѣднымъ лицомъ, съ расширенными зрачками глазъ.

— Это вы,—прошептала она, подавая миниатюрную свою ручку инженеру, который тоже съ блѣднымъ лицомъ смотрѣлъ на нее.

— Да, я,—тихо отвѣтилъ онъ.

— Представьте, у меня было предчувствіе, что въ концѣ-концовъ я встрѣчу вась,—такъ же тихо продолжала она.

— А я вась видѣлъ сегодня.

— Гдѣ же?

Онъ назвалъ ресторанъ.

— И вы не хотѣли остановить меня? Неужели вы такой же злой, какимъ помните были тогда? И такъ же ненавидите богатыхъ?

— Послѣднее осталось при мнѣ. Но первое не совсѣмъ.

— Значитъ, я тогда угадала, что у вась надломлена душа, а самъ вы человѣкъ добрый.

— Не знаю...

Она взяла его подъ руку.

— Идемте и будемъ говорить долго, долго. Я такъ рада, что встрѣтила вась.

Она посмотрѣла въ глаза Карамова. Зажигательный токъ протянулся ють взгляда къ взгляду.

Она провела его въ будуаръ баронессы. Здѣсь щарилъ розовый полумракъ, мягкими штрихами обрисовывая находившіеся предметы и обстановку. Ароматъ какихъ-то сильныхъ духовъ ударила въ голову Карамова.

— Сядемъ здѣсь,—указала княгиня на кушетку.

Въ голосѣ ея звучала неподѣльная иѣжность:

— Ахъ, если бы вы знали, спаситель мой, какъ я давно мечтала о встрѣчѣ съ вами... Я истомилась. Вы простите меня за откровенность. Мне стыдно признаваться въ этомъ первой, но я не въ силахъ больше скрывать.

Лицо ея приближалось къ его лицу. Горячее ея дыханіе ощущалъ Карамовъ на своихъ щекахъ. Глаза ея горѣли, какъ агаты и, казалось, обжигали его огнемъ страсти. Отъ пышной короны шелѣльныхъ волосъ струился ароматъ. Она вся трепетала.

И было все для Карамова такъ странно и необычно, точно происходило во снѣ.

— Развѣ вы не хотите подѣлать меня,—страстнымъ шопотомъ продолжала Наудомская.—Посмотрите на меня: развѣ я не молода и не красива?

Она быстро поднялась ють мѣста. Порывисто прошлась по будуару. Въ слѣдующій затѣмъ моментъ рѣшительно рванула свое платье. Шелкъ и кружева полетѣли на полъ,

И обнаженная, дивно прекрасная въ таинственной розовой мглѣ, она остановилась передъ изумленнымъ инженеромъ,

Огонь истомы прошелъ по его тѣлу.

— Лидія...

Онъ забывъ все на свѣтѣ, иѣжно взялъ молодую женщину за талию и бережно, какъ хрупкую фигурку, спустилъ на кушетку.

— Милый.

Онъ обхватилъ голову Карамова.

И чувствуя, какъ летить въ какую-то бездну, Карамовъ улавливалъ страстный шопотъ опьяненной страстью женщины.

— Ты мой... вѣль, мой... милый...!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жробавый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

ХVIII.

Недолго продолжалась золотая сказка новой любви Ка-
рамова. Внезапно, точно очнувшись отъ кошмара, онъ почувство-
валъ въ душѣ своей угрызенія совѣсти. Спрашивалъ себя:

— Развѣ онъ можетъ наслаждаться личнымъ счастьемъ въ то
время, когда весь русскій народъ, вся сермяжная Русь несетъ
великій крестъ страданія? Развѣ онъ въ правѣ пить изъ чашъ
личнаго наслажденія, когда для народа готовится новый обманъ?

Этотъ обманъ заключался въ томъ, что царь Николай, подъ
давленіемъ своихъ клевретовъ, забывъ свои мирные порывы, под-
готавляя войну съ Японіей. Война съ маленькой націей нужна
была для того, чтобы въ огнѣ и крови утопить стремленіе на-
рода къ правдѣ и справедливости.

Въ этой мысли быть убѣжденъ Карамовъ. И особенно убѣдил-
ся тогда, когда появился манифестъ объ объявлѣніи войны.

Манифестъ носилъ явно провокационный характеръ.

«Милостью Божіей Николай II Императоръ Всероссійскій, царь
польскій, великий князь финляндскій и проч. и проч. и проч.»
объявлялъ своимъ вѣрноподданнымъ, что на Россію предательски
напали Японцы и что вѣрноподданные должны защищать царя и
отечество...

И вѣрноподданные начали отрываться отъ своихъ мирныхъ за-
нятій и посыпаться, какъ скотъ на убой, на поля Мунчжуріи...

Однажды при свиданіи съ Науломской, Карамовъ сказалъ ей:

— Ліда, прощай...

— Ты меня разлюбилъ? — тревожно спросила молодая женщи-
на и голосъ ея дрогнулъ.

— О, не — отвѣтилъ Карамовъ. Онъ не разлюбилъ ее. Онъ
ее любить такъ же сильно, какъ и свою Анну. Но долгъ совѣсти
призываетъ его туда, гдѣ ему надлежитъ быть.

— И я пойду съ тобой, хоть на край свѣта, — горячо про-
молвила Лідія.

Онъ вѣжно взялъ ее на руки, какъ ребенка. Когда-то такъ
посилъ онъ Анну.

— Милая, я отправляюсь туда, гдѣ царитъ опасности. На тер-
нистый путь подвига. На борьбу за правду. Ты же хрупкая и
нѣжная, ты упадешь среди дороги и будешь только помѣхой. Если
ты меня любишь...

— Я люблю тебя, не уходи...

— Если любишь, останься здѣсь... И можетъ быть, встрѣтишь
Анну, передай ей, что ты и она слились для меня въ одинъ доро-
гой образъ. Скажи, что, гдѣ бы я ни былъ, память о васъ не
умретъ въ моемъ сердцѣ. Прощай.

Она почувствовала ту же непреклонность, какъ въ ея спасеніе
отъ смерти и, умная, не стала спорить.

Онъ ушелъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жробабый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

XIX.

Глухая окраина города тонула во мракѣ. Рѣдко разставленные керосиновые фонари лили скучной свѣтъ. Было тихо. По временамъ раздавался вой собаки и снова все смолкало.

Карамовъ и Нагорскій шли пѣшкомъ, осторожно пробираясь по занесенному снѣгомъ тротуару.

Нагорскій разсказывалъ новости изъ прочитанныхъ газетъ.

— Наши войска опять понесли пораженіе. Сколько жертвъ! Маленькая нація задаетъ великой націи огромную встрѣчу.

— И неудивительно,—отозвался Карамовъ.—Россія, отданныя во власть хинниковъ, была совершенно не подготовлена къ войнѣ. Вѣдь, всѣ вооруженія и крѣпости были только на бумагѣ. Воровство процвѣтало и продолжаетъ процвѣтать.

— А тронъ продолжаетъ купаться въ крови,—всегда въ Нагорскій.

— Но эта кровь смоетъ его,—замѣтилъ инженеръ.—Развѣ мы не чувствуемъ, какъ волны народного гиѣза разливаются въ народѣ. Довѣріе къ царю и его правительству падаетъ съ каждымъ днемъ. Близится часъ великаго мятежа, который будетъ страшенъ для этого тирана.

Они остановились около небольшого деревянного флигеля, утопавшаго въ массѣ засѣянныхъ деревьевъ.

Нагорскій пѣшкомъ разъ стукнулъ въ калитку. Со двора послышалася голосъ:

— Кто стучитъ?

— Я, отъ Ивана Ивановича,—ответилъ Нагорскій. Это былъ условный пароль.

Калитка распахнулась. Ростій дѣтка въ огромной черкесской папахѣ, кожанной курткѣ и высокихъ сапогахъ показался при входѣ.

— Это вы, товарищи? Здравствуйте.

— Здравствуй, Томъ. Вѣдь ли въ сборѣ?

— Почти всѣ. Зѣль и Огановъ. Онь только на днѣхъ вернулся изъ Швейцаріи.. Ждемъ Маузера. Боямся, что его арестовали. Вѣдь, у него несчастье.

— Что такое?

— Вчера былъ обыскъ. Въ квартирѣ засада.

— Дѣло юскверное.

— Да. Мы положительно удивлены. Такъ была конспиративно обставлена квартира.

— Нѣть ли среди насъ провокатора?

Томъ покачалъ плечами:

— Даже и подумать не на кого.

Черезъ мрачный длинный дворъ они прошли въ другой небольшой флигель, спрятанный въ самой гущѣ деревьевъ и въ сугробахъ снѣга.

Флигель казался необитаемымъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жробаый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
Романъ П. Ордынскаго.
ХІХ.

Небольшая комната, туда вошли Карамовъ съ Нагорскимъ освещалась одной керосиновой лампой чюдь зеленымъ бумажнымъ колгакомъ. За столомъ, стоящимъ посерединѣ комнаты, сидѣло чѣсколько человѣкъ революционеровъ, среди которыхъ находилась молодая дѣвушка, съ коротко остриженными волосами, въ синей блузкѣ, перехваченной по талии кожанымъ бушакомъ. Это была товарищъ Маркова, юная фаталистка посвятившая себѣ служенію народу.

Товарищъ Смурскій, расположившись на полуодомашненомъ стуле, вертѣль въ рукахъ пленки и торячо говорилъ о русской литературѣ. По его мнѣнію выходило, что все русскіе классики были изъжитыми бараками. Они писали только о любви, были оторваны отъ земли и потому народъ не внималъ ихъ миссіямъ, продолжая пребывать изъ невѣжества и рабства. Поэтому пользы онъ не замѣчалось.

— Позвольте, товарищъ—весыхода, какъ порохъ молодая дѣвушка—относительно русскихъ писателей вы несете большую ересь. Развѣ не писали о народѣ, не плакали о немъ Пушкинъ, Писаревъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Достоевскій, Успенскій, Чевь Толстой, Гаршинъ и многіе, многіе другіе? Меня подозрительно возмущаютъ ваши выводы... Это разсужденіе профана.

Она была очарована въ эту минуту. Глаза ее съ блескомъ огнькомъ антуазма, щеки рдѣли, точно персики на солнцѣ.

Смурскій возражалъ, но ихъ споръ быль прерванъ Огиновыемъ, смутнымъ, взлохмоченнымъ субъектомъ, похожимъ на дыгана.

Карамовъ слышалъ о немъ, какъ юбъ одномъ изъ энергичныхъ вождей революціи, но теперь встрѣтясь съ нимъ лицомъ къ лицу выносилъ почему то испрѣпленное впечатлѣніе. Онъ ждалъ, что скажетъ этотъ прославленный вождь революціи.

— Бросьте спорить товарищи,—заговорилъ Огиновъ—о литературѣ поболтать у насть еще будетъ время. На очереди болѣе серьезное дѣло, къ которому мы къ должны перейти.

Выдержавъ нѣкоторую паузу онъ продолжалъ:

— Центральный комитетъ вынесъ опредѣленное рѣшеніе однозначно террористическихъ актовъ. Я приѣхалъ сюда, чтобы завербовать сторонниковъ этого рѣшенія. Думаю, что среди васъ, товарищи, найдутся желающіе расчистить путь къ свободѣ народа, убравъ нѣкоторыхъ столповъ реакціи. Кто согласенъ?

— Первой пойду я—воскликнула товарищъ Маркова.—Я желаю умереть за народъ!

Порывъ молодой дѣвушки быль встрѣченъ возгласами одобрения. Къ ея рѣшенію присоединились и еще нѣсколько человѣкъ.

Тогда съ мѣста поднялся Карамовъ. Онъ искренне выставилъ несвоевременность этого призыва и спрѣтчливость согласія. Въ концѣ концовъ всѣ террористические акты не доспѣгали щѣли, ибо на мѣсто одного, убитаго сатрапа появляются десять другихъ болѣе жестокихъ и кровожадныхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жробавый трожъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Въ свое время, вѣдь, и онъ отдалъ дань этой ошибкѣ.

— Товарищи,—медленно и спокойно заговорилъ рѣчь. — Я не буду разубѣждать васъ ювѣлающихъ порывахъ и намѣреніяхъ, хотя и нахожу ихъ несмѣлько непродуманными. Я буду говорить о другомъ. Позвольте мнѣ комѣтить слѣдующее. Мы знаемъ, что несмотря на все кровопролитія, какія производились и производились Николай, второй, въ лицѣ народа еще не угасла окончательно идея вѣры въ царя. И юзъ находятся люди, которые стремятся эту идею использовать. Въ Петербургѣ явился тѣкій попъ Гапонъ, который ювѣлъ свой дрошевѣдѣхъ стоять на точкѣ зренія сближенія царя съ народомъ. Я полагаю, что Гапонъ—агентъ правительства...

— Ничего подобнаго—возразилъ Огиновъ—это прошло фантасію. Съ нимъ не стоитъ даже считаться.

— Такъ или иначе,—продолжалъ Карамовъ,—но только народъ ему вѣритъ слѣдъ и за юзъ идетъ. Гапонъ предполагаетъ пойти съ народомъ ко двору, чтобы просить царя о правдѣ. Мнѣ сдается, что изъ этой затѣи ничего не выйдетъ. Я даже боюсь катастрофы. Царь страшится народа и, конечно, не допустить его до себя. И шамъ, товарищи, необходимо разбить затѣю Гапона.

— Это дѣло тасъ не касается, товарищъ—перебилъ инженера Огиновъ—въ нашу сферу не входитъ обязанность разубѣждать какихъ-то фанатиковъ. У насъ есть предписаніе центрального комитета и мы должны ему подчиниться. Ваше предложеніе я снимаю,—добавилъ онъ безапелляціонно.

Спорить было бесполезно и Карамовъ сѣлъ. Но искра недовѣрія къ Огинову помимо юго воли все разгоралась и разгоралась.

Предчувствія никогда не обманывали инженера. Встрѣтившись съ Огиновымъ впервые, онъ увидѣлъ въ немъ не юзъ идѣиаго борца за народъ, а человѣка себѣ на умѣ. Онъ напомнилъ ему профессора Горизонтова, благодаря которому Карамовъ едва не лишился свободы. «Съ юзъ человѣкомъ нужно быть осторожнѣмъ»—рѣшилъ Карамовъ и стала избѣгать встрѣчи съ Огиновымъ. Факты не замедлили сказаться. Черезъ несмѣлько дней была арестована товарищъ Маркова и заточены почти все, изъявившіе желаніе принимать участіе въ подготовленіи террористическихъ актовъ.

И не имѣя прямыхъ доказательствъ вины Огинова, инженеръ былъ увѣренъ что это дѣло руки «вождя».

Своимъ соображеніемъ юнъ подѣлился съ Нагорскимъ:

— Я увѣренъ,—сказалъ Карамовъ,—что Огиновъ—шпровокаторъ.

— У васъ есть доказательства?

— Нѣкакихъ. Но я полагаю, что не юзиваюсь.

— Опять разочарованіе!—воскликнулъ Нагорскій.—Что же это такое? Нельзя работать?

— Да, мой другъ, въ этой компаніи намъ работать нельзя.
(Продолженіе слѣдуетъ).

Жробабый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романь П. Ордынского.

Охранка раскидываеть свои щупальцы всюду. Ничто не проходитъ мимо ея вниманія. Я удивляюсь тому обстоянію, что она до сихъ поръ не арестовала всѣхъ революціонеровъ. Очевидно, ею руководитъ какое либо высшее соображеніе. Ну, хотя бы такое, что ея агенты стремятся сдѣлать карьеру на революціонномъ движениі. И памъ нужно принять свои мѣры... — сказалъ Карамовъ.

— Какія же?

— Мы будемъ работать самостоятельно, не сливаясь ни съ одной организаціей. Помните, такъ работали тогда, когда защищали шахтеровъ. Ёдемъ въ Петербургъ. У меня разработли кое-какіе планы.

Нагорскій согласился, и они немедленно выѣхали въ Петербургъ.

Это было въ началѣ января.

Среди петербургскихъ рабочихъ достигала своего зенита слава шапа Галона. Онъ устраивалъ безпрерывныя собранія, на которыхъ говорилъ захватительная рѣчи.

Ради любопытства Карамовъ отправился на одно изъ такихъ собраній.

Нужно было видѣть то настроеніе тружениковъ, когда говорилъ отъ неизвѣстно откуда вынырнувшій попизъ.

— Дѣти, дѣти, — съ дрожью въ голосѣ проповѣдывалъ Галонъ, поднимая руки въверху, какъ бы для благословенія. — Вамъ живется трудно, вамъ живется тяжело. Вы ютитесь въ сырыхъ и холодныхъ подвалахъ. Дѣти ваши разуты и раздѣты. Они мрутъ, какъ мухи. Тяжкій крестъ возложенъ на наши плечи.

— Бѣро, — гудѣла толпа, — правильно...

— Но посмотрите на нашихъ хозяевъ, — продолжалъ Галонъ. — Сти находятся въ роскошныхъ палатахъ. Пьютъ у флягъ за серебро и золото, ложатъ шелки и бархата. Гдѣ же драки?

— Нѣть правды, отецъ ухала толпа рабочихъ.

— Но она должна быть! — Голосъ Галона перешелъ въ изжадія поты. — Должна быть. И она есть...

Помолчавъ кое-какъ онъ продолжалъ:

— Говорить, что до Бога высоко, а до царя далеко. Это неправда. Еогъ уколо насъ, гдѣ бы мы ни были. И царь близко. И вотъ мы пойдемъ къ нему, упадемъ на колѣни и будемъ просить, чтобы онъ послалъ насъ. Такъ ли, дѣти мои?

— Такъ, такъ. Правильно! Веди насъ.

— Мы возьмемъ царскіе портреты, иконы и хоругви, отѣхнемся въ праздничныя платья, заберемъ дѣгей своихъ и пойдемъ ко звору. Пусть царь-батюшка посмотритъ на насъ...

— Пойдемъ, пойдемъ! Завтра же!..

Рѣчи Галона падали на благодарную почву. Онъ будилъ въ народѣ ту закоренѣлую вѣру въ царей, которая съ неизапамятныхъ временъ была передана отцами и дѣдами и горѣла въ сердцахъ простыхъ людей неугасимой лампадой.

Рабочіе плакали, слыша слова о своемъ гигантскомъ житьѣ быть. Ихъ охватывалъ высокрій восторгъ, когда въ нихъ раздувалась вѣра въ милость и справедливость царя.

— Дѣти, дѣти, — съ грустью думалъ Карамовъ, — милые, добрые люди! Что бы можно сдѣлать съ вами; если бы чувство справедливости жило въ сердцахъ царей. Вы прошли бы въселенную, установили царство Божіе на землѣ — только снизойди царь къ вашимъ, маленькимъ, ничтожнымъ, просьбамъ, не угаси пламя вѣры! Но нѣть, ты скажи деспотъ не способенъ на такой шагъ. Ты огордишься ютѣнной лживыхъ присѣщниковъ и смиренная мольба народа не достигнетъ до твоего уха.

И тутъ же мысль Карамова мѣняла направление: Что жь? Можетъ быть это и лучше. По крайней мѣрѣ, скорѣй угаснетъ пламя вѣры и скорѣй народъ пойметъ, что тогъ идолъ, которому онъ поклоняется недостоинъ поклоненія. Въ сердцахъ вспыхнетъ великий мятежъ. Онъ юбійнымъ ураганомъ пройдетъ по лицу русской земли и смететъ тронъ кроваваго и жалкаго глупца!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жроба́бый спро́жъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Послѣ Гапона трибуналъ занялъ какой-то студентъ, который говорилъ, что изъ предложенія священника ничего не выйдетъ.

— Полиція не допустить скопленія народа на улицахъ, а тѣмъ болѣе у дворца. Она будетъ стрѣлять.

— Вздоръ—отозвался Гапонъ, сверкая черными выразительными глазами.—Развѣ можно стрѣлять въ безоружныхъ? Развѣ можно стрѣлять въ иконы и хоругви?

— И въ дѣтей!—добавилъ кто-то изъ толпы.

— Пусть стрѣляютъ—загудѣла полна.

— Мы всѣ пойдемъ.

XXI.

Идея фанатика или провокатора захватила рабочихъ, какъ пламя пожара охватываетъ постройку изъ сухого дерева. Пресѣчь эту мысль, прорвавшуюся, какъ вихрь изъ глубинъ темныхъ душъ было невозможно. Рѣчи противоположнаго характера успѣха не имѣли.

Населеніе рабочихъ кварталовъ, какъ одинъ человѣкъ, рѣшило утромъ девятаго января двинуться ко двору. Никто и слышать не хотѣлъ, что царь станетъ препятствовать этому свиданію.

— Царь отецъ. Мы его дѣти. Неужели мы для него не дороги, какъ онъ дорогъ для насъ. Онъ пойметъ насъ. Безуміе думать иначе.

О решеніи рабочихъ узналъ весь Петербургъ. Жители всполошились. Одни спѣшили выбираться изъ города, другие запирались въ своихъ квартирахъ.

Всѣ ожидали ужасныхъ событій. Тѣмъ болѣе, что было замѣчено лихорадочное приготовленіе полиціи.

Нѣкоторые изъ общественныхъ дѣятелей бросились къ министрамъ.

— Не проливайте крови. Народъ настроенъ мирно. Все его желаніе заключается въ стремлѣніи видѣть царя. Не больше.

Но министры были другого мнѣнія. Свиданіе народа съ царемъ не входило въ ихъ планы. Чтобы народъ говорилъ съ царемъ? Слишкомъ много чести.

И эти добровольные ходатай были арестованы и отправлены въ Петропавловскую крѣпость, чтобы не вмѣшивались въ свое дѣло.

Въ два часа ночи къ Витте забѣжалъ старецъ Григорій. Онъ былъ очень взволнованъ. Говорилъ отрывисто. Стучалъ кулакомъ по столу:

— Вотъ што, Сергій Юльичъ,—скажу тебѣ не допускай... Да. Эта готовится бунтъ. Тутъ жиды и скубенты орудуютъ. Да... Мотри же...

— Что же, стрѣлять?—спросилъ Витте.

— Безъ всякихъ разговоровъ... Да... Стрѣляй...

— Но общественное мнѣніе,—закинулъ-было Витте.

— Какое тамъ еще мнѣніе? Плюнь... Ты знаешь чѣмъ это скопище пахнетъ?.. А тѣмъ, что народъ сѣръ и глупъ. Сейчасъ онъ молится на царя, а черезъ минуту можетъ дать ему по шалѣ. Повѣрь, другъ... Такъ я папъ и мамъ сказалъ. Они говорятъ, чтобы этого безобразія не было. Понялъ?

Витте, конечно, понялъ. Старецъ входилъ въ силу. Въ столицѣ начинали готовиться о близкихъ отношеніяхъ старца къ царю. Спорить съ фаворитомъ не представлялось возможнымъ, чтобы не павлечь на себя гнѣвъ проходимца.

И Витте отдалъ соответствующія распоряженія.

Народъ, конечно, не зналъ объ этомъ распоряженіи. А если кто и зналъ, то не вѣрилъ.

Развѣ можно стрѣлять въ иконы? Разстрѣливать женщины и дѣтей...

Рано-рано поднялись рабочіе съ жесткихъ своихъ постелей, многимъ на которыхъ не суждено было вернуться.

Огромныя толпы народа потянулись съ окраинъ къ центру. Шли одѣтыми по-праздничному, неся въ рукахъ иконы; царскіе портреты и дѣтей своихъ.

Надъ головами колыхались церковныя хоругви, блестя золотомъ на солнцѣ. День былъ морозный и ясный.

Полѣ Галопъ, въ новой рясѣ, съ крестомъ въ рукахъ, шагалъ впереди точно предводитель миролюбивой арміи, тѣущей на слящіе съ царемъ—отцомъ народа.

Въ глазахъ толпы горѣла вѣра въ близкое торжество справедливости. Народъ издали смотрѣлъ съ благоговѣніемъ на величественный зимній дворецъ, гордо красующійся надъ красавицей—Невою.

Дворецъ—мечта уничтоженныхъ и обездоленныхъ. Отъ него должны исходить лучи милосердія. Здѣсь наконецъ откроются двери правды. Отсюда народъ увидитъ новый светъ. И упадетъ стѣна, отдѣляющая народъ отъ его повелителя.

Вотъ вотъ на балконѣ появится надежда-государь и скажетъ ласково и кротко:

— Я—вашъ отецъ, а вы мои дѣти. Вы хотите правды? Я преклоняюсь передъ вашимъ желаніемъ. Дорогой моему сердцу народъ, ты изстрадался и истомился. И отнынѣ я склоняю ухо къ тебѣ и желаю выслушать твои мольбы и облегчить твои страданія...

Многочисленныя толпы шли медленно и спокойно, ни у кого не было и тѣни сомнѣнія въ томъ, что ихъ чаяніе, ихъ слѣпая вѣра потерпѣть неожиданное и кровавое крушеніе. За что же?..

Но кровь народная была начертана на знамени тирана. Его тронъ только погружался въ потоки крови. Онь долженъ купаться въ неї!..

При приближеніи къ центру, густыя массы народа неожиданно столкнулись съ вооруженными нарядами полиціи.

Посыпался знакомый и суровый окрикъ царскихъ палачей:

— Стой! Куда прете, дьяволы?

Изъ толпы послышались негодующіе голоса:

— Нечего тѣхъ слушать. Они бояться, что мы расскажемъ о нихъ царю всю правду.

— Впередъ, товарищи!

— Стой, стой, говорятъ!..—Площадная ругань пронизала воздухъ. Злобная щетина штыковъ злобно сверкала на солнцѣ. Захлопали затворки винтовокъ. Зазмѣтились въ воздухѣ нагайки.

Часть толпы дрогнула. Нѣкоторые пошли въ обхѣдъ. Другіе, болѣе храбрые, прорвали полицейскую цѣль и двинулись дальше, увлекая за собой малодушныхъ.

Въ центрѣ вновь соединились и та же стройно съ пѣніемъ гимновъ и молитвъ направились къ дворцу.

Вотъ уже близко и дворецъ.

Но что же такое?

На почтительномъ разстояніи отъ дворца новой цѣлью стояли солдаты и полиція, съ видомъ рѣшительного отпора.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кровавый исходъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

Толпа пристановилась, пораженная обильнымъ прелиятіемъ. Выли поднялись золотыя хоругви, точно убѣдительно подтверждавшись широкое изданіе. Жандармы приступали дѣтей, какъ бы говоря:

— Пустякъ. Не могутъ наѣхъ дратъся! Испугали вы осмѣялись въ землю сѣрѣять?

— Разойдись!

Толпа стояла. Тогда раздалась команда.

— Рота, или!..

— Изъ черныхъ сѣрѣстыхъ ружей блеснули красные огни. Программъ залить, осыпавший народъ дождь снулъ. Другой, третій. Послышались крики, вопли, стоны раненыхъ. Бѣлый огнь мостовой обагрился злой кровью икъ не погибшихъ жертвъ. Быстро учадились и утищались.

— Трахъ, трахъ, трахъ...

Толпа въ чашѣ бросилась бѣжать, забросавъ иконы, хоругви. Убитыя матери прижимали къ сердцу дѣтей. Обесумѣвшая толпа метаялась по площади, тщетно ища спасенія.

Карамовъ, наблюдавшій эту кровавую башню изъ окна, видѣлъ, какъ метались по площади затравленные люди, видѣлъ умирающихъ малютокъ съ широко открытыми, ничего не понимающими глазками, видѣлъ корчащихся въ предсмертныхъ мукахъ рабочихъ и вспоминаль московскую Ходынку—первую кровавую башню кроваваго царя. Сходство усугублялось тѣмъ, что тогда же головами народа бѣжалъ обнаженный монахъ, а теперь, подобравъ рясу, съ растерянными волосами во всю прыть искась таинъ Гапонь—антагонистъ за слякнія царя съ народомъ. Но тогда кровь народа была пролита по небрежности московской администраціи, а теперь по разъѣ выработанному сардѣльюному плану.

Черезъ нѣсколько часовъ площадь была очищена и на поле избиенія мирной толпы остались горы труповъ. Трупы рабочихъ, женщинъ и дѣтей.. Карамовъ замѣтилъ въ одной кучѣ труповъ выставленную, поднявшуюся руку. Окровавленную руку рабочаго, которая была направлена къ окнамъ дворца. Эта рука какъ бы дрожала:

— Подожди, шалачъ и убийца! Мы снова придемъ къ тебѣ. Но приѣхать не съ мирными намѣреніемъ покидать тебя. Мы придемъ съ троей и бурей!.. Трепещи...

Черезъ нѣсколько дней послѣ кровавой расправы въ правительстѣнныхъ газетахъ было напечатано, что въ Петроградѣ убило около трехсотъ бунтовщиковъ, подкущенныхъ англичанами и японцами.

Это было самой наглой ложью. Убито и ранено больше тысячи и не бунтовщиковъ, а икъ не чѣмъ не повинныхъ людей, покрывавшихъ въ справедливость царя.

Съ этого дня тиѣ царя шала и больше не могла воскреснуть. Народный тиѣ переподнялъ чашу. Этотъ тиѣ еще болѣе раздувался революціонными организаціями, которые, — несмотря на то, энергично работали. Карамовъ съ своими помощниками, не пріимыкая ни къ одной организаціи, работалъ самостоѧтельно. Въ его тайной типографіи печатались революціонные прокламаціи въ огромномъ количествѣ и посыпались на фронтъ и въ деревню.

Охранка положительно недоумѣвала. Имѣя почти въ каждой группѣ революціонеровъ «своего человѣка», она быстро ликвидировала ихъ предпріятія. И только Карамовская группа оставалась строго законспирированной и неуловимой. Агенты полиціи казнили борцовъ за свободу, сажали въ тюрьмы, массами высыпали въ далекую Сибирь, но духъ протеста не угасалъ. Народъ волновался и бурлилъ, точно волны въ весеннемъ подводѣ. Несчастная война еще больше усиливала это волненіе.

(Продолженіе. Вѣдущій.)

Жробавый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

ХХIII.

Карамовъ взволнованно ходилъ по своей комнатѣ. Онъ былъ взвѣшенъ до чрезвычайности. Разочарованіе сльдовало за разочарованіемъ. Реакція торжествовала. Царскіе палачи не сидѣли безъ дѣла. Отъ моря и до моря на пространствѣ огромной страны воздвигались висѣлицы, гремѣли замы да зарѣ, отправляя въ лучшій міръ борцовъ за свободу.

Только сегодня онъ узналъ сряду лѣсколько новостей, поразившихъ его до глубины души. Арестована товарищъ Маркова. Теперь эта дѣвушка стояла передъ нимъ живымъ укоромъ и какъ-бы говоря: «отомстіи». О, Карамовъ отомстить. Онъ разыщетъ и уничтожитъ Огинова, который оказался провокаторомъ. Онъ уберетъ и попа Галюна, по винѣ котораго разстрѣляны тысячи народа. Нагорскій сегодня сообщилъ, что Галюнъ былъ въ сношеніяхъ съ департаментомъ полиціи.

Въ дверь постучали.

— Войдите,—произнесъ Карамовъ.

Вошелъ высокій неизвѣстный господинъ въ кѣтчатомъ сюртукѣ и яркомъ галстукѣ. Бритое лицо его расплывалось въ улыбку. Весело искрились энергичные черные глаза. Казалось отъ этого человѣка исходили волны необычайной жизнерадостности.

Карамовъ недоумѣнно смотрѣлъ на него.

— Что, братъ не узналъ,—пріятнымъ баритономъ заговорилъ вошедшій,—скверная же у тебя память, коли не узнаешь старыхъ друзей.

— Трамасовъ!—воскликнулъ инженеръ, наконецъ, узнавшій своего стараго школьнаго товарища.—Какими судьбами? Откуда?

— Гес...—предупредилъ гость, поднявъ кверху указательный палецъ.—Потише, другъ, не изрыгай своюхъ восторгъ. И главное не называй меня Трамасовымъ. Помни: я—Джонъ Стронгтонъ, американскій подданный.

— Ты изъ Америки?

— Ну, да. Очень соскучился по родинѣ, и пріѣхалъ подышать дымомъ отечества,—отвѣтилъ гость усаживаясь на стулъ.—Ну и дымъ же у васъ... Его способны вынести только самыя непрятательные ноздри.

Карамовъ зналъ, что Трамасовъ когда-то сидѣлъ въ тюрьмѣ, былъ въ ссылкѣ, откуда бѣжалъ. Съ тѣхъ поръ онъ потерялъ его изъ виду.

— Ну, разъказывай свою одисею... Крайне интересно послушать американскаго жителя.

Въ глазахъ Карамова засвѣтилось пекарыаемое любопытство. Онъ разсмотрѣвалъ своего стараго товарища и какъ будто не вѣрилъ глазамъ своимъ: такъ онъ измѣнился. Въ то же время думалъ: вотъ будешь отличный для меня помощникъ.

— Мечталъ я, какъ собака въ мѣшкѣ,—заговорилъ Трамасовъ,—исторія длинная и достаточно скучная. Теперь свободенъ.

— Свободенъ?—встрѣченулся Карамовъ,—а твоя исторія не повѣяла?

— И не могла. Вѣдь, я теперь американецъ. Ха-ха-ха!

И онъ разсмѣялся своимъ прекраснымъ баритоновымъ смѣхомъ:

— Такъ ли страдаютъ люди въ Америкѣ?—спросилъ Карамовъ.

— О, все разно. Главное нигдѣ люди не могутъ проявить воли духа своего. Во всемъ безпредѣльномъ мірѣ живутъ въ клѣточкахъ, въ тѣсинахъ и не могутъ выбраться. Всѣ чего-то хотятъ, а осуществить не могутъ.

— Трусятъ?

— Пожалуй, да,—повѣль плечами Трамасовъ.—Тоска.

— А ты?

— Я что? Я—человѣкъ отгнѣтый. Хотѣть жить и ушель отъ висѣлицы. Теперь вся безпредѣльная ширь жизни открыта предо мною. Куда захочу, туда и брошу свою особу.

— И ничего? Не боишься, что твоя особа гдѣ-нибудь застрянетъ?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жробавый трожъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ординского.

— Совершенно не боясь,—рѣшительно отвѣтилъ дѣстъ,—Бояться могутъ только трусы и рабы. Я ни то и ни другое. Я интересуюсь жизнью, какъ наблюдатель и думаю: хорошо чувствовать себя каждый день въ новомъ положеніи. Вѣчно бродя по дорогамъ жизни, не покрываешься плѣсенью, не закисаешь, а главное—новыя лица не кажутся стертыми штаками, нудными и неинтересными.

— У тебя есть какія-либо средства?

— Мой умъ, руки и находчивость. Существую, какъ придется. Когдаѣхъ въ Америку, былъ кочегаромъ. Потомъ служилъ въ метрополитенѣ. Работалъ на заводахъ. Здѣсь пишу въ газетахъ воспоминанія изъ американской жизни... При желаніи и находчивости можно всегда надѣть комуто работу. Только лѣнивые не понимаютъ этого. Я говорю себѣ: человѣкъ, дерзай! Жизнь, что океанъ безбрежный: куда хочешь, туда и плыви. Рискуй, если нужно. Жизнь тогда только интересна, когда на карту ставится все.

Помолчали.

Трамасовъ отпилъ глотокъ кофе и стала водить пальцемъ по краю стакана, отчего стекло начало издавать прѣвуче-дребезжащий звукъ.

— Однажды я сказалъ себѣ,—продолжалъ онъ,—знай, приятель, когда жизнь покажется тебѣ неинтересной, очищай дорогу для другихъ, сильныхъ, энергичныхъ, рѣшительныхъ. И съ того момента я пріобрѣлъ двѣ необходимыхъ вѣщи: револьверъ и ядъ. Сильнѣйшій индійскій ядъ, кручинка котораго убиваетъ слона.

Онъ улыбнулся и продолжалъ:

— Во мнѣ горитъ огонь исканія. Зоветъ и манитъ все въ даль и въ даль. Этотъ призывъ, точно волшебный миражъ въ знойной пустынѣ, часто вмѣсто зеленаго оазиса приводитъ путника въ дикое мѣсто. Но я слушаю этотъ зовъ и бреду, бреду...

Черныя глаза Трамасова сдѣлались мечтательно-крайними, словно у поэта, сочиняющаго лирическое стихотвореніе.

— Но довольно обо мнѣ,—тряхнула онъ энергично головой.—Чѣмъ занять ты?

Карамовъ рассказалъ о ближайшихъ своихъ планахъ. О необходимости убрать Огинова, Гапона и о веденіи самой широкой пропаганды въ народѣ и войскахъ.

Трамасовъ протянулъ руку:

— Располагай мною, какъ хочешь. Прошу только объ однѣ: дай мнѣ возможность проявить инициативу для уничтоженія двухъ названныхъ прохвостовъ. Я это сдѣлаю изъ любви къ риску. Я только тогда пылаю каждой жизнью, когда меня захватываетъ какое-либо дѣло. Жизнь тихая, текущая, то разъ проложенному руслу для меня кажется пустой и скучной.

Карамовъ улыбнулся:

— Пожалуйста.

— У меня сю минуту созрѣлъ планъ лицомъ къ лицу столкнуть двухъ подлецовъ,—продолжалъ Трамасовъ.—Вызвать ихъ на откровенную исповѣдь и затѣмъ...

Онъ сжалъ пальцами свое горло.

— Этотъ самый Огиновъ здѣсь?

— На сколько мнѣ известно, онъ проживаетъ въ какихъ-то меблированныхъ комнатахъ на Васильевскомъ островѣ.

— Найду. О, я найду того и другого.

(Продолженіе сдѣлудетъ).

Жреба́бый тро́жъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

ХХIII.

Прошло нѣсколько дней. За это время Трамасовъ успѣлъ разыскать Огинова и выслѣдить мѣстонахожденіе Гашона. Кромѣ того, облюбовалъ необитаемую дачу въ Озеркахъ.

И вотъ однажды въ снѣжный зимній вечеръ къ меблированнымъ комнатамъ на Васильевскомъ островѣ подкатилъ большой закрытый автомобиль. За рулемъ сидѣлъ Нагорскій, внутри автомобиля находились Трамасовъ и Карамовъ.

Трамасовъ выгѣзъ изъ автомобиля и, передавая карточку Карамова швейцару, сказалъ:

— Снесите это господину изъ четвертаго номера.

Черезъ минуту на улицу вышелъ Огиновъ, одѣтый въ дорожную шубу.

— Въ чёмъ дѣло, товарищъ? — спросилъ онъ, увидѣвъ Карамова.

— Садитесь, — пригласилъ инженеръ. — Есть важная дѣла.

— Шофферъ, трогай, — распорядился Трамасовъ, когда провокаторъ усѣлся въ автомобиль.

Машина рванулась и быстрымъ ходомъ понеслась по направлению къ окраинѣ.

На улицахъ темнѣло. Въ воздухѣ, какъ бѣлые мухи, порхали снѣжинки. Вспыхивали золотыя точки фонарей.

— Ходу, ходу! — командовалъ Трамасовъ. Онъ былъ въ самомъ жизнерадостномъ настроеніи духа, точно щѣхъ на увеселительную прогулку. Но Огиновъ почему-то хмурился.

— Я все-таки не понимаю, товарищи, щѣли нашего путешествія, — замѣтилъ онъ съ какой-то неестественной дрожью въ голосѣ.

— Зато понимаю я, — отозвался Трамасовъ осъ смѣхомъ. — Шофферъ, жарь!..

Автомобиль выбрался за черту города и, притупивъ огни, помчался по безлюдной мѣстности.

Огиновъ внезапно сдѣлалъ какъ бы звѣриное движеніе, точно намѣрился выпрыгнуть изъ автомобиля. Но въ ту же секунду двѣ пары сильныхъ рукъ оцепили его точно желѣзными клещами, пригвоздивъ къ мѣсту и парализовавъ какую-либо возможность движения. Въ тотъ же моментъ онъ почувствовалъ, какъ изъ его кармана былъ извлеченъ револьверъ.

— Что это значитъ, товарищи? — пролепеталъ Огиновъ, холода. Ему никто не отвѣтилъ.

— Согласытесь, что вы ведете себя нѣсколько странно, — снова промолвилъ провокаторъ, кривя губы.

И опять молчаніе было ему отвѣтомъ.

Автомобиль остановился около занесенной снѣгомъ дачи.

— Вотъ мы и прѣѣхали, — весело произнесъ Трамасовъ. — Пожалуйте выходить.

Кругомъ было тихо. Только налетающій порывомъ вѣтеръ приносилъ снѣжныя хлопья.

Всѣ вошли въ совершенно темную, холодную дачу, съ наглухо заколоченными ставнями оконъ.

Карамовъ молча зажегъ свѣчу. Четыре силуэта изломанными линіями заколыхались на стѣнѣ.

— Ну-съ, — обратился Трамасовъ къ Огинову, — что вы теперь, милостивый государь, скажете? Я полагаю, что наша прогулка не дурна?

И онъ довольно потирая руки, точно собирался приступить къ обильной закускѣ съ приличествующимъ возліяніемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жробавый трожъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романь П. Ордынского.

Огинова тряслось, какъ въ лихорадкѣ, онъ недоумѣнно посматривалъ то на Карамова, то на Нагорского, какъ бы ища у нихъ рѣшенія загадки.

— Ну-те-съ,—снова проговорилъ, издѣваясь, Трамасовъ.

— Я... я не знаю...—наконецъ, отвѣтилъ Огиновъ:

— А я знаю... Ты—предатель? Говори. Все говори!

Голосъ его вдругъ пріобрѣлъ холодныя, властныя ноты, въ рукахъ сверкнулъ браунингъ, наведенный прямо въ лобъ Огинова.

— Кайся...

И, видя всю убѣдительность столь вѣскаго аргумента, Огиновъ низко опустилъ голову и, чувствуя, что отступленіе невозможно, какъ и оправданіе, тихо произнесъ:

— Да; я агентъ тайной полиціи.

— Провалъ квартиры Маузера, арестъ товарища Марковой, Смурскаго и другихъ—твое дѣло?

— Мое...

— Ради чего ты сдѣлался предателемъ?

На глазахъ провокатора показались слезы.

— Я очень нуждался въ деньгахъ,—отвѣтилъ онъ.—И...

— И?

— Потерпѣть вѣру въ успѣхъ революціоннаго движенія... При томъ соотношеніи силъ намъ нельзя было свалить самодержавіе...

— И ты уѣровалъ въ успѣхъ реакціи? О презрѣній трусы и подлый предатель.

Огиновъ взмолился.

— Не дѣлайте мнѣ зла. Я даю слово немедленно бросить это позорное занятіе. Я могу, кромѣ того, выдать своего агента охранки.

— Ха-ха,—зловѣще расхохотался Трамасовъ.—Подъ цулей пистолета можно давать любыя обѣщанія. Теперь твое ремесло стало для тебя позорнымъ? Но когда по твоей подлости лучшіе люди страны шли въ остроги и на каторгу, когда они болтались на висѣлицахъ или разстрѣливались, какъ собаки, а ты получалъ за это юдизмы поцѣлуи,—оно это твое ремесло не казалось тебѣ позорнымъ? Нѣтъ?

— Я все время страдалъ и мучился...

— Ха! Онъ страдалъ и мучился. И помучившись шѣсть вѣкъ ресторанъ въ заливъ страданіе виномъ. А наутро готовилъ новое страданіе.

Трамасовъ былъ грозенъ въ эту минуту. Онъ точно вспомнилъ свой крестный путь, возложенный на него по винѣ провокатора, и теперь изливалъ свой гнѣвъ.

— Что вы отъ меня хотите?—спросилъ Огиновъ.

— Ты не понимаешь? Мы хотимъ, чтобы ты самъ выпилъ ту чашу дѣйствительнаго страданія, которую подносилъ другимъ, прикрываясь личиной товарища. Товарищъ!... Мы хотимъ, чтобы ты упалъ въ ту яму, которую рылъ для чистыхъ душою борцовъ за свободу... Пройди туда.

Трамасовъ открылъ двери въ смежную комнату.

— Встань у стѣнки или сядь, какъ тебѣ больше нравится.

Лицо Огинова покрылось смертельной блѣдностью. Гримаса ужаса отобразилась на немъ. Онъ понялъ, что конецъ неизбѣженъ. Ни мольбы, ни жалобы не помогутъ. Передъ нимъ стоялъ вооруженный мститель, суровый и непреклонный, какъ желѣзный законъ предопредѣленія. Ноги у Огинова начали подламываться и онъ весь опускался къ низу, осѣдалъ, закрывъ лицо руками.

Трамасовъ въ упоръ выстрѣлилъ два раза.

Брызнула кровь...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жребавый тронъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского

XXIV.

Было далеко за полночь. Мятель въ полѣ разыгрывалась. Буйные порывы вѣтра проносили цѣлые горы снѣга. Автомобиль двигался съ трудомъ. Наконецъ, онъ добрался до необитаемой дачи.

— Ну, и погодка, чортъ возьми,—выругался Трамасовъ, вылезая изъ автомобиля.—Какъ разъ для дѣловыхъ разговоровъ.

И обратившись затѣмъ къ закутанной въ шубу съ поповскимъ воротникомъ фігурѣ, сказалъ:

— Пожалуйте отецъ Георгій,—прибыли.

Вѣтеръ дулъ рѣзкими порывами, бросая въ лицо острыми иголками. Кругомъ бушевала бѣлая пѣна. Было жутко и пустынно.

И опять четверо вошли въ дачу. Снова вспыхнула свѣча въ руки Карамова, снова заколебались уродливые силуэты на стѣнѣ..

Въ сердце Гапона вошла смертельная жуть.

— А гдѣ же Рачковскій?—спросилъ онъ, увидѣвъ, что въ домѣніи мрачно и никакихъ признаковъ жилья не замѣтно... Трамасовъ, прѣѣхавъ къ нему, выдалъ себя за помощника Рачковскаго и заявилъ, что послѣдній хочетъ его видѣть въ укромномъ мѣстѣ. Черезъ сомнѣнія закрался въ душу Гапона еще тогда, когда автомобиль выбрался за черту города, но онъ крѣпился.

Но теперь, войдя въ необитаемую дачу, сразу почувствовалъ, что его ожидало страшное.

— Рачковскаго нѣть и не будетъ,—суроно отвѣтилъ Трамасовъ.—Георгій Гапонъ, потрудитесь извлечь содержимое вашихъ кармановъ.

Гапонъ первно сбросилъ съ плечъ шубу и упалъ на колѣни.

— Пощадите. У меня ничего нѣть,—плахиво взмолился онъ.

— Неправда,—рѣзко оборвалъ его Трамасовъ.—Не заставляйте повторять приказанія.

Несчастный пошѣкъ порылся въ карманахъ и досталъ револьверъ:

— Вотъ все, что я имѣю.

— Ха,—иронически усмѣхнулся Карамовъ,—вещь вполнѣ необходимая для духовной особы.

Трамасовъ отобралъ револьверъ

— Дальше.

Гапонъ колебался. Трамасовъ направилъ на его високъ револьверъ.

Дрожащими руками Гапонъ началъ опустошать свои карманы. Появились разные документы, бумаги, письма отъ Рачковскаго, уличающія Гапона въ сношеніяхъ съ департаментомъ полиціи. Бѣромъ того набросокъ, сдѣланный рукой Гапона на тему, «какъ успокоить народъ».

Трамасовъ съ Карамовымъ тщательно перечитали документы. Трамасовъ сказалъ:

— Ну, съ насы довольно. Этого для разнообразія можно поѣхать. Пусть правительство палачей посмотритъ, что не одно оно можетъ пускать въ ходъ пули и веревки... Приступимъ...

Онъ досталъ изъ кармана веревку, сдѣлалъ мертвую петлю и накинулъ ее на шею Гапона.

Попѣ судорожно обхватилъ ноги своего палача, ползъ по полу, какъ привязанный песъ, покрывалъ поцѣлуюми салоги Трамасова и Карамова, рыдалъ и глухо молилъ:

— Пощадите, я докажу, что я це виновенъ...

— О, нѣть, поздно. Пролитая по вашей винѣ кровь народа должна быть отмщена,—сказалъ Трамасовъ, открывая дверь въ смежную комнату, гдѣ находился убитый провокаторъ...

— Вотъ вѣмъ и спутникъ въ царство тѣней!

Трамасовъ закрѣпилъ конецъ веревки на вбитомъ въ стѣнѣ

гвоздѣ и повѣсилъ Гапона, какъ собаку...

XXV.

Несчастная война съ японцами, во время которой русскій народъ захлебывался въ крови,—война, выбросившая на произволъ судьбы десятки тысячъ инвалидовъ и больныхъ-полутруповъ, наконецъ, завершилась позорнымъ миромъ, подписаннымъ Витте въ Портсмутѣ.

Правительство видимо полагало, что страна, пораженная гангреной несчастій и страданій,—страна, измученная войной, успокоится. Но этого не случилось. Послѣ девятаго января волны народнаго гнѣва противъ царскаго трона буйно вздымались, били черезъ край. Весь народъ закидалъ неправдѣю и местью. Лѣтомъ снова начали всыпывать частыя забастовки на фабрикахъ и заводахъ. Правительство попрежнему свирѣпствовало, сотнями казня и ссылая борцовъ за свободу. Попрежнему лилась кровь народа. Но ничто не помогало, ни что не могло угасить духа протеста. Частичные забастовки вылились въ забастовку всеобщую. И какъ по мгновенію волшебного жезла жизнь замерла въ великой странѣ. Остановились желѣзныя дороги, пересталъ работать телеграфъ.

Царскіе хлопоты всполошились.

Больше всѣхъ хлопоталъ Витте, поддерживая свой престижъ первого дипломата, и, желая поддержать колеблющійся тронъ, онъ часто тайно сбѣзъщался съ Распутиномъ, который сдѣлался при дворѣ первымъ лицомъ.

Въ октябрѣ Витте съ сияющимъ лицомъ прибылъ во дворецъ, гдѣ былъ немедленно принятъ царемъ, сидѣвшимъ въ компании съ Григоріемъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій Витте подалъ царю бумагу.

— Это что такое?—спросилъ Николай.

— Прочитайте, Ваше Величество.

Николай прочиталъ бумагу, раздраженно покрутилъ усы и сказалъ:

— Вы шутите, Сергѣй Юльевичъ? Чтобы я сталъ дѣлиться властью съ ~~народомъ~~? Никогда.

И опять, поднявшись съ кресла, взволнованно заходилъ по кабинету, оставивъ бумагу на столѣ.

— Дай-ка, дай-ка же почитать, что тутъ написалъ графъ,—протянулъ руку Распутину.

Онъ долго читалъ манифестъ, чмокалъ губами и тряслъ бородой. Затѣмъ поднялся во весь ростъ. Изъ всей силы ударилъ кулакомъ по столу.

Царь испуганно побѣдѣлъ отъ этого рѣзкаго жеста.

— Что съ вами Григорій Ефимовичъ?—тихо произнесъ онъ, глядя на старца широко раскрытыми глазами.

— А то, что Сергѣй Юльевичъ пишетъ правильно. О народушкѣ помыслить надо.

И загадочно усмѣхнувшись въ бороду, добавилъ:

— Подиши.

Слово Распутинъ было закономъ для безвольнаго царя. Онъ присѣлъ за столикъ и подписалъ манифестъ, коимъ выборные отъ народа призывались къ законодательству и управлению страной. Даровалась свобода собраній, стачекъ и союзовъ.

— Всѣ и добро,—замѣтилъ Распутинъ.—Теперь сиди спокойно.

Манифестъ былъ опубликованъ 17 октября. И чудо совершилось. Народъ слова ~~новѣрилъ~~ обѣщанію. Снова задымились фабричныя трубы, грави ~~загромыхали~~ по рельсамъ вагоны. Въ дни осени по вѣяло какъ бы ароматомъ весны. Но видно нельзя вѣрить обѣщаніямъ царей, ибо они всегда бываютъ ложны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кровавый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

XXVI.

Улицы Москвы были погружены во мракъ. На Садовой и въ прилегающихъ къ ней переулкахъ слышались возбужденные голоса, стучали топоры, пискали пилы. То шли лихорадочные работы по постройкѣ баррикадъ. Кое-гдѣ пылали костры, около которыхъ располагались группы друзинниковъ, съ красными повязками на рукахъ. Нѣкоторые изъ нихъ руководили работами, приказывали снимать телеграфные столбы, снимать ворота, опускать кучи досокъ проволокой. Нѣкоторые упражнялись въ стрѣльбѣ изъ винтовокъ, отнятыхъ у продовольств.

Карамовъ съ Нагорскимъ и Трамасовымъ медленно пробирались къ Прѣснѣ, гдѣ находился штабъ друзинниковъ, къ которому они и намѣревались присоединиться.

— Вадимъ Викентьевичъ, — заговорилъ Нагорскій, — вы вѣрите въ успехъ этого восстания?

— Другъ мой, — отвѣтилъ Карамовъ — если бы я не вѣрилъ, я не пошелъ бы. Я шозагаю, что это будетъ посильный бой самодержавію.

— Хотя я думаю нѣсколько иначе, — отозвался Трамасовъ, — но все же иду. Ей-Богу пріятно пощекотать нервы передъ лицомъ опасности.

— Такъ вы не вѣрите? — спросилъ Нагорскій, обращаясь къ Трамасову.

Тотъ пожалъ плечами.

— Для меня все равно: будетъ ли успехъ, или не будетъ. Важно то, что я живу и дѣйствую, какъ мѣхъ нравится. Любя опасность, я иду изъ нее.

И онъ засвисталъ что-то бравурное.

— Все за нась, — продолжалъ Карамовъ. — Развѣ вы не замѣчаете того сочувствія, которое проявляется въ движеніи вся страны. Развѣ не попрятались царскіе палачи?

— Все это такъ, — отозвался Нагорскій, — но меня смущаетъ Петербургъ. Онъ какъ-то притихъ, чего-то ощущаетъ, точно задаетъ вопросъ: бастовать или не бастовать. И будетъ большое несчастіе, если рабочіе Петербурга не поддержатъ нась въ эту минуту.

— Вы еще забываете солдатъ, — вставилъ свое слово Трамасовъ. — Подумайше, что будетъ, если они пойдутъ противъ народа.

— Говорятъ, что въ Москву ёдетъ Семеновскій полкъ, — сказали Нагорскій.

Они свернули съ Садовой и подошли къ Зоологическому саду. Здѣсь также шла энергичная постройка баррикадъ. Тутъ и тамъ маячили темные фигуры друзинниковъ и рабочихъ, вооруженныхъ браунингами и винтовками. Молодые, задорные голоса звучали въ морозномъ воздухѣ. Какъ молодое вино свободы, пѣнилась революціонная пѣсня: «Вставай, поднимайся, рабочій народъ...»

Карамовъ смотрѣлъ на эти лихорадочные приготовленія, чувствовалъ мощный энтузіазмъ молодежи и всѣмъ сердцемъ вѣрилъ въ чудо воскресенія народа отъ смерти вѣкового рабства. Да, наконецъ, наступилъ долгожданный моментъ возмездія. Мечта, которой жилъ Карамовъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, теперь воплощается въ жизнь. Впереди свѣтъ и свобода.

— Друзья мои, — сказалъ Карамовъ, — если намъ суждено погибнуть, умремъ за будущую красоту жизни. Что жъ? Мы явимся новыми жертвами кроваваго трона. Но безъ жертвъ не достигается победа, безъ победы нетъ свободы, а безъ свободы нѣть жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кровавый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

Они подошли къ ярко пылающему костру, около котораго располагалась группа оживленно бесѣдующихъ дружиинниковъ.

— Товарищи,— обратился къ нимъ Карамовъ, при чмъ голосъ его зазвучалъ твердыми металлическими нотами,— товарищи, вы видите предъ собою сѣдѣющаго члсѣка. Но для него слово свободы такъ же дорого и свято, какъ и для васъ. И красное знамя, гордо развивающееся отъ моря и до моря по лицу великой родины, а можетъ быть и всего міра—мечта всей жизни. Ради него онъ, отбросивъ все личное, шагалъ по тернистымъ дорогамъ все впередъ и впередъ. И огонь разъ зажженной вѣры донесъ до этихъ радостныхъ дней. Товарищи нась всего прое, но за счастіе человѣчества мы будемъ драться, какъ львы.

— Ура! — восторженно закричали дружиинники.

ХХVII.

Мглисто-туманное утро точно сѣрымъ флеромъ окутало Первопрестольную. Необычное оживленіе царило на улицахъ. Чувствовалось нервное и тревожное настроеніе. Еще съ бочера ходили по городу страшные слухи объ отъѣздѣ изъ Петербурга Семеновскаго полка, командированаго для усмирѣнія московскаго возстанія.

Утромъ слухи подтвердились. Полкъ прибылъ въ полномъ боевомъ вооруженіи, съ приказомъ «патроновъ не жалѣть ...»

Около полудня у Николаевскаго вокзала грозно зловорили царскія пушки. Это шла такъ сказать артиллерійская подготовка по сбившему барrikадъ, либо солдаты не рѣшились ити на нихъ прямо. Немногочисленные дружиинники и рабочіе, желѣзодорожныхъ мастерскихъ спрѣгались, но что они могли подѣлать къ своими браунингами противъ пушекъ и пулеметовъ.

Барrikады сметались, какъ кучи сухой пыли... Тучи дыма, грохотъ пушекъ, оглушительные разрыны снарядовъ, ружейные замы, вопли и крики несчастнаго населенія, сплетались въ како-то адскій концертъ въ продолженіе всего дня. Въ извилистыхъ переулкахъ въ тихническомъ ужасѣ суетились люди, тщетно старающіеся укрыться отъ шума.

«Усмирѣніе» принимало характеръ страшной, кровавой бойни, отъ которой, глазнымъ образомъ, страдали мирные жители. Нѣкоторые изъ нихъ внезапно лишившись разсудка стоя бросались подъ пули.

— Дѣло принимаетъ трагическій оборотъ—замѣтилъ Трамасовъ, обращаясь къ Карамову. Они съ утра обходили забаррикадированные районы, ободряя дружиинниковъ.

Карамовъ промолчалъ.

— Можно сказать, что наше дѣло проиграно,—замѣтилъ Нагорскій.

Между тѣмъ, Семеновцы постепенно проделывались по Садовой, гремя артиллеріей вдоль улицы.

Дружиинники, дѣйствуя партизанскимъ образомъ, наносили въ свою очередь войскамъ уронъ.

Бойня продолжалась иѣсколько дней.

Въ концѣ концовъ дружиинникамъ пришлось сгруппироваться на Прѣсиѣ. Сюда и были направлены всѣ силы усмирителей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жребий сироты.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

Карамовъ не могъ забыть этого памятнаго днѣа. Съ семи часовъ утра началась артиллерійская канонада. Вся Прѣснія и часть Грузинъ были обѣты черными дымными тучами. То возникъ цѣлый рядъ шкваловъ. Изъ домовъ выбѣгали обезумѣвшіе люди, метались по улицамъ и потчасъ же попадали подъ разструй артиллеріи и драгунъ. Артиллерія громить даже и фабрики, очевидно, старалась загнать дружинниковъ въ одно мѣсто и захватить живыми. На крышахъ, съ дыма и пламени появлялись дружинники, стрѣляли изъ своихъ браунинговъ и гибли... Карамовъ съ своими товарищами дрались действительно какъ львы, появляясь тамъ, где ихъ менѣе всего ожидали. Но силы были не разныя... Имъ приходилось удивляться не тому, что они терпѣли пораженіе, а тому, что они слишкомъ долго могли держаться. И вотъ, наконецъ, силы изсякли, начались массовые аресты, на фабричныхъ дворахъ появились бѣлые флаги. Путь отступленія былъ отрѣзанъ. Трамасовъ и Нагорскій куда-то исчезли. Карамовъ остался одинъ. Начинало смеркаться. Чувствуя смертельную усталость и совершенное равнодушие къ жизни. Карамовъ вышелъ изъ засады и тихо побѣгъ мимо обгорѣвшихъ, полуразрушенныхъ домовъ. Всюду валялись трупы убитыхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей. По улицѣ вели массы арестованыхъ. Какиаго-то чудомъ добрался инженеръ до Зоологическаго сада. Впереди маячила фигура женщины. По временамъ она останавливалась, озиралась по сторонамъ, точно искала кого-то. Вдругъ откуда-то прогремѣла выстрѣлъ. Женщина вскрикнула, зашаталась и упала. Карамовъ подбѣжалъ къ ней. Наклонилъся. На него смотрѣли тоскующіе глаза княгини Надломской. Она была ранена въ грудь.

— Это мой предсмертный сонъ? — прошептала она. — Вы?..

— Лиза! Зачѣмъ выѣдѣть? — вскричалъ пораженный необычайной встрѣчей Карамовъ, беря на руки раненую княгиню и зажимая рукой рану, чтобы не шла кровь.

— Изнемогающая, она близко-блѣзко прижалась къ нему. И слабѣющимъ голосомъ заговорила.

— Я искала вѣсть... Я знала, что выѣдѣть... И вотъ... нашла вѣсть и смерть... Но мнѣ хорошо... мілый... я любила только одного тебя... Всю жизнь...:

Слезы брызнули изъ глазъ Карамова. Онъ покрывалъ пошлужими блѣдное лицо молодой женщины, ея глаза полныя любовнаго воста и смертной тоски.

— Я думала о тебѣ всю жизнь, — продолжала она. — И даже исполнила твою просьбу... Вотъ вѣдѣть письмо... Алины... мнѣ было тяжело, но я исполнила... Мілый! Ахъ...

Слабо вскрикнула и вытянулась на рукахъ Карамова.

— Стой! Стой, куда идешь?

Грубая брань рѣзанула воздухъ. Карамовъ простоялъ.

— Руки вѣрхъ, матери твоей чортъ!..

Солдаты заставили Карамова положить трупъ княгини на землю и поднять руки. Обыскавъ Карамова они нашли у него закопченный браунингъ съ разстрѣлянными патронами.

— Ага — злорадно буркнула солдатъ — ты, братъ, дружинникъ.

Карамова арестовали.

Но теперь онъ былъ равнодушенъ къ этому. На него смотрѣли какъ изъ тумана тоскующіе глаза княгини, и точно изъ другого мира звучать ея мелодичный голосъ, передавая о великой любви и письмѣ Алины, которое ему не суждено было получить, — оно осталось у мертвой княгини...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жробавый трожъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
Романъ П. Ордынского.

ХХVIII.

Полночь.

Сквозь желѣзные переплеты крѣпостной решетки въ камеру вливается мракъ ночи. Долетающій съ моря зябкій вѣтеръ глухо и протяжно завываетъ въ трубахъ, какъ бы рассказывая унылую повѣсть о страданіяхъ, заключенныхъ въ мрачныхъ казематахъ людей. Въ окно бьются мокрые хлюпья снѣга.

На башнѣ Петропавловской крѣпости куранты заиграли «Коль славенъ».

Тоска.

Осанувшійся и значительно посѣдѣшій, но все еще сохранившій энергию и фанатический блескъ глазъ, инженеръ Карамовъ, точно маятникъ часовъ вѣдь-впередъ маячить по камерѣ, предаваясь воспоминаніямъ. Уже много лѣтъ онъ сидѣть здѣсь. Но вѣра въ близкое освобожденіе не покинула его. О, нѣтъ. Онъ вѣритъ, какъ вѣрилъ прежде. Его страданія и страданія многихъ борцовъ за свободу будуть покушены. На «волѣ» еще много осталось борцовъ. Среди нихъ—вѣрные друзья, Трамасовъ и Нагорскій. Оли отомстить.

Съ золи доносятся слухи о войнѣ затѣянной Николаемъ по договору съ Вильгельмомъ. Эти самодержцы, испугавшись соціалистического движения въ своихъ странахъ рѣшили столкнуть своихъ рабовъ лбы со лбами.

— Но нѣтъ, не пройдетъ ихъ номеръ. Они погибнутъ въ томъ отъѣ, который вызвали. Наступить день, въ который всыхнетъ буйный вихрь мятежа, надъ изстрадавшейся страной засияеть солнце свободы, и тронъ despota опирающійся на обманъ и насилие, превратится въ щепы и мусоръ.

Глухо раздаются шаги Карамова подъ сводами каземата. Онъ прелушиваетъ къ игрѣ курантовъ и думаетъ:

— Да... Этотъ гимнъ, передаваемый звуками холода го металла, еженочнѣ изѣщаетъ тирзана о томъ, что въ странѣ все обстоитъ благоолучно. Въ своихъ царственныхъ покояхъ онъ можетъ спать спокойно. Страна его въ моніи, но миллионы рабовъ еще не губунтовались. Когда же изѣянить ихъ терпѣніе? Уже земля достаточно пропиталась ихъ кровью, но они все терпятъ.

Карамовъ горько усмѣхнулся. И здѣмъ упрямо тряхнулъ посѣдѣвшими кудрями.

Но все же... Онъ, вѣдь, волнующе и страстно ждетъ того момента, когда куранты перестанутъ играть «Коль Славенъ». Онъ вѣрагъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жробабый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынского.

И снова инженеръ безконечно мачтъ, какъ плавидѣніе по камерѣ... Чутко прислушивается къ доносившимъ звукамъ, точно ожидаетъ что-то важное и нужное.

Эта ночь тянется безконечно долго. Какъ-то особенно насторожено быть хлопья снѣга въ зарѣщеченнное окно. А вѣтеръ съ моря? Не хочетъ ли онъ разсказать волшебную сказку о свободѣ.

Съ утра ходили по крѣпости затащіе слухи. Передавали о восстании рабочихъ. О присоединеніи къ нимъ солдатъ. О, если бы...

Но чу! Нарастаетъ какой-то необычайный шумъ... Это не шумъ вѣтра, долетающаго съ моря. То неопредѣленный гулъ человѣческихъ голосовъ, то временами переходящій въ ревъ чѣмъ-то встревоженного стада. Въ людской гуще вкрапляются трески ружейныхъ выстреловъ.

Неужели?

Карамовъ приинкаетъ къ оконной решеткѣ. И остро вливается во мглу снѣжной ночи. Въ мелькающемъ кружевѣ снѣжныхъ хлопьевъ суетливо двигаются темные фигуры людей. Вспыхиваютъ беспорядочные огни факеловъ.

И вдругъ, точно струя сѣйшаго воздуха, ворвавшагся въ затхлое подземелье доносится мощная шѣсн: «Вставай, поднимайся рабочій народъ».

Что такое? Революціонный гимнъ въ цитадели самодержавія? Галлюцинація? Сонъ?

Шумъ возбужденныхъ голосовъ слышенъ въ коридорахъ.

Захлопали тяжелыя двери мрачныхъ узилищъ. Загремѣли замки.

— Товарищи, товарищи! Свобода! Народъ сбросилъ оковы рабства. Деспотъ палъ. Нѣть больше царя! Народъ освобождается вѣсъ.

Камера Карамова распахнулась. Вошли двое штатскихъ и трое военныхъ, съ красными цветами въ петлицахъ. Бросились обнимать и целовать узника.

Слезы радости текутъ изъ глазъ инженера.

Все еще не вѣря въ радостную дѣйствительность, Карамовъ вышелъ вмѣстѣ съ ними изъ камеры.

На воздухъ. На просторъ. На свободу.

На дворѣ торжественно и ярко пылаютъ факелы. Сходятся кучки освобожденныхъ узниковъ.

«Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой».—мощно гремитъ похоронный маршъ.

При свѣтѣ факеловъ увозятъ тѣхъ, кто держалъ за крѣпкими замками борцовъ за свободу.

А тамъ вдали, въ городѣ все растетъ, все усиливается буйный гулъ голосовъ возбужденныхъ виномъ свободы толпъ. Трескотня ружейныхъ выстреловъ мѣшается съ татаканьемъ методичныхъ пулеметовъ.

Карамовъ даже не замѣтилъ, какъ донесли его ноги до Невскаго.

Окончаніе завтра.

Жробабый трохъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Романъ П. Ордынскаго.

Свѣтаетъ.

Вѣютъ алые, красныя знамена. Вѣютъ торжествующе и побѣдно. Многочисленныя толпы народа ходятъ по всѣмъ направлениямъ. Во многихъ мѣстахъ бѣлый снѣгъ мостовыхъ обагренъ азой кровью. Точно красные цвѣты горятъ изъ бѣлой шарчѣ.

Карамовъ падаетъ изъ колѣни, склоняется лицомъ къ землѣ и пѣгаетъ обагренный кровью снѣгъ.

Свершилось.

Онъ прикасаетъ къ свободной землѣ... Мечта его жизни сбылась. Кровь и слезы народа не прошли даромъ. Они многое дѣль сочлились изъ глазъ и ранъ рабовъ-людей, чтобы смыть тронъ деспота. И смыли.

Съ непокрытой сѣдой головой стоять Карамовъ на колѣниахъ, молитвенно простирая руки къ небу. А кругомъ него трепыхають алые, какъ заря свободы— знамена, побѣдно гремитъ марсельеза и ликующіе взогласы несмѣтныхъ толпъ сливаются въ гимнъ новой жизни.

Чья-то рука опускается на его плечо. И знакомый, такой знакомый женскій голосъ называетъ его по имени:

— Вадимъ.

Передъ нимъ стоять маленькая женщина въ формѣ сестры милосердія, опирающаяся на руку юнаго шрапорщика.

— Анна! Сынъ мой!..

Радостныя слезы катятся изъ глазъ инженера. И всѣ страданія минувшихъ дней, скитанія и заключенія отлетаютъ, какъ дымъ. Горечь многолѣтней разлуки и восторгъ нечаянной встречи выливаются изъ одной его фразы:

— Теперь ничто не разлучить наѣ.

Ахъ, онъ не будетъ спрашивать у нея: где она была, что дѣлала. Зачѣмъ? Онъ прижметъ близкихъ своихъ къ груди, въ которой пылало и пылаетъ неизмѣнное солнце любви. На терпѣністыхъ дорогахъ жизни оно свѣтило ему, вливало бодрость, питало тѣлу въ достиженіе поставленной цѣли. Борьба была не ровная, но она увѣнчалась усѣгѣомъ. И отнынѣ открывается передъ нимъ новая страница труда на пользу человѣчества. О, конечно, онъ выполнитъ задачу, возложенную на него когда-то Антона. Имя его будетъ прославлено. Оно заблещетъ такимъ же свѣтомъ, какимъ блестали имена Конфуція, Будды, Христа. О, непокорный, спелльный, теперь сѣдѣющій локонъ, буйно выщипанный надъ розовою раковинкою уха.

Самодержавіе пало. Личное счастіе пришло. Но тяжкое наслѣдіе стараго строя—война—продолжалась. И неизвѣстно, когда должна кончиться.

Карамовъ страдалъ за человѣчество, вовлеченнное царями въ безумную бойню.

— Этого не должно быть,—говорилъ онъ.

Въ немъ зреѣла титаническая мысль.

Черезъ иѣкоторое время послѣ ткученія вина свободы онъ писалъ Нагорекому и Трамасову, которые были вождями революціонныхъ масонъ:

«Друзья мои. Я снова работаю надъ «Всевидящей». Къ этому меня наставляю призываѣть тѣнь безвременно погибшаго Миллита. Бѣдный юноша не могъ дожить до дней свободы!.. Безумная война слишкомъ затянулась. Эту тяжкую болѣзнь не могла исцѣлить даже наша революція. И я долженъ быть ея крахомъ. Теперь ничто не помышляетъ моимъ опытомъ. Пріѣзжайте въ мой мирный счастливый очагъ, будемъ работать вмѣстѣ...»

Новые горизонты рисуются моему взору. Они властно зовутъ къ великой работе».

Конецъ.

Примечания

Павел Львович Ордынский (наст. фам. Плохов, 1882 – ?) — прозаик, поэт. Родился в Ярославской губернии в крестьянской семье и по окончании сельской школы был отправлен в Москву, где служил «мальчиком» в лавке купца 2-й гильдии П. Ф. Ютанова, отца писателя В. П. Ютанова.

Публиковал рассказы и стихи в газетах «Утро», «Раннее утро», «Руль», «Вечерние известия». В 1907-1914 гг. был редактором первых девяти книг издававшегося В. П. Ютановым альманаха «Сполохи»; в альманахах «Сполохи» печатал и собственные произведения, в том числе стихи, рассказы, этюды и повесть «Разбитые грани» (1908).

В 1916 г. выпустил книгу «Человек здравого смысла и другие рассказы». Роман «Кровавый трон», опубликованный в 1917 г. в московской газете «Трудовая копейка», в том же году вышел отдельным изданием.

Во время гражданской войны ездил на агитпоезде «Октябрьская революция» вместе с М. И. Калининым. В 1920-х годах сотрудничал в газетах «Гудок», «Труд», «На вахте»; был членом Суриковского литературно-музыкального кружка.

Роман «Кровавый трон» публиковался с перерывами в №№ 60/1569 (1917, 16 марта) — 148/1657 (1917, 2 июля) газеты «Трудовая копейка» (М.). Сканы выполнены Российской государственной библиотекой. В главке XXIV части I имеется пропуск небольшого фрагмента.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.